

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**РУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ
В ЕВРАЗИИ:
50-е годы XVII века**

Москва 2000

*Работа осуществлена в рамках
международного проекта ИНТАС
(Ореп 97-1482)
и при его финансовой поддержке*

Редколлегия:

*Л.Е. Семенова, чл.-корр. РАН Б.Н. Флоря (ответственный редактор),
И. Шварц*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.Н. Виноградов
кандидат исторических наук С.Ф. Орешкова*

Посвящаем памяти коллеги
Льва Валентиновича Заборовского

To the memory of our colleague
Lev Zaborovsky

The present collection of papers was prepared in the framework of INTAS international project «Russian and Ukrainian Diplomacy in Eurasia: the Fifties of the 17th century», which pooled together researchers from Russia, Austria, Denmark and Sweden. The project's objective is to coordinate efforts of the scholars from various countries in studying the international relations in Central Eurasia through the 5th decade of the 17th century with special focus on interrelation between international politics in various parts of the region and on genesis of Eurasian entity in the field of international relations.

In the second half of the 5th decade of the 17th century the whole central part of Eurasia became a theater of large-scale international conflicts, which involved not only the countries of the region, but many other West European and Asian powers as well. The events of these years had a deep effect on the future fortunes of the countries and peoples involved. Intensive military clashes, social disturbances and sudden changes in political sovereignty over numerous territories accompanied the historical developments of that time. An important role in those was played by Russia and another newborn political entity, which took shape in the course of these clashes – i. e. Ukraine.

The dramatic events of the 5th decade of the 17th c. have been attracting historians since long ago. However existing studies of these events are aggravated by historical myths, cliches and wrong approaches. For example, East-European (and especially Russian) political history was treated separately from the political process in the rest of Europe. International relations in Europe and in Asia were also studied in isolation from each other. On the other hand, through the Socialist period Russian historiography was dominated by obligatory ideological approaches, which made the balanced study of the problem hardly achievable, while the revision of this Marxist approach in post-Soviet historiography of the new independent states brought into life some nationalistic interpretations. It is this situation with the studies of international relations in the middle of the 17th century that makes a coordination of the efforts of researches from various countries especially important.

Another vital condition of transition from fragmentary studies of isolated historical episodes of the political history of that time to a complex integral research is an involvement of new sources. That is why the work with

Настоящий сборник статей подготовлен в рамках международного проекта ИНТАС «Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е гг. XVII в.», в осуществлении которого наряду с российскими историками принимают участие ученые из Австрии, Дании, Швеции.

Цель проекта – координация усилий исследователей разных стран в изучении международных отношений в Центральной Евразии в середине XVII в. При этом ставится задача выявления степени взаимосвязи и взаимозависимости внешнеполитических событий в разных частях региона. На основе такого подхода имеется в виду рассмотрение проблемы формирования евразийской общности в сфере международных отношений изучаемого времени.

Во второй половине 50-х гг. XVII в. вся центральная часть Евразии стала зоной крупных международных конфликтов, в которых, помимо государств региона, принял участие целый ряд других европейских и азиатских держав. События этого времени наложили глубокий отпечаток на исторические судьбы многих государств и народов. Во всех переменах, сопровождавшихся крупными военными столкновениями, быстрыми сменами политической принадлежности огромных территорий, социальными потрясениями, далеко не последняя роль принадлежала России и новому политическому образованию, увидевшему свет в ходе раздиравших регион конфликтов – Украинскому гетманству.

Драматические события середины XVII в. давно привлекали внимание историков. К сожалению, посвященные этим событиям исследования не свободны от исторической мифологии, клише и ложных подходов. Так, восточноевропейская политическая история (особенно России) рассматривалась в отрыве от процессов, происходивших в это время в остальной Европе. В свою очередь, изучение международных отношений в Западной Европе и в Азии тоже велось изолированно. К тому же в русской историографии советского периода господствовали определенные идеологические стереотипы, затруднявшие объективный анализ событий. Пересмотр марксистских положений в постсоветской историографии новых независимых государств породил, в свою очередь, ряд националистических интерпретаций.

unpublished materials on mid 17th century international relations in Eurasia which are preserved in Russian and West European archives became a special priority of the INTAS project. It is understood, that a number of academically sound collections of the sources on the mid 17th century diplomatic activities related to the conflicts between Poland, Russia and Ukraine already exists. However, a considerable body of documents from Russian and West European archives remains unpublished and unused by scholars. That is especially true for the documents reflecting Russian and Ukrainian part in the international crisis of mid 17th century, because our knowledge of these documents is far from being adequate to the actual role played by these countries. The major part of the sources on Russian and Ukrainian diplomacy of that time is not published yet, and in too many cases scholars are not even aware of their existence. For instance, numerous documents on the topic preserved in Russian State Archives of Old Acts were underestimated by Russian scholars and are hardly known to researchers from abroad. On the other hand, for many years Russian scholars were unable to work in West European archives and had to limit themselves to the usage of what was selected and published by their foreign colleagues. A complete inventory of archival materials on the subject and publication of the corpus of unpublished documents are needed to improve this situation. The international INTAS project «Russian and Ukrainian Diplomacy in Eurasia: the Fifties of the 17th century» was initiated to fulfill this task, thus providing scholars with an adequate material to research the international relations of that time.

The present collection of papers is mainly based on the materials contributed by the participants of the project for the Round Table, which was organized in Moscow on June 1–2, 1999. The papers summarize results of the research of various aspects of the international situation in Central Eurasia through the 5th decade of the 17th century by various national historiographies and single out the related collections in Russian, Austrian, Swedish and Danish archives. The approach of the authors varies from general essays to detailed descriptions of specific archival collections. However all the papers are inspired by the general purpose of showing the significance and perspectives of expanding the corpus of the sources to be used for the study of Russian and Ukrainian diplomacy in the wider context of the mid 17th century international relations in the whole Eurasian region.

В таком контексте состояния исследований международных отношений середины XVII в. представляется особенно важной координация усилий ученых разных стран в изучении этого исторического периода, отмеченного дипломатической активностью ряда государств Центральной Евразии. В этой связи большое значение приобретает введение в научный оборот новых источников, комплексный анализ всех имеющихся материалов, относящихся к указанному периоду. Поэтому главной целью проекта является подготовка к изданию корпуса документов из российских и зарубежных архивных фондов, освещающих деятельность дипломатий стран Центральной Евразии, в первую очередь России и Украинского гетманства во второй половине 50-х гг. XVII в.

Международным событиям, связанным с русско-польско-украинским конфликтом 50-х гг., посвящены не только большая научная литература, но и солидные публикации документов. Тем не менее, значительный комплекс материалов как из российских, так и зарубежных архивов остается еще неизвестным и неиспользованным исследователями. Так, до сих пор наши знания об источниках, освещающих участие России и Украины в этих событиях, далеко не соответствуют той исторической роли, которую они сыграли в период международного кризиса середины XVII в., охватившего Центральную Евразию.

Большая часть источников, касающихся деятельности русской и украинской дипломатии в этот период, все еще не издана, а в ряде случаев и не введена по-настоящему в научный оборот. В частности, многие документы, отложившиеся в различных фондах Российского государственного архива древних актов, в исследуемом аспекте недостаточно привлекали к себе внимание российских историков, а для зарубежных ученых по существу оставались неизвестными.

В свою очередь, отечественные исследователи были ограничены в использовании иностранных архивных материалов и основывались в своих изысканиях главным образом на опубликованных источниках или на данных, введенных в научный оборот зарубежными учеными.

Осуществляемая в рамках проекта работа по выявлению и подготовке к изданию корпуса источников из русских и иностранных архивов позволит ввести в научный оборот новые документы, касающиеся деятельности дипломатий стран Центральной Евразии во второй половине 50-х гг., в первую очередь России и Украинского гетманства, даст возможность для сопоставления материалов разных архивных фондов, отечественных и зарубежных, создаст широкую ис-

точниковую базу для комплексного исследования истории международных отношений середины XVII в.

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей в своей основе представляет доклады исполнителей проекта, подготовленные для заседания Круглого стола, состоявшегося в Москве 1–2 июня 1999 г. В большинстве включенных в него статей освещаются вопросы, связанные с состоянием источниковой базы, с описанием материалов отдельных фондов российских и зарубежных архивохранилищ. Авторы статей ставят своей целью показать, какие большие возможности для объективного анализа и осмысления международного кризиса середины XVII в. представляют выявление и введение в научный оборот новых источников из архивов России, Австрии, Дании и Швеции. В ряде статей дается характеристика документов конкретных фондов, раскрывается их значение для исследования узловых вопросов деятельности русской и украинской дипломатии в 50-е гг. XVII в. в контексте международных отношений этого периода на евразийском пространстве.

В то же время само содержание сборника ставит также цель подчеркнуть необходимость и плодотворность объединения усилий исследователей разных стран для расширения документальной базы и на ее основе комплексного изучения дипломатической деятельности стран Центральной Евразии, особенно России и Украинского гетманства, в сложный для нее период драматических событий середины XVII в.

Б.Н. Флоря

(Москва)

**50-е гг. XVII в. В ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРАЗИИ
И ЗАДАЧИ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ В ЭТИ ГОДЫ**

В середине XVII в. обширные территории в Восточной и Центральной Европе стали ареной весьма масштабных исторических событий. Их началом стала освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, которая привела к появлению на карте Восточной Европы нового политического образования, именовавшегося в то время Войском Запорожским. Находившееся в зависимости от Польско-Литовского государства это политическое образование фактически действовало самостоятельно и политика его сплошь и рядом оказывалась в резком противоречии с интересами формального сюзерена. Попытки силой добиться ликвидации нового государства и возвращения вошедших в состав Запорожского Войска украинских земель, предпринимавшиеся на протяжении ряда лет, так и не привели к желаемой цели, их единственным результатом стало разорение Речи Посполитой и заметное ослабление ее позиций на международной арене. Этот конфликт, ставший началом глубокого внутреннего кризиса и постепенного ослабления одного из крупнейших европейских государств, несмотря на всю историческую значимость, носил все же локальный характер. В первой половине 50-х гг. традиционная система отношений между государствами в Восточной Европе не претерпела серьезных изменений, хотя уже в то время обнаружившаяся внутренняя слабость Речи Посполитой явилась важным стимулом для усиления активности соседей, как тех, кто был заинтересован в сохранении существующего положения, так и тех кто желал бы ее дальнейшего ослабления ради усиления своих позиций.

Положение сильно изменилось, когда Запорожское Войско, порвав окончательно со своим сюзереном, по решению Переяславской рады 1654 года подчинилось верховной власти царя Алексея Михайловича. Это событие привело к войне между Россией и Речью Посполитой, не желавшей отказываться от украинских земель. Война, начавшаяся весной 1654 г., скоро приняла неблагоприятный для польских властей характер. Если на юге во многом благодаря заключению союза с Крымским ханством удалось удержать территорию современной Западной Украины, то на севере войска Речи Посполитой теряли одну территорию за другой. 23 сентября 1654 г. капитулировал главный узел польской обороны на западной границе Смоленск и для русских армий открылся путь во внутренние районы страны. К концу 1654 г. русские войска заняли не только Смоленщину, но и значительную часть Восточной Белоруссии с ее главными городами Полоцком и Витебском. Попытки польско-литовских войск зимой 1654/5 г. усилить свои позиции как на севере, так и на юге оказались безуспешными. С началом нового русского наступления весной 1655 г. положение на севере стало для Речи Посполитой критическим. 3 июля 1655 г. русским войскам сдался Минск, а 29 июля они вступили в столицу Великого княжества Литовского – Вильно. Большая часть Белоруссии и значительная часть Литвы были заняты русскими войсками и Алексей Михайлович принял титул «великого князя литовского».

Положение Речи Посполитой осложнилось еще более, когда в качестве ее противника летом 1655 г. выступила Швеция. Внешнеполитические неудачи, ослабление международных позиций страны сопровождались ростом трений между королем Яном Казимиром, на которого возлагалась ответственность за все происходящее, и группировками магнатов и шляхты в разных частях страны, готовых оставить своего монарха и подчиниться власти другого правителя ради того, чтобы выйти из создавшегося критического положения. Когда шведские войска вступили на территорию Великой Польши, то местные магнаты и собравшееся под их началом дворянское ополчение после непродолжительных переговоров с командующим шведской армии заключили соглашение, по которому принимали протекцию шведского короля, передавали в его распоряжение государственные земли и доходы и обязались принести присягу по прибытии в Польшу самого Карла Густава. Соглашение было подписано в конце июля и открыло шведским войскам путь во внутренние районы страны. 8 августа в Кейданах, на территории Жемайтии, от имени Великого княжества Литовского приняла шведскую протекцию значительная часть магнатов и шляхты тех частей Белоруссии и Литвы, которые еще не были заняты русскими войсками. Не сталкиваясь с серьезным сопротив-

лением, шведские войска двигались на юг. 8 сентября без сопротивления они заняли столицу Речи Посполитой – Варшаву. 25 сентября король Ян Казимир покинул польскую территорию, удалившись во владения Габсбургов – в Силезию. 19 октября шведские войска заняли древнюю столицу Польши – Краков. Капитулировала, приняв протекцию Карла Густава, польская армия во главе с обоими гетманами; в лагерь шведского короля поступали один за другим акты о подчинении его власти различных воеводств Речи Посполитой.

Все это привело к коренным переменам всей системы международных отношений в восточной части Европы. Одна из крупнейших держав региона Речь Посполитая на время исчезла с политической карты и, наоборот, резко усилились позиции двух ее соседей – России и Швеции, которые в течение сравнительно короткого времени оказались в принципиально новой для них ситуации, соответственно перед лицом новых политических задач.

Даже из краткой характеристики основных изменений, происходивших в Восточной Европе в середине 50-х гг. XVII в., ясно, что Россия принадлежала к числу стран, от политики которых в очень сильной степени зависели исторические судьбы всего этого обширного региона. Несмотря на всю масштабность происходивших в последующие годы событий, политика русского правительства, игравшая в их развитии не последнюю роль, до сих пор изучена крайне недостаточно. В основанной на большом архивном материале монографии А.Н. Мальцева характеризуется прежде всего военный аспект событий и усилия русского правительства по утверждению своей власти на занятых в ходе военных кампаний 1654 и 1655 гг. землях Смоленщины, Белоруссии и Литвы¹. Эволюция отношений России, Речи Посполитой и Швеции находилась в центре внимания в основанных также на большом документальном материале исследованиях Л.В. Заборовского, но в них изложение доводится лишь до момента вторжения шведов в Польшу². Опубликованный указанным автором обширный комплекс источников относится, правда, к более позднему времени – второй половине 1655 г.³, и они касаются, главным образом, поведения в сложившейся ситуации различных группировок магнатов и шляхты Великого княжества Литовского, сначала колебавшихся между принятием шведской или русской протекции, а затем постепенно возвращавшихся под власть Яна Казимира, и политики русского правительства по отношению к этим группировкам.

Одной из главных задач, стоявших перед русским правительством в конце 1655 г. было определить свое отношение к неожиданно образовавшейся на территории Восточной Европы огромной державе, центр кото-

рой находился в Стокгольме. Можно было искать соглашения с Карлом Густавом о разделе сфер влияния, или, напротив, оказать поддержку восстанию против шведской власти, которое началось в Речи Посполитой на рубеже 1655/56 г. Выбор, сделанный в этой ситуации русским правительством, известен. Весной 1656 г. между Россией и Речью Посполитой было заключено перемирие и тогда же Алексей Михайлович объявил войну Швеции. Важность принятого решения для исторических судеб Восточной Европы представляется очевидной.

Насколько такое решение отвечало государственным интересам России, на этот счет в русской научной литературе можно встретить противоположные оценки ⁴. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что мотивы побудившие русское правительство занять именно такую позицию, остаются неясными. Поэтому при изучении вопроса о роли русской политики в жизни Восточной Европы в один из переломных моментов ее развития представляется первоочередным выявление и подготовка к публикации документов, которые могли бы пролить свет на причины принятия столь ответственного решения. Речь должна, прежде всего, идти о круге сведений, касающихся положения в Речи Посполитой и вокруг нее, которые поступали в распоряжение русского правительства от его военачальников, действовавших на территории Белоруссии и Литвы и от воевод в городах на этих землях. Воеводские отписки сохранились в ряде фондов Российского государственного архива древних актов, в частности касающихся сношений России с Польшей, со Швецией, а также в фонде Разрядного приказа ⁵. Помимо этих отписок важные данные о положении на польских землях, об отношении разных групп магнатов и шляхты к шведам и королю Яну Казимиру доставляли русскому правительству его посланцы, неоднократно направлявшиеся в первой половине 1656 г. в различные центры Речи Посполитой ⁶. Кроме того, об этом узнавали из грамот, присылавшихся к русским властям от польских вельмож ⁷, и сообщений посланцев из Речи Посполитой, посещавших Москву. Среди этих источников необходимо выделить комплекс материалов, связанных с поездкой в Москву посланника Петра Галинского в марте-апреле 1656 г. Именно в результате его переговоров было фактически заключено соглашение о перемирии между Россией и Речью Посполитой ⁸. Особую ценность этим материалам придает то, что ряд важных документов (наказы посланцам, записи переговоров) сохранились в черновиках со следами правки, что позволяет проследить сам процесс выработки отдельных решений.

Информация, влиявшая на принятие политических решений русскими правящими кругами, поступала в Москву и в результате прямых контактов со шведскими военачальниками и политиками. В фонде «Сноше-

ния России со Швецией» сохранились материалы переписки русских и шведских военачальников⁹ и записи переговоров между ними¹⁰. Пониманию мотивов принятого русским правительством решения и характера изменения внешнеполитического курса России в конце 1655 — первой половине 1656 г. может способствовать также публикация записей переговоров, которые вело в это время Москве шведское посольство во главе с Густавом Бьелке¹¹.

Исследование этого комплекса материалов, предпринятое недавно Е.И. Кобzareвой^{11а}, показало, что в них содержится богатый материал для освещения того, как воспринимались русской стороной и действия, предпринимавшиеся шведами, и поступающая от них информация. Хорошо известно, что принятию Москвой решения прервать войну с Речью Посполитой и начать военные действия против Швеции, способствовала также деятельность австрийской дипломатии. Перемены в Восточной Европе, которые привели сначала к ослаблению Речи Посполитой, связанной союзными соглашениями с Австрийским Домом, а затем к резкому усилению позиций Швеции, традиционно принадлежавшей к кругу враждебных Габсбургам государств, никак не могли устроить австрийские правящие круги. Император Фердинанд III поспешил с предложением посредничества между Россией и Речью Посполитой. Запись переговоров, которые вели в Москве австрийские послы в конце 1655 — первой половине 1656 г., сохранившаяся в архиве Посольского приказа, давно опубликована¹², однако содержащиеся в ней сведения о ходе переговоров и аргументах, выдвигавшихся представителями русской и австрийской сторон, их оценках событий могли бы быть существенно уточнены и дополнены с изучением и изданием донесений австрийских дипломатов о своей миссии, хранящихся в Венском архиве.

Особенностью русских источников этого времени (отсутствие личных архивов с текстами конфиденциальной переписки государственных деятелей) является то, что от исследователей, как правило, скрыт сам процесс выработки ответственных политических решений. Поэтому представляется весьма важным введение в научный оборот тех сведений о разногласиях в русских правящих кругах в связи с резким поворотом во внешней политике России, которые могли быть обнаружены в донесениях австрийских и шведских дипломатов из Москвы.

Разумеется, установление мотивов, побудивших русское правительство принять то ответственное политическое решение, о котором говорилось выше, само по себе не объясняет, насколько оно было правильным, обоснованным, соответствующим интересам России. Для этого необходимо соотнесение той информации, на основе которой принима-

лись решения, с реальным политическим положением. Уже предварительное знакомство с материалами русско-польских переговоров весны 1656 г. позволяет говорить о том, что на позицию Москвы, несомненно, оказали воздействие сообщения об антирусских планах шведских правящих кругов, о намерении Стокгольма лишить Россию всех позиций, завоеванных ею в ходе русско-польской войны 1654–1655 гг. Хорошо известно, что, когда было принято решение о вторжении в Речь Посполитую, шведское правительство преследовало при этом довольно ограниченные цели — укрепить и расширить свои позиции на южном побережье Балтийского моря. После ошеломляющих успехов лета—осени 1655 г. у Карла Густава и его советников закономерно должны были появиться более обширные планы переустройства Восточной Европы под эгидой Швеции. Исследование и публикация шведских источников могли бы дать ответ на вопрос, предусматривали ли эти планы конфликт, прямое столкновение с Россией или, наоборот, были ориентированы на достижение соглашения с Москвой. Одновременно можно было бы получить ответ на более частный, но также важный вопрос, каково было в рамках шведских планов место украинского гетманства, какую цель преследовали первые контакты между Карлом Густавом и Хмельницким (переписка между ними давно опубликована). Со своей стороны, изучение материалов РГАДА ¹³ может дать ответ на вопрос, как и в каких обстоятельствах эта переписка стала известна в Москве и какую она вызвала реакцию с русской стороны.

Резкий поворот внешнеполитического курса России не означал, конечно, что русское правительство готово отказаться от части завоеванных позиций в пользу Речи Посполитой. Напротив, оно предполагало эти позиции расширить и упрочить, создав в Восточной Европе такую систему отношений, в которой России принадлежало бы господствующее положение, а Речи Посполитой — место подчиненного партнера. Попытка добиться этой цели была предпринята русскими дипломатами на переговорах под Вильно в августе–октябре 1656 г. о заключении мира и союза между Россией и Речью Посполитой.

Несмотря на их важное место в бурной истории Восточной Европы 50-х гг. XVII в. эти переговоры привлекали к себе внимание почти исключительно польских исследователей ¹⁴. Но их возможности были сильно ограничены. К русским архивным материалам они доступа не имели, располагая лишь краткой записью переговоров, сделанной представителями польско-литовской стороны, да и то в русском переводе прошлого века ¹⁵, а также данными переписки польско-литовских комиссаров с королем и сенатом. Разумеется, на основании этих источников нельзя было составить полного представления о том, что происходило на переговорах

и как русские дипломаты в ходе их отстаивали государственные интересы своей страны. К русским архивным материалам о виленских переговорах обращался только М.С. Грушевский, но в своем монументальном труде он использовал лишь русскую запись переговоров и то лишь в той ее части, которая касалась судьбы Украины¹⁶. Что касается русской исторической науки, то виленских переговоров касался только С.М. Соловьев в своем общем курсе истории России¹⁷.

Между тем в фонде «Сношения России с Польшей» сохранился большой комплекс документальных материалов, позволяющий детально проследить все действия русской дипломатии во время этих переговоров. Так, сохранились в двух сходных списках «большой» и «тайный» указы посольству во главе с кн. Н.И. Одоевским, направленным в июле 1656 г. в Вильно для ведения переговоров¹⁸. Что касается самой записи переговоров — статейного списка, то она сохранилась, как в черновом, так и в белом варианте¹⁹. К этому следует добавить несколько сборников с текстами переписки, которую во время переговоров послы вели с царем Алексеем Михайловичем, находившимся в военном лагере под Ригой, и с патриархом Никоном, осуществлявшим управление государством в отсутствие монарха, а также с русскими воеводами и литовскими гетманами²⁰. Сохранился и такой уникальный документ как запись обсуждения итогов виленских переговоров на заседании боярской думы²¹. Публикация этого комплекса материалов (хотя бы в наиболее существенных частях) даст возможность исследователям досконально изучить как планы нового устройства Восточной Европы, разработанные к лету 1656 г. в Москве, так и набор приемов и средств, с помощью которых русская дипломатия пыталась добиться своих целей. Введение в научный оборот этих документов позволило бы также выяснить, каким переменам подвергались и цели, и методы московских дипломатов под влиянием внешних факторов, прежде всего под воздействием перемен на фронтах войны, которую вели Россия и Речь Посполитая со Швецией.

Особой задачей, которую следует решать одновременно с публикацией русской записи переговоров, является издание оригиналов записей переговоров, сделанных представителями польско-литовской стороны. Запись переговоров сохранилась в двух списках в составе посольских книг Литовской метрики, т.е. оба текста официального происхождения²². Объем каждого из них не превышает 40 листов, в то время как в статейном списке посольства Н.И. Одоевского, который находится в книге ф. «Сношения России с Польшей», № 89, насчитывается 488 листов. Очевидно, что издание русского статейного списка может значительно расширить наши знания и о деятельности польско-литовских дипломатов

на переговорах. Вместе с представителями России и Речи Посполитой в работе Виленского съезда активное участие принимали австрийские посредники — послы императора Фердинанда III. Публикация их донесений вместе с отчетами русских и польско-литовских дипломатов позволила бы существенно дополнить представление об этом важном моменте в истории Восточной Европы.

Публикация материалов виленских переговоров могла бы способствовать также выяснению важных аспектов развития русско-украинских отношений этого времени. Хорошо известно, что поворот внешней политики России в сторону поисков мира с Речью Посполитой привел к появлению серьезных разногласий между властями Москвы и Чигирина. В отличие от московских политиков гетман не верил в возможность приемлемого и долгосрочного соглашения с Речью Посполитой и был за то, чтобы продолжать войну. Однако он направил к царю послов со своими предложениями относительно возможных условий мирного переговоров. Как известно, украинские послы не были допущены к участию в переговорах, что вызвало недовольство в Чигирине, которое затем стало еще более усиливаться, когда начали распространяться сведения, что на переговорах Россия готова пожертвовать интересами Украины ради избрания царя на польско-литовский трон. Под воздействием этих сообщений Хмельницкий активизирует свои контакты со Швецией и Трансильванией, чтобы найти в них противовес Речи Посполитой, а возможно и России²³. Материалы виленских переговоров дают возможность выяснить, в силу каких обстоятельств украинские послы не были допущены к участию в переговорах, в какой мере были учтены пожелания гетмана при подготовке русских проектов мирного договора и насколько настойчиво русские представители их отстаивали, наконец, каково было реальное содержание достигнутых договоренностей и ущемляли ли они в чем-либо интересы гетманства.

Разумеется, все это не изменит общей картины деятельности украинской дипломатии в это время, но, возможно, повлияет на оценку тех или иных ее дипломатических акций или даже ее общего характера. Есть веские основания полагать, что сообщения о якобы достигнутом в Вильне соглашении России и Речи Посполитой за счет Украины распространялись польско-литовской стороной для того, чтобы спровоцировать конфликт между Москвой и казаками. Публикация записи виленских переговоров позволила бы выяснить, не пыталась ли польско-литовская сторона действовать в их ходе аналогичным образом, настраивая русских политиков против Хмельницкого.

Наиболее правильным путем для изучения внутренних противоречий в политической жизни Восточной Европы в 50-е гг. XVII в. было бы рас-

смотрение отношений между Россией, Речью Посполитой и Украиной в едином комплексе. В распоряжении исследователей имеются многочисленные публикации материалов по истории русско-украинских отношений²⁴. Таких же изданий источников, касающихся украинско-польских отношений в середине — второй половине 50-х гг. нет. Однако много отдельных документов, отражающих контакты между политическими элитами Украины и Речи Посполитой, увидели свет и на страницах изданий, публиковавшихся украинскими историками в XIX — начале XX вв., и в виде приложений к работам ряда польских исследователей, прежде всего Л. Кубалы. Введение в научный оборот материалов, отражающих развитие русско-польских отношений в 50-е гг. XVII в., впервые даст возможность ученым осуществить то комплексное исследование противоречий между интересами государств и народов Восточной Европы в это время, о необходимости которого говорилось выше.

Участие русской дипломатии в европейской политической жизни не ограничивалось решением об объявлении войны Швеции и переговорами о мире с Речью Посполитой. Резкое усиление Швеции, которое в середине 50-х гг. XVII в. не только очень приблизило ее к осуществлению своей давней внешнеполитической программы — превращению Балтийского моря в шведское озеро, но и отдало под ее власть обширные территории Восточной Европы, лежавшие за пределами балтийского региона, вызвало враждебную реакцию не только соседей, но и морских держав, прежде всего Голландии, заинтересованной в свободе торговли на Балтике. Стала формироваться коалиция держав, направленная против Швеции. В роли одного из организаторов такой коалиции европейских государств выступило в эти годы русское правительство, пожалуй, впервые в истории внешней политики России.

В 1656–1657 гг. Москва вела активные переговоры о союзе против Швеции с ее традиционным соперником в борьбе за господство на Балтийском море — Данией. Материалы этих переговоров, которые не публиковались и не привлекали внимания русских исследователей, хорошо сохранились²⁵. Их исследование и публикация позволят осветить весьма важную сторону деятельности московских дипломатов в 50-е гг. XVII в., а сопоставление русских источников с документами датских архивов могло бы дать возможность выяснить, какую роль сыграли эти действия в принятии решения о присоединении Дании к антишведской коалиции.

Если главной целью русско-датских переговоров являлось заключение союза против Швеции, то более сложными были задачи, которые преследовала русская дипломатия, ведя переговоры с другим европейским государством — Бранденбургом. Разумеется, и при ведении этих пе-

реговоров важно было добиться, чтобы бранденбургский курфюрст разорвал свой союз со Швецией и присоединился к антишведской коалиции. Но имели большое значение и другие обстоятельства.

После успехов в 1654–1655 гг. Россия имела все основания претендовать на господствующее положение в Восточной Европе. Москве предстояло теперь в принципиально новой ситуации определить свои отношения со странами этого региона, в частности и с Бранденбургом, ведь важной составной частью этого государства была Восточная Пруссия, расположенная совсем недалеко от занятых русскими войсками территорий в Литве и Белоруссии (по этим своим владениям курфюрст был вассалом польского короля). В ходе переговоров с курфюрстом должен был также решаться вопрос о месте Бранденбурга в той новой системе политического устройства Восточной Европы, которая стала складываться с середины 50-х гг. XVII в.

Наконец, имел значение еще один вопрос. В Москве отдавали себе отчет в том, что, несмотря на состояние войны с Речью Посполитой, в 1656–1657 гг. правительство Бранденбурга обладает определенной системой связей в среде польского дворянства и оказывает на некоторые его группы довольно заметное влияние. Русских политиков привлекала возможность благодаря сближению с Бранденбургом использовать это влияние в интересах России. Все это делает материалы переговоров с курфюрстом особенно важным источником по истории русской внешней политики 50-х гг. XVII в. Документы, касающиеся переговоров, сохранились достаточно хорошо, в том числе отчеты о деятельности русских дипломатических миссий²⁶ и дела о приезде бранденбургских гонцов и послов²⁷. Эти источники фактически не использовались в исследованиях по истории русско-бранденбургских отношений: ни в работах русского историка второй половины XIX в. Г.В. Форстена²⁸, ни в трудах немецких историков²⁹.

События середины 50-х гг. XVII в. оказали сильное воздействие и на ту систему отношений, которая традиционно существовала на юге Восточной Европы. Здесь территории главных государств региона – России и Речи Посполитой – граничили с владениями Османской империи и ее вассалов. Постоянные противоречия и конфликты между этими государствами служили для Османской империи своеобразной гарантией безопасности ее северных границ, а главный форпост ее влияния в регионе – Крымское ханство могло предпринимать набеги на земли этих соседей, не опасаясь последствий. С началом освободительной войны украинского народа позиции ханства в регионе еще более упрочились. Хан не без успеха пытался выступать в роли арбитра между Речью Посполитой и гетманством и использовал это положение, чтобы беспрепятственно брать

ясырь на всей польской территории. Новую ситуацию в регионе пытались использовать в своих интересах и правительство в Стамбуле, начав переговоры об установлении османского протектората над гетманством.

Положение резко изменилось в невыгодную для Османской империи и Крыма сторону после вступления Запорожского Войска во главе с гетманом Богданом Хмельницким в подданство России и успехов русско-украинских войск в 1655–1656 гг. Границы Русского государства, ранее соприкасавшиеся с османскими территориями лишь в районе Азова, вплотную приблизились к балканским владениям османов. Россия явно становилась наиболее мощной державой в Восточной Европе, и то равновесие сил, которое было для Османской империи своеобразной гарантией безопасности ее северных границ, перестало существовать. Значение этих перемен хорошо понимали не только османские, но и русские правящие круги. Неслучайно, сразу после решения Переяславской рады 1654 г. Москва начала переговоры об установлении русского протектората над Дунайскими княжествами. Как повлияли эти перемены на отношение к Русскому государству православных народов под властью османов, пытались ли они и как повлиять на внешнюю политику Русского государства, как правящие круги в Стамбуле и Бахчисарае старались противодействовать нежелательным для них переменам в жизни Восточной Европы ³⁰ — ответ на эти вопросы может дать введение в научный оборот и публикация документов, сохранившихся в таких фондах, как «Сношения России с Крымом» (ф. 23), «Сношения России с Турцией» (ф. 89), «Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока» («Греческие дела» — ф. 52), «Сношения России с Молдавией и Валахией» (ф. 68) ^{30а}. Кроме того, изучение материалов этих фондов, в особенности фонда «Греческие дела», могло бы дать новые важные данные для характеристики южного направления в деятельности украинской дипломатии, где, несмотря на все усилия исследователей, до сих пор далеко не все ясно. Думается, что реконструкции системы отношений на юге Восточной Европы, ее изменений, реакции османских правящих кругов на эти изменения могла бы способствовать одновременная публикация донесений австрийских и французских резидентов из Стамбула в 50-х гг. XVII в. Правда, издание донесений австрийских резидентов было предпринято в начале XX в. украинскими исследователями ³¹. Но следует учитывать, что в этой публикации помещены главным образом извлечения из донесений, в которых говорится только о событиях, связанных с Украиной, в то время как отношения стран Восточной Европы с Османской империей в середине — второй половине 50-х гг. XVII в. далеко не ограничивались украинским аспектом.

Вторая половина 50-х гг. XVII в. была заполнена борьбой вокруг договоренностей, достигнутых в Вильно в конце 1656 г., которые предусматривали, в частности, избрание польским сеймом царя Алексея Михайловича как будущего преемника короля Яна Казимира. Русские дипломаты, опираясь на свои связи с литовской знатью, пытались добиться выполнения условий соглашения. Правящие круги Речи Посполитой стремились использовать выгодно сложившуюся для них с формированием антишведской коалиции международную ситуацию, чтобы уклониться от выполнения взятых обязательств и, если удастся, потеснить Россию с завоеванных ею к 1656 г. позиций. Большое значение имело для них поведение гетманства, которое они хотели иметь на своей стороне в конфликте с Россией. В конце концов польской дипломатии, используя сложности возникшие в отношениях между гетманством и Россией, удалось добиться разрыва русско-украинского союза.

В русско-украинский конфликт активно вмешался Крым, поддерживая действия гетмана Выговского, направленные против русского правительства. История взаимоотношений гетманства с Россией и Польшей после смерти Богдана Хмельницкого привлекала к себе усиленное внимание ученых уже во второй половине XIX в. В то время увидели свет многочисленные публикации источников, в частности, была почти полностью опубликована переписка гетмана Ивана Выговского с русским правительством. В начале XX в. сама история этих отношений стала предметом исследования в работах целого ряда украинских ученых. Позднее специальные исследования посвятили этому предмету такие ведущие украинские историки как В. Липинский³² и М.С. Грушевский³³. В недавнее время тема была заново изучена исследовательницей из Петербурга Т.Г. Яковлевой, сумевшей привлечь ряд новых архивных материалов (главным образом из фонда Разрядного приказа)³⁴.

По отношению к истории международных отношений в восточноевропейском регионе в 1657–1659 гг. остаются в силе замечания, сделанные касательно середины 50-х годов. Исследование отношений Украины с Россией и Украины с Польшей не сопровождалось аналогичным изучением русско-польских отношений этих лет. Соответствующие материалы не публиковались и не изучались, отсюда невозможность воссоздать полную и объективную картину системы международных отношений в регионе. Между тем за 1657–1659 гг. в архиве Посольского приказа сохранился большой комплекс документов, характеризующий развитие русско-польских отношений в указанные годы. Среди них материалы переговоров, которые русское правительство вело в это время не только с

властями Речи Посполитой, но и с отдельными магнатами, как гетманы П. Сапега и В. Госевский, новгородский воевода П. Вяжевич, ошмянский староста А. Сакович³⁵, а также документы, связанные с новым туром переговоров о мирном соглашении между Россией и Речью Посполитой в 1658 г.³⁶ Некоторые из них сохранились также в фонде Приказа тайных дел³⁷. Кроме того, как и по отношению к предшествующим годам, важные свидетельства, дополняющие данную исследователями характеристику украинской дипломатии в 1657–1659 гг., может выявить изучение материалов таких фондов, как «Греческие дела» и, в особенности, «Сношения России с Крымом», учитывая активное вмешательство Крымского ханства в события на Украине. Уже своеобразная разведка материалов этого фонда, произведенная А.А. Новосельским в его незаконченной и посмертно опубликованной работе³⁸, показала, что в нем содержатся важные данные, касающиеся деятельности и русской, и украинской дипломатии в эти годы.

Как представляется, выявление в фондах Российского государственного архива древних актов и подготовка к публикации круга источников, проливающих свет на поставленные выше вопросы, даст возможность создать корпус текстов, на основе которых исследователь смог бы составить полное и всестороннее представление о деятельности русской и украинской дипломатии в один из важнейших моментов исторического развития Восточной Европы.

¹ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.

² Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *Его же*. Перед Потопом // Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.) Документы, исследование. М., 1994. С. 131–185.

³ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 8–130.

⁴ Ср., например, противоположные мнения О.Л. Вайнштейна (*Вайнштейн О.Л.* Русско-шведская война 1655–1660 гг. Историографический обзор // Вопросы истории. 1947. № 3) и Г.А. Санина (*Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 77–79).

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1656 г. № 1; Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1656 г. № 1; Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стлб. 162, 164; Приказный стол. Стлб. 30 и др.

⁶ Особое значение имела поездка в Речь Посполитую дворянина В.Н. Лихарева (Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1656 г. № 6), но были и другие – поездка стольника Замятни Леонтьева к воеводе М. Пацу (Там же. № 9), ротмистра М. Сухтицкого в войско Павла Сапеги (Там же. № 10)

⁷ Сборник таких писем см.: Там же. 1656 г. № 2.

⁸ Там же. Кн. 86. 1656 г. № 12.

- ⁹ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1655 г. № 9; 1656 г. № 3.
- ¹⁰ Там же. Кн. 36. 1655 г. № 8.
- ¹¹ Там же. 1655 г. № 3; 1656 г. № 4.
- ^{11a} *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998.
- ¹² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. III. СПб., 1854.
- ¹³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1655 г. № 11 (переводы грамот Карла Густава Хмельницкому); 1656 г. № 2 (переводы шведских грамот, адресованных Хмельницкому и Выговскому).
- ¹⁴ *Gawlik M.* Projekt unii rosyjsko-polskiej w drugiej połowie XVII w. // *Kwartalnik historyczny*. 1909. № 1/2; *Kubala L.* Wójna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657 // *Szkice Historyczne*. Serya V. Lwów, 1917; *Wójcik Z.* Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej. 1655–1660. Ф. 1. Warszawa, 1957.
- ¹⁵ *Бростовский П.К.* Дневник дороги на комиссию в Вильне 1655 г., с самого Акта комиссии наскорю списанный // *Сборник Муханова*. СПб., 1866. № 254.
- ¹⁶ *Грушевский М.С.* Історія України-Руси. Т. IX/2. Роки 1654–1657. Київ, 1931. С. 1232–1256.
- ¹⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1960. С. 625–629, 633–639.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 87, 88. 1656 г. № 21; См также: Ф. 27. Приказ тайных дел. № 109.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 88, 89. 1656 г. № 28, 31.
- ²⁰ Там же. 1656 г. № 25, 26, 27; Ф. 27. Приказ тайных дел. № 110.
- ²¹ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1656 г. № 39.
- ²² Там же. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 2. № 597. Л. 165–185; № 598. Л. 165–185.
- ²³ См. подробнее: *Яковлева Т.Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998. С. 179–184.
- ²⁴ Документы Б. Хмельницкого. Київ, 1961; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. V. СПб., 1853; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. IV. СПб., 1863; Т. VII. СПб., 1872; Т. XI. СПб., 1879; т. XV. СПб., 1892; Документы эпохи Хмельницкого 1656–1657 гг., извлеченные из Архива Министерства иностранных дел. Собр. И. Каманиным // *Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России*. Вып.1. СПб., 1911.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Кн. 11, 12; 1656 г. № 1–5; 1657 г. № 1; См. также черновик инструкции первому посольству Д. Мышецкого – РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. № 106.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Кн. 2, 3. 1656 г. № 2, 3, 5, 8–11; 1658 г. № 3.
- ²⁷ Там же. Кн. 2, 3. 1656 г. № 4, 6; 1657 г. № 1; 1658 г. № 1.
- ²⁸ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // *Журнал Министерства Народного просвещения*. 1900 г. № 6–9.
- ²⁹ *Hirsch H.* Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter dem grossen Kurfürsten. Т. 1. Berlin, 1885; *Forstreuter K.* Preussen und Russland von Anfängen des Deutschen Orden bis zum Peter der Grossen. Berlin-Francfurt, 1955.
- ³⁰ Русско-крымские отношения 1654–1657 гг. изучены в специальном исследовании Г.А. – Санина. (*Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987), но использованные им документы не публиковались.
- ^{30a} Значительная часть материалов последнего из этих фондов опубликована в издании: *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. Документы и*

материалы в трех томах. Т. II. 1633–1673. М., 1968.

³¹ Жерела до історії України-Руси. Т. XII. Львів, 1911.

³² *Липинський В.* Твори. Т. 3. Україна на переломи 1657–1659. Філадельфія, 1991 г. (первым изданием работа вышла в 1920 г.).

³³ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. X. Київ, 1936.

³⁴ Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок руїни. Київ, 1998.

³⁵ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 90, 92, 96. 1656 г. № 42-44; 1657 г. № 2–3, 6-7 и др.

³⁶ Там же. Кн. 94–95.

³⁷ РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. № 125, 126, 128.

³⁸ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 33–40, 60–70.

B.N. Florea

(Moscow)

**5TH DECADE OF THE 17TH CENTURY
IN THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE CENTRAL PART OF EURASIA AND
THE PROBLEM OF PUBLICATION OF SOURCES
ON RUSSIAN AND UKRAINIAN DIPLOMATIC
ACTIVITY OF THE TIME.**

Summary

The paper gives a brief characteristic to the corpus of sources from various series of the Russian State Archives of Old Acts containing information on Russian politics towards its Northern, Western and Southern neighbors through the late fifties of the 17th century, when the whole central region of Eurasia was involved in a major international conflict, provoked by the unification of Russia and Ukraine. The paper also identifies the circle of problems in the history of Russian and Ukrainian foreign politics of that time, to which the publication of these sources will bring a new light.

A special focus is made on the Russian State Archives of Old Acts materials on the relations between Russia and Poland in the second half of the 5th decade of the 17th century. The importance of the publication of these materials for the study of triangular relations between Russia, Poland and Ukraine is demonstrated.

Л.В. Заборовский

(Москва)

**ПОСЛЕДНИЙ ШАНС УМИРОТВОРЕНИЯ:
ПЕРЕГОВОРЫ Б.А. РЕПНИНА
ВО ЛЬВОВЕ 1653 г.**

Известно, войну легко начать, но трудно кончить. Русско-польский конфликт 1654—1667 гг. является хорошим тому подтверждением. Но эту максиму понимали и современники. Именно потому поиски иных, мирных альтернатив решения накопившихся в ареале противоречий занимали видное место во внешнеполитических перипетиях предвоенной поры. Для дипломатии гетманата даже в послебатовский период данный вариант сохранял свою ценность¹ по двум причинам. Во-первых, ясными стали негативные стороны пусть и необходимого союза с Крымским ханством (Жванец 1653 г. только подтвердил указанный факт), особенно в условиях постепенного истощения ресурсов Украины из-за долголетней тяжелой войны. Попытки в 1653 г. уменьшить негативные аспекты этого альянса, приняв номинально протекторат Османской империи, не принесли крупных результатов из-за тогдашней слабости последней. Во-вторых, очевидно было, что, несмотря на активные усилия гетманского руководства, добиться скорого включения России в борьбу не удастся. Долгое время господствовавшее в советской историографии мнение, что после земского собора начала 1651 г. ее правители избрали именно такой путь, безосновательно. Для них подобное решение не было тогда желательным ни политически (в частности из-за нестабильности отношений с Крымским ханством), ни с военной точки зрения: соответствующие приготовления именно с «западным» креном приобрели настоящий размах с 1653 г., особенно со второй его половины², и оказались незавершенными даже к началу боевых действий. Отсюда, в частности, настойчивые попытки царских дипломатов выступить в качестве посредников между Речью Посполитой и гетманатом для достижения мира.

Рассматриваемая акция 1653 г. принадлежит в этом ряду к числу масштабных, т.к. часть ее целей была предварительно согласована мос-

ковским двором с чигиринским руководством. «Великое посольство» в Речь Посполитую запланировали не позже лета 1652 г., но только в декабре туда сообщили о его предстоящем приезде, а с января 1653 г. началась реальная подготовка³, протекавшая довольно неспешно, вероятно, из-за желания вначале довести до конца переговоры с украинскими миссиями и в Чигирине. Неизвестно, входила ли в предварительную программу посольства идея посредничества и не вполне ясно, кто был инициатором последней. В ряде сообщений, исходивших от Б.М. Хмельницкого и из Москвы, таковыми называли гетмана и его окружение⁴. Очевидно, данная тема возникла в ходе бесед в столице в конце 1652 г. — начале 1653 г. с казацкими посланцами, возглавляемыми С. Богдановичем (Зарудным), которые, судя по некоторым данным, просили о царском посредничестве на основе Зборовского договора 1649 г., но слабая сохранность соответствующих материалов не позволяет сделать четкие выводы⁵. Так или иначе, во время переговоров в Чигирине с посланниками Я.Н. Лихаревым и подъячим И. Фоминым вопрос подвергся основательному рассмотрению⁶. Украинская сторона выразила готовность к умиротворению, но не путем двусторонних переговоров, как не обеспечивающих надежного результата, а через российских великих послов, чтобы «договор учинить крепкой»⁷. Б.М. Хмельницкий заверил, что при успехе казачество будет в «послушании» у короля и «отстанет от бусурман», т. е. откажется от союза с Крымом и сближения с Османской империей. Последовало согласие на предложенную процедуру, по которой царским послам в качестве посредников надлежало представить властям Речи Посполитой и защищать казацкие просьбы касательно «веры, прав и вольностей», а условия соглашения должны были вырабатываться в результате польско-украинских обсуждений. Я.Н. Лихарев получил подлинные «статьи» предполагаемого договора «за ...руками и за войсковою печатью», ориентированные на Зборовские условия (ни подлинник, ни копии документа не сохранились).

Не исключено, что с возвращением Я.Н. Лихарева и И. Фомина были связаны заседания боярской думы по украинской проблеме в марте 1653 г., когда, видимо, приняли предварительное решение о принятии гетманата под царскую власть, но краткость дошедших до нас известий не позволяет судить о всем комплексе намеченных тогда мер⁸. Программу посольства в Речь Посполитую выработали окончательно после приезда в Москву миссии во главе с К.Д. Бурляем и С.А. Мужилковским. 2 мая 1653 г. прошла первая беседа с ними, а 4 мая датирован наказ «великому посольству», возглавляемому Б.А. Репниным-Оболенским, Ф.Ф. Волконским (по болезни заменен Б.М. Хитрово) и дьяком

А.И. Ивановым. Но, судя по позднейшей отписке послов⁹ и материалам их переговоров во Львове, до отъезда из столицы 10 мая они получили еще «тайный наказ» (не дошел до наших дней). И в листе Б.М. Хмельницкого царю, и в высказываниях украинских посланцев в Москве отмечалось, что вместо обсуждений польская сторона открыла боевые действия на Украине (рейд войск С. Потоцкого в марте 1653 г.), поэтому перспективы мирных контактов оценивались скептически. Тем не менее, они подтвердили готовность к умиротворению при посредничестве царских послов по изложенной ранее программе¹⁰. Политика царского двора шла тогда в нескольких направлениях: очень интенсивными стали военные приготовления; энергично готовили созыв Земского собора в начале июня¹¹. Одновременно завершались обсуждения с К.Д. – Бурляем и С.А. Мужилковским, в конце мая они отправились на Украину вместе с миссией во главе с А.С. Матвеевым и подьячим И. Фоминым¹². Им надлежало сообщить о «великом посольстве», которому поручалось говорить с польско-литовской стороной о мире «накрепко», и о неизбежности войны при отклонении предложения.

Сколь важное значение придавали в Москве идее посредничества, видно и из следующего: казацкие представители добивались пропуска в Швецию в сопровождении царского посланца, причем фактически речь шла о выяснении перспектив тройственного союза против Речи Посполитой; предлагалось скоординировать их появление в столице на обратном пути с возвращением туда Б.А. Репнина, с тем, чтобы правительство Алексея Михайловича могло принять свои решения на основе максимально полной информации. Однако просьбы были отклонены с указанием, что их поездка в Стокгольм несовместима с посреднической ролью России и окажется ненужной при достижении мира, а в противном случае может быть осуществлена позже (действительно, в 1654 г. украинское посольство пропустили в Швецию).

Из задач, поставленных перед Б.А. Репниным «с товарищи», главными являлись две¹³. Первая – наказание лиц, виновных в искажениях царской титулатуры, нарушении «государевой чести», оскорблении достоинства России в официальной переписке, книгах и т. д. В историографии эти претензии нередко трактуются как не особо существенные, скорее как предлог к войне и т. п. Думается, в подобных оценках имеется явный элемент модернизации. Для того, да и более позднего времени, вопросы титулования были важной проблемой межгосударственных отношений, и связанные с ней острейшие споры и конфликты стали непременной принадлежностью общеевропейской дипломатической практики. Тем большую значимость они имели для молодой династии,

как Романовы, а в контактах с Речью Посполитой – в особенности. В наказе посольству Б.А. Репнина решительно подчеркивалось: «и им во много лет научиться было мочно. А то знатно, что те королевского величества подданные писали в листех своих... на ссору...». Послам следовало заявить, что без удовлетворительного решения по этому пункту дальнейшие переговоры беспредметны, а также фактически пригрозить войной, но не идти дальше до получения дополнительных указаний из Москвы. Показательно, что из текста наказа была вычеркнута первоначально имевшаяся там фраза: «А не соверша того болшого дела, о иных с паны рады не говорити»¹⁴.

Действительно, в наказе содержалась достаточно разработанная программа переговоров по второй главной задаче миссии Б.А. Репнина – решению «украинского вопроса». Излагались результаты русско-казацких обсуждений, вплоть до просьбы о посредничестве между противниками, и отмечалось, что царь дал на это свое согласие, дабы прекратить взаимное кровопролитие и не допустить перехода гетманата под контроль «бусурман» (как известно, подобные опасения имели в 1653 г. реальную основу). В предполагаемом договоре имелось в виду обеспечить права жителей Украины, прежде всего в религиозной сфере (этот аспект их жизни выдвигался в наказе на первый план), в максимальном варианте – на базе Зборовских условий. При несогласии польской стороны принять этот вариант предусматривались дальнейшие прения между представителями Речи Посполитой и гетманата либо на съезде трех делегаций¹⁵. На случай повторения прежних просьб казацких посланцев обеспечить прочность функционирования договора, царской миссии разрешалось поддержать следующую их инициативу: контрагенты выдавали послам специальные письма, оставлявшие московскому двору свободу рук при нарушении одним из них согласованных постановлений. В документе имелось хотя и не прямое, но достаточно ясное предупреждение, что отказ властей Речи Посполитой от договора и дальнейшие религиозные преследования на Украине вызовут острую реакцию России. Ни в этом, ни в иных источниках нет подтверждений высказываемых иногда в историографии мнений о планируемой координации действий «великого посольства» и несколько позже отправленной в Польшу казацкой миссии во главе с А. Ждановичем.

В основном наказе отсутствует связь между рассмотренными двумя центральными сюжетами, однако материалы переговоров свидетельствуют, что она была затем намечена, очевидно, в недошедшем до нас тайном наказе, как и, по меньшей мере, еще один существенный пункт. Во время второго заседания делегаций 6 августа 1653 г., после того как определи-

лось, что представители Речи Посполитой отвергают возможность мирного соглашения с властями гетманата, царские послы, «поговоря меж себя тайно», сделали следующее компромиссное предложение¹⁶. Поскольку властям предлагалось выполнить следующие условия: возратить православному населению прежние права и отказаться от дальнейших преследований; передать ему церкви, перешедшие к униатам, и ликвидировать унию во всем государстве в соответствии со Зборовскими условиями 1649 г., обеспечить религиозную свободу православным духовного и светского состояния; заключить с великими послами договор, гарантирующий твердое выполнение всех предшествующих пунктов; возратить войско Запорожское (фактически имелась в виду Украина в целом) в прежнее подданство на базе тех же Зборовских постановлений. В таком случае московский двор соглашался отказаться от всех прежних претензий в вопросах царской титулатуры и т. п. (на будущее надлежало строжайше пресекать и наказывать нарушения подобного рода).

Более того, на третьей встрече, 8 августа, в ответ на новые проявления непримиримости с польско-литовской стороны и желая приостановить поход коронных войск на Украину, послы пошли на новые уступки. Они заявили, что сделанное ими ранее заявление останется в силе и в том случае, если их оппоненты гарантируют выполнение и подтверждение сеймом Зборовских условий в сфере религии. Об остальных пунктах договора польская и украинская стороны должны были договариваться самостоятельно. При согласии «панов рад» на эту инициативу послы были готовы направить Б.М. Хмельницкому сообщение в соответствующем духе. Поскольку реакция делегации Речи Посполитой оказалась весьма скептической и в общем отрицательной, Б.А. Репнин «с товарищи» обсудили создавшуюся ситуацию «тайно» и внесли дополнения: если король и сенаторы дадут согласие на договор о вере согласно Зборовским постановлениям, послы тотчас запросят Б.М. Хмельницкого о выдвигаемых им условиях урегулирования на иные темы. Если от него последуют чрезмерные запросы, «прихоти», то они станут уговаривать гетмана пойти на уступки, «чтоб он кроме веры об иных статьях подался на волю королевского величества». Это был тот рубеж, до которого царское правительство готово было тогда пойти навстречу властям Речи Посполитой с целью избежать общего конфликта.

Оценивая изложенное, нельзя не признать справедливость претензий правительства Польско-Литовского государства на вмешательство царской дипломатии в его внутренние дела. Но с учетом общей ситуации, русские предложения давали достаточный простор для дипломатического маневрирования. Ход переговоров во Львове в августе 1653 г. под-

робно освещен в монументальном труде М.С. Грушевського. Особо примечательной их чертой стала абсолютная неуступчивость руководителей Речи Посполитой по большинству вопросов, в том числе украинскому, отказ от любых компромиссных вариантов. Единственное, на что они соглашались, это полная капитуляция казачества, совершенно нереалистическое в создавшейся обстановке желание возратить положение, существовавшее до восстания. Чрезвычайно характерен в данном смысле и заключительный документ (ответное письмо), врученный русским послам после длительных обсуждений с участием короля и виднейших сановников¹⁸. В нем содержались насквозь тенденциозные оценки причин и хода освободительной войны, деятельности отдельных лиц, прежде всего Б.М. Хмельницкого, полностью отрицались какие-либо религиозные преследования и ограничение прав православных, фактически отвергались посреднические усилия царской дипломатии. Столь же негативным, хотя и более приемлемым по форме, был ответ польско-литовской стороны на требования и претензии по поводу титулатуры.

Такая позиция объяснялась уверенностью в скором успехе военного решения споров на Украине, в том числе с привлечением значительных контингентов поддержки из Дунайских и Трансильванского княжеств. Это явилось тяжелейшей по своим последствиям ошибкой, что выяснилось в ходе Жванецкого похода, вскоре было осознано в Польше и Великом княжестве Литовском, подчеркивалось и позже. Но время упустили, мирный шанс оказался окончательно потерянным, включение России в конфликт стало неизбежным, что подчеркнули и великие послы своей сознательно акцентированной политической демонстрацией в конце заседаний. Новая война стала неизбежной, а ее более далекие последствия стали необычайно кровавыми и тяжкими для всех участников.

¹ См., например: Документы Богдана Хмельницкого 1648–1657. Київ, 1961 (далее: ДБХ). С. 276, 283–284, 292–296 и др.

² Материал на данную тему см. хотя бы: *Чернов А.В.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. Докт. дисс. Рукопись. М., 1949; *Лызов Г.М.* Польско-русские отношения в период освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Канд.-дисс. Рукопись. М., 1955 (выводы не во всем убедительны).

³ РГАДА. Ф. 79, Сношения России с Польшей. 1653 г. Д. 2. Ч. 1; *Лызов Г.М.* Польско-русские... С. 302, 304, 338.

⁴ См., например: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953 (далее: ВУР). Т. III. С. 284, 308, 342, 343, 377; ДБХ. С. 283–284 (о передатировке см.: *Смолий В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Социально-политичний портрет. Київ, 1993. С. 322. Она не бесспорна).

⁵ Об этой миссии см. прим. 4; ВУР. Т. III. С. 239–240, 244–247, 268–269, 334, 342, 343, 410–411.

- ⁶ Документация посольства почти не сохранилась. См.: РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. 1652 г. Д. 12. Л. 19–21; ВУР. Т. III. С. 260, 262–263, 269–270, 304–305, 312, 334–335, 342, 343; ДБХ.С. 281, 283–284, 286. Не прояснен до сих пор даже вопрос о его датировке. Есть прямые свидетельства, позволяющие считать, что оно находилось у гетмана уже в начале февраля 1653 г. Но в других источниках указано, что посланцы поехали из Москвы вместе с миссией С. Богдановича (такова была и обычная тактика), а она присутствовала там еще 8 февраля.
- ⁷ Соответствующее сообщение направили Яну Казимиру с одновременной гарантией соблюдения перемирия и просьбой не допускать его нарушений польско-литовскими войсками.
- ⁸ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 22.
- ⁹ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 83. Л. 338 об.–343.
- ¹⁰ Материал о миссии К. Бурляя – С.Мужиловского, сохранившийся далеко не полно, см.: ВУР. Т. III. С. 261–267, 275, 277–287, 293–295, 297, 311–314, 410–411; ДБХ. С. 285–289.
- ¹¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 327–334.
- ¹² См.: ВУР. Т. III. С. 279–280, 285–317.
- ¹³ Документацию посольства и литературу см.: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 83, 84. 1653 г. Д. 2. Ч. 1, 2; Д. 3, За, 4; ВУР. Т. III. С. 267–275, 333–349; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 9-го друга половина... Київ, 1931. С. 619–642, 1526–1536.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1653 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 267–268, 279, 283–285, 317.
- ¹⁵ Первую возможность называл и Б.М. Хмельницкий в конце июня 1653 г. См.: ДБХ. С. 292–294.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 84. Л. 366 об.–369.
- ¹⁷ Там же. Л. 416 об.–420.
- ¹⁸ Там же. Л. 580–648. «Украинская» часть издана М.С. Грушевским.

L.V. Zaborovsky

(Moscow)

**THE LAST OPPORTUNITY
FOR PEACEMAKING:
B.A. REPNIN'S NEGOTIATIONS
IN LVOV IN 1653**

Summary

The paper analyzes an attempt to stop the war between Rzecz Pospolita and Ukraine, undertaken by the Russian government in 1653. Russia suggested becoming a guarantor of a peace between Rzecz Pospolita and Ukraine. To make this peace possible, Russian diplomats were prepared to urge certain concessions from Ukraine. However Rzecz Pospolita rejected all the Russian initiatives, thus making a large-scale military conflict in Eastern Europe inevitable. The paper is based on a vast unpublished material from the Russian State Archives of Old Acts.

Искра Шварц
(Вена)

**АВСТРО-РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

По мнению О. Вайнштейна, «если XVII век был, как его часто называют, блестящим веком дипломатии, то период первой Северной войны можно считать апогеем дипломатического искусства»¹. Дипломатическая гибкость, умение «перехитрить» противника принимались за достоинство за высшую форму дипломатии и вызывали почтительное восхищение. Вчерашние противники, несмотря на конфессиональные и политические противоречия, становились партнерами в новых коалициях. Конфессиональный фактор после крушения в результате Тридцатилетней войны универсалистских планов Габсбургов отошел на задний план, уступив место государственным интересам и политике равновесия сил в Европе².

Наряду с другими факторами в середине XVII в. новая политическая сила — запорожские казаки — начала играть активную роль в Евразии. Восстание Богдана Хмельницкого (1648–1654 гг.) и присоединение Украины к Московскому государству после решения Земского собора (1 октября 1653 г.) и Переяславской рады (8 января 1654 г.) подняли международный престиж России и одновременно обозначили начало нового международного кризиса в Восточной Европе. Продолжительная борьба значительно изменила соотношение сил: рост роли России в международных отношениях все больше ослаблял позиции Речи Посполитой³.

Но в какой мере то, что происходило в Евразии, затрагивало *Casa di Austria* и равновесие сил в Европе? Имели ли габсбургские и русские интересы в этих сложных и запутанных событиях международного характера общие точки соприкосновения?

На наш взгляд, на этом этапе трудно говорить об определенной внешнеполитической концепции Австрии по отношению к данному региону. Габсбургские политики еще не могли разобраться в сложной ситуации на Украине. Что происходило: локальный конфликт в результате обострения

внутреннего кризиса Речи Посполитой или перераспределение сил в Восточной Европе? Русско-польская война вызвала лишь некоторую настороженность Вены в отношении планов России по интеграции Украины.

Со своей стороны, русская дипломатия также не спешила искать в лице Габсбургов союзника. В ходе Земского собора 1653 г. была выработана обширная программа действий на международной арене с целью обосновать присоединение Украины. В конце 1653 г. были направлены русские гонцы в Швецию, Нидерланды, Данию и Францию⁴. Следует заметить, что посольства были направлены в основном в страны-участницы антигабсбургского союза времен Тридцатилетней войны. По-видимому, в Москве их считали более доброжелательно настроенными по отношению к интересам и внешней политике России. Главная задача этих дипломатических миссий состояла в правовом обосновании разрыва «вечного мира» с Речью Посполитой⁵. В зависимости от результатов переговоров предусматривались либо нейтрализация названных государств, либо заключение с ними превентивных союзов.

В отношении государств Юго-Восточной Европы центральным вопросом была позиция Крымского ханства, но не меньшее значение Посольский приказ придавал деятельности Трансильванского, Молдавского и Валашского княжеств. Так, в феврале-апреле 1654 г. последовала целая серия посольств, цель которых заключалась в нейтрализации вассальных османам княжеств во время конфликта и при возможности обеспечении поддержки крымского хана⁶.

В мае 1654 г. были отправлены новые посольства. На этот раз к бранденбургскому курфюрсту, к курляндскому герцогу и к императору Священной Римской империи. Глава Посольского приказа Алмаз Иванов полагал, что переговоры о союзе следует вести также с Венной, но весьма осторожно⁷. Возможность сблизиться, заключить союз или просто выиграть время могла быть только на пользу Московскому государству. В центре внимания стоял вопрос об отношении венского двора к конфликту, русская дипломатия попыталась добиться включения в царский титул в ответных императорских грамотах упоминания Малой России, что означало бы признание Габсбургами акта присоединения Украины.

И вдруг, после 37 летнего перерыва, который совпал по времени с Тридцатилетней войной, в 1654 г. в Вену неожиданно для австрийских политиков приехало посольство Алексея Михайловича во главе с дворянином Иваном Ивановичем Баклановским и дьяком Иваном Михайловым. Официально объявленной целью посольства был вовсе не поиск союзников в войне с Речью Посполитой, а сообщение о восшествии на престол Алексея Михайловича. Спустя 9 лет после кончины Михаила

Федоровича новый русский царь уведомил императора Фердинанда III о смерти своего отца и о своем вступлении на престол и тем самым выразил готовность возобновить регулярные дипломатические сношения с Габсбургской монархией.

Переговоры начались 9 октября 1654 г. Русские послы изложили мотивы войны против Речи Посполитой и потребовали нейтралитета империи. Интересен тот факт, что, говоря о причинах войны, они ни слова не упомянули о запорожских казаках и о переходе их во главе с Богданом Хмельницким в подданство России. Особый упор был сделан на то, чтобы император и курфюрст Бранденбурга не оказывали Речи Посполитой финансовой и военной помощи⁸.

Венское правительство видело в лице Москвы потенциального союзника против Османской империи и Крымского ханства и в XVI в. неоднократно пыталось вовлечь ее в антиосманскую коалицию, но в данный момент эскалация конфликта в Юго-Восточной Европе была нежелательна для Габсбургов. В Вестфальских мирных договорах 1648 г. (**Instrumenta Pacis Westphalicae**) русский царь (*Magnus Dux Moscoviae*) упоминался как союзник Швеции и вместе с Францией представлялся гарантом «универсального мира»⁹. Было известно, что благодаря успехам русских войск летом 1654 г. многие города перешли к России. В сентябре был взят Смоленск. Очевидно, что в борьбе против Польши Россия нуждалась в союзниках и русские политики искали возможность преодолеть внешнеполитическую изоляцию. Однако участие в каком-либо международном конфликте не входило в интересы Священной Римской империи. Сдержанность во внешней политике к середине 50-х гг. XVII в. определялась целым рядом нерешенных внутренних и международных проблем. *Casa di Austria*, которая являлась конгломератом наследственных земель, объединенных династическими узами и политическими интересами, нуждалась в непрерывном восполнении огромных ресурсов для своего существования, в то время как страна находилась в тяжелом послевоенном экономическом и финансовом кризисе¹⁰. Неожиданная смерть (1654 г.) старшего сына, молодого короля Фердинанда IV, была тяжелым ударом для внутренней политики и ставила под вопрос все внешнеполитические планы. Теперь на период выбора второго сына императора римским королем требовалось в любом случае избегать внешнеполитических конфликтов и таким образом сохранить мир в империи¹¹. В связи с этим вице-канцлер граф Фердинанд Курц выразил сожаление по поводу начавшегося русско-польского конфликта и предложил посредничество императора в мирных переговорах между Россией и Речью Посполитой. Однако в ответной грамоте Фердинанда III Малая Россия не была упомянута в царс-

ком титуле Алексея Михайловича и тем самым акт присоединения Украины не был им юридически признан.

Польская сторона с огромным интересом следила за ходом переговоров¹². Резидент в Вене Д. Висконти и находившийся в это время в австрийской столице посол Яна Казимира аббат А. Денгоф немедленно сообщили в Варшаву об их итогах и о позиции императора¹³. 25 ноября 1654 г. Фердинанд III направил специальную инструкцию своему резиденту в Варшаве И. Фрагштейну, в которой после известий о предложении русских посланцев и о реакции венского двора просил выяснить позицию короля Яна Казимира, склонен ли он к миру или к продолжению войны, и в случае мирных намерений уведомить его о готовности Фердинанда III быть посредником в деле заключения мира¹⁴. В письме от 11 января 1655 г. Фрагштейн информировал императора, что сенат не мог решиться на «трактаты мира з Москвою», но все-таки просит выслать посла к московскому царю¹⁵. Из донесения 10 января папского нунция П. Видони мы узнаем больше об опасениях Яна Казимира. Король полагал, что дипломатические переговоры с Московским государством могут оказаться губительными для польской политики, если действия габсбургской дипломатии не увенчаются успехом¹⁶. С нарастанием шведской опасности в начале апреля польская позиция по вопросу о мирных переговорах с Московским государством заметно меняется. 7 апреля Висконти донес императору Фердинанду, что «король просит цесаря сразу выслать особу до Москвы», но организовать дипломатическую миссию в строгой секретности, чтобы «московиты не подумали, что король о мире просит»¹⁷.

Весной 1655 г. для поездки в Москву была подготовлена дипломатическая миссия дона Аллегретто Аллегретти, выходца из Дубровника, и Теодора Лорбаха¹⁸. Послам были выданы две инструкции: после тщательного выяснения причин конфликта предложить посредничество императора для его урегулирования, договориться о месте и времени проведения переговоров и не брать на себя никаких других обязательств¹⁹. Посольство направилось в Москву 27 июня 1655 г. и прибыло туда 17 октября²⁰. Больше месяца пришлось ждать возвращения Алексея Михайловича из военного похода, и переговоры начались лишь в середине декабря. Русское правительство согласилось на посредничество Габсбургской империи в русско-польском конфликте, и в Вену отправились гонцы с сообщением о результатах переговоров. Какова была реакция в Вене мы узнаем из вестового немецкого листа, который 23 марта — 19 апреля 1656 г. был переведен на русский язык и включен в Вести-Курранты: «...а московской посол был у цесаревой руки и почесть ему была

болши прежней и везде ему поволено было ходит и потому начинаютца, что ево дело любовно будет, а про дело, с чем он прислан был, не слышет»²¹.

Пока имперские послы находились в пути, шведские войска напали на Речь Посполитую с двух сторон, из Лифляндии и Западной Померании, и 29 августа 1655 г. Карл X Густав вступил в Варшаву²². В сентябре пал Краков, сам польский король Ян Казимир был вынужден бежать в Силезию. В августе Януш и Богуслав Радзивиллы, а также жмудский епископ Парчевский подписали со шведами Кейданский договор о переходе Великого княжества Литовского под протекторат Швеции²³. Таким образом, восточноевропейский кризис, втянув многие государства континента, приобрел более широкий масштаб и привел к новой расстановке политических сил на европейской арене.

«Польский Потоп» и сложившаяся новая ситуация в Центральной Европе активизировали политическую деятельность Вены. В августе 1655 г. император Фердинанд III назначил своего самого лучшего и ловкого дипломата Франца Лизола послом в Швецию. Австрийский историк А. Прибрам называет Лизола «гениальным государственным деятелем»²⁴. В стремлении создать антишведскую коалицию в составе Австрии, Польши, Бранденбурга, Дании и России активность дипломата простиралась не только на Вену, Берлин и Варшаву, но также на Копенгаген и Москву. Однако ему было трудно разобраться в дипломатических приемах бранденбургского курфюрста. Руководствуясь принципом Макиавелли — «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам»²⁵, курфюрст лавировал, чтобы добиться территориальных приобретений, неважно за чей счет. Русскому послу Д. Мышецкому, который приехал в Кенигсберг весной 1655 г., он дал уклончивый ответ, обещая вскоре прислать своего посланника в Москву²⁶. Но это не мешало ему в начале мая вести переговоры о союзе с Карлом Густавом²⁷. Итак, после семи лет со времени подписания мирных договоров в Мюнстере и Оснабрюке мир в Европе снова оказался на грани катастрофы.

В начале января 1656 г. польский король Ян Казимир обсудил с сенаторами в городе Кросно ситуацию в стране. Ввиду сложной обстановки было решено попытаться наладить отношения с Россией, чтобы привлечь ее к борьбе со Швецией и таким образом избежать войны на два фронта. В Москву с дипломатической миссией был направлен королевский посланник Петр Галинский. Русско-польские переговоры состоялись в апреле 1656 г.²⁸ Польский посланник объявил, что «он привез статьи, на которых становить мир между королем и великим государем», и если Алексей Михайлович согласится, то должен быть назначен пограничный съезд для

окончательного «обсуждения и постановления»²⁹. Далее он сказал, что «должен объявить о коварных замыслах шведского короля против Московского государства, который не только обещал гетману Радзивиллу возвратить земли занятые русскими войсками, но и собирается идти со своим войском прямо под Москву»³⁰. Галинскому обещали, что до съезда царь не будет вступать в договор со шведским королем и оказывать ему помощь. С посланника взяли письменное заверение, что и польский король не будет мириться со шведами «без воли» Алексея Михайловича³¹. Стороны согласились прекратить неприятельские действия до посольского съезда. В ходе переговоров обсуждался также вопрос о месте проведения будущего посольского съезда. В ответной грамоте Яну Казимиру царь отписал, что послам следует «съезжаться» в стольном городе Вильно³². Точную дату съезда предполагалось определить позднее.

Представляет интерес тот факт, что у Галинского находились письма для Аллегретто Аллегретти от польского короля³³ и от великого коронного канцлера Стефана Корыцынского³⁴. Оба обращались к императорскому послу с просьбой в случае необходимости, оказать Галинскому помощь: «коли бы в чем нашему посланнику в делах ему приказанных помощь какова надобна была, изволь в том показать верное радение свое»³⁵. Во время переговоров Галинский активно интересовался, будут ли присутствовать на мирном съезде австрийские посредники. В ответ русские дипломаты, по сравнению с тем вниманием, какое проявила к этому вопросу польская сторона, ответили довольно сдержанно, что «царь ведь согласился на посредничество императора и выслал опасные грамоты, но успеют ли императорские послы вовремя приехать, не известно, а если не успеют, то съезд и без посредников состояться может»³⁶. Один из последних исследователей проблемы Д. Иванов считает, что «одной из причин подобного отношения могли быть опасения, ... что на переговорах послы императора займут пропольскую позицию»³⁷.

23 апреля (3 мая) 1656 г. была составлена царская грамота Б. Хмельницкому и передана находящемуся в Москве запорожскому послу Д. Якименко. Царь сообщал гетману о предложении императора посредничать в установлении русско-польского мира и о приезде в Москву в связи с этим королевского посла Петра Галинского. Если король не согласится с мирным предложением, — говорилось в царской грамоте, — то русские войска готовы двинуться в путь³⁸. В ответной грамоте 12 (22) июня 1656 г. Б. Хмельницкий просил царя не верить полякам и предупреждал его, что они, хотя и говорят о съезде, готовят переговоры со шведами, «понеже они съезд хотят продлить, а с королем свеиским помиритца, а помирясь, о нас промишляют...»³⁹.

С начала 1656 г. военные действия между Россией и Речью Посполитой почти прекратились, если не считать продолжавшейся осады города Старого Быхова, поскольку на антишведской основе происходило сближение интересов России и Речи Посполитой. Заметно начал меняться внешнеполитический курс русского правительства, наряду с дипломатическими переговорами о созыве мирного съезда идет подготовка к войне со Швецией. Однако надо сказать, что антишведский поворот в русской внешней политике совершился далеко не сразу. Первоначально царское правительство хотело воспользоваться ситуацией и ориентировалось скорее на соглашение с Карлом X Густавом или по крайней мере стремилось избегать с ним конфронтации. Но заключенные договоры в Кейданах — с литовской и в Устье — с польской шляхтой четко показали, что шведские войска вряд ли остановятся на границе Псковской и Полоцкой земель. Обострение русско-шведских противоречий в Литве и стремление шведского короля привлечь на свою сторону Б. Хмельницкого было одной из основных причин поворота в московском внешнеполитическом курсе. Миссия императорских послов Аллегретто Аллегретти и Теодора Лорбаха только подлила масла в огонь. С одной стороны, испытывая опасения относительно возможного сближения Речи Посполитой с Габсбургской империей, Москва относилась осторожно к предложениям имперских послов, но, с другой стороны, все таки надеялась, что Габсбурги вступят в борьбу со Швецией. Во время пребывания в Москве польский посланник Галинский утверждал, что к лету 1656 г. будут подготовлены имперские войска для похода против Карла X Густава⁴⁰. Как правильно заметила исследовательница Е. Кобзарева, противоречивость внешнеполитического курса России привела к началу войны со Швецией, хотя мир с Речью Посполитой еще не был заключен⁴¹. Война была объявлена 17 мая 1656 г. В июле русские войска под командованием Я. Черкасского перешли русско-шведскую границу в Ливонии и начали наступление на Динабург. 31 июля город был взят штурмом и переименован в Борисоглебск⁴². 21 августа русские войска подошли к Риге и приступили к осаде города, однако осада затянулась, так как город получал снабжение с моря⁴³.

В то время, когда русские войска подходили к Риге, под Вильно в деревне Немежа, 12 августа 1656 г. начались прелиминарные польско-русские переговоры при посредничестве Аллегретто Аллегретти и Теодора Лорбаха. Делегацию Московского государства возглавлял ближний боярин князь Никита Одоевский, а со стороны Речи Посполитой — плоцкий воевода Ян Красинский. Украинские послы во главе с сотником Р. Гапоненко также прибыли туда, но не были допущены к переговорам⁴⁴.

Одним из особо важных вопросов, занявших видное место на Виленских мирных переговорах, был конфессиональный⁴⁵. Религиозная ситуация на Украине определялась взаимоотношениями католической, униатской и православной церквей. Украинские гетманы стремились обеспечить себе поддержку киевского духовенства. Для степени их независимости очень важным был вопрос о подчинении киевского духовенства Константинопольскому патриарху, так как эта зависимость была, по существу, номинальной. Польша же, совсем наоборот, не желала отказываться от идеи Унии как от возможности иметь духовное влияние на Украине, а Россия добивалась подчинения киевского митрополита Московскому патриарху⁴⁶. На Украине в народном сознании религиозные противоречия воспринимались прежде всего как межэтнический конфликт между «ляхами» и «русью», и начавшаяся война Московского государства против Речи Посполитой только обострила его⁴⁷.

Уже во второй половине 30-х гг. XVII в. по инициативе правительства Речи Посполитой велись переговоры о заключении новой унии, условия которой предусматривали создание «русского патриархата» под эгидой Рима⁴⁸. В 40-е гг. обсуждение проектов так называемой «новой унии» между православной и униатской церквями в Речи Посполитой продвинулось так далеко, что к началу 1648 г. в результате переговоров, которые велись при активном участии папского нунция Иоанна Торреса, было объявлено о созыве 15 июля 1648 г. съезда в Варшаве⁴⁹. Съезд не состоялся, так как летом 1648 г. на Украине началось новое казацкое восстание. Униатское духовенство наряду с католическим подверглось репрессиям со стороны восставших. В итоге на охваченной восстанием территории не стало тех социальных групп, которые поддерживали здесь политику церковной унии, и деятельность униатской церкви была практически прервана⁵⁰.

Б. Хмельницкий и его люди в отличие от православных полемистов в 20-х гг., не считали униатов частью «русского» народа, с которой следует искать соглашения, и требовали запретить деятельность униатской церкви на территории гетманства. С самого начала гетман старался убедить царское правительство, что разразившийся на Украине конфликт представляет собой, по преимуществу, борьбу за «истинную православную веру», вызванную притеснениями католиков и униатов: «и ... есмь, почав ту войну ни за что иное, толко за самую истинную православную восточные церкви веру и за всех православных христиан...»⁵¹. Способ ликвидации унии предусматривал принятие униатами латинского или греческого обряда⁵².

Во время войны, начатой Московским государством в 1654 г., одной из главных целей была защита православной церкви и расширение сферы ее влияния. Царское правительство придавало большое значение уп-

рочению позиции православной церкви. По мере продвижения русских войск деятельность католической церкви воспрещалась, костелы и католические монастыри закрывались, католические монахи бежали в Польшу или принимали православие. Русское правительство требовало прекращения католического богослужения на территории таких крупных центров как Вильно, Гродно и Троки⁵³. Чтобы добиться соглашения с казачеством, летом 1655 г. многие светские и духовные сенаторы Речи Посполитой были готовы отказаться от унии, что вызвало серьезное беспокойство в Ватикане⁵⁴. На переговорах в Москве об условиях перехода Великого княжества Литовского в царское подданство 24 декабря 1655 г. (3 января 1656 г.) посол литовской шляхты П. Роля согласился на уничтожение унии, но резко возражал против русских предложений запретить католическое богослужение в таких городах, как Вильно, Гродно и Троки: «Тому де никак статца невозможно, что в тех городех набоженству их римскому не быть... А унейским бы церквам и нигде не быть и их снести»⁵⁵. В конце 1655 г. политика по отношению к униатской церкви и сторонникам унии стала еще более жесткой.

24 декабря посольство Аллегретто Аллегретти было принято ближним боярином и казанским наместником князем Алексеем Трубецким и во время переговоров речь зашла о Б. Хмельницком и о Зборовском договоре. Аллегретти, ссылаясь на то, что во время дипломатической миссии в Стамбуле видел статьи Зборовского договора, сказал: «И в первых де в дву статьях написано, что Киевскому митрополиту иметь в сенате место да унею всю искоренить, — и тех де статей король и сенаторы не сдержали»⁵⁶. Присутствующие бояре оставили замечание императорского посла об унии без ответа⁵⁷.

Представляет интерес тот факт, что, кроме выяснения религиозной ситуации на Украине и судьбы унии, Аллегретто Аллегретти предпринял конкретные шаги по освобождению одного польского католического священника, задержанного в Москве. 11 января 1656 г. он обратился в Посольский приказ с просьбой разрешить доктору Артману, «которой недавно у Свитцких послов был», а также польскому ксендзу, «которой в тюрьме сидит», прийти к нему, так как один из членов посольства очень тяжело болен, «при смерти лежит» и ему «лекарства телесного и душевного надобно»⁵⁸. Перед отъездом Аллегретти воспользовался своим дипломатическим статусом и обратился 5 мая 1656 г. с просьбой, чтобы «вместо особого жалования, Лаврентей Бурговский польский ксенз, который ныне здесь в заключение есть, дарован был, чтобы я страшным путем к Цес. Вел-ву едучи, в часу надобном ксенза при себе имел, которому грехи моя исповедать мочно будет»⁵⁹. На документе была сделана помета: «ука-

зал Государь того ксенза сыскать, спросить, коего города он из Полши или из Литвы и где взят и доложить себе, Государю»⁶⁰. 8 мая при распросе в Посольском приказе было внесено в протокол, что «звуют де его Миколаем Борковский, а родом де Поляк, Перемышского повету, простого чину, а жил в Смоленску у костела»⁶¹. После взятия Смоленска он не захотел принять православие, как это сделали другие священники и поэтому «сидит он на Москве в вязнях другой год»⁶². 11 мая Алексей Михайлович приказал его отпустить и отдать цесарскому послу⁶³.

Во время переговоров в Вильно русские политики сочли ситуацию благоприятной, чтобы добиться ликвидации унии. На первом заседании 22 августа (1 сентября) было заявлено: «...уния не суть вера, но замысли злых человек, которые отступили от греческого закона и меж люди греческого закона и каталицкие веры чинят многую ссору»⁶⁴. 28 августа царские послы неожиданно выдвинули кандидатуру Алексея Михайловича на польский престол и предложили его избрание еще при жизни Яна Казимира. Так как у польских комиссаров не имелась инструкция для обсуждения такого вопроса, дискуссию перенесли⁶⁵. 20 сентября (30 сентября) русские послы грозили «разъехаться без дела» и в 5-ой статье договора предложили: «Униєю, которая богу всемогущему грубна есть, понеже она не суть вера, но замыслы злых человек, которые отступили от греческого закону и меж греческого закону и каталицкие веры чинят многую ссору, чтоб везде вскоре снесена была...»⁶⁶.

Предложение о выборе Алексея Михайловича на польский трон вызвало возмущение и резкую реакцию Аллегретто Аллегретти⁶⁷. Вопрос об элекции православного царя мешал как династическим интересам Габсбургов, так и политике римской курии⁶⁸. Императорский посол решительно объявил, что он и слышать не хочет об избрании русского кандидата, так как прислан от Фердинанда III для посредничества в мирных переговорах, а не для решения вопроса о кандидате на польский трон: «*che loro sono venuti per esser mediatori nell' Trattato delle Pace, non nell' elletione del Re*»⁶⁹.

Римская курия с огромным интересом и тревогой следила за ходом переговоров под Вильно. Нунций П. Видони держал в курсе дел кардинала Роспильози, руководившего внешней политикой папского престола. Решалась судьба католичества не только в Речи Посполитой, но и во всей Юго-Восточной Европе, и курия не могла оставаться равнодушной. Рим надеялся на успех виленских переговоров, так как соглашение приостановило бы опасное для католического духовенства продвижение русских войск, которое грозило уничтожением унии в этом регионе. А кроме того, мирное соглашение могло развязать руки полякам в борьбе против Швеции⁷⁰.

В результате переговоров 3 ноября 1656 г. было достигнуто соглашение, которое ограничивалось лишь заключением перемирия⁷¹. Решение конфес-

сиональных и всех остальных вопросов откладывалось до новых переговоров. В 1658 г. перемирие было нарушено и бои под Вильно привели к возобновлению военных действий между Россией и Речью Посполитой.

Переговоры закончились неудачей для австрийской дипломатии. Условия царя — получить польскую корону и польский престол после смерти Яна Казимира, к чему склонялись Литва и часть поляков, испугали венский двор. Австрийская дипломатия и в Вильно, и после заключения перемирия стремилась не допустить дальнейшего сближения обоих государств. Несмотря на Виленское перемирие, отношения между Россией и Речью Посполитой оставались напряженными. Одной из причин была дипломатическая деятельность Б. Хмельницкого. Как считает Л. Заборовский, внешнеполитический поворот Московского государства «вызвал значительное недовольство в гетманате» и осложнил отношения между казачьим руководством и московским двором⁷². Война со Швецией нарушила альянс с запорожскими казаками. Обе силы оказались в разных лагерях. Алексей Михайлович заключил перемирие под Вильно, а гетман искал союза со шведами и Трансильванией. После смерти Богдана Хмельницкого (27 июля 1657 г.) политическая обстановка на Украине резко осложнилась.

Происходила резкая перемена и в русской политике. В начале 1658 г. польский проект был окончательно оставлен. Дипломатические переговоры между Россией и Швецией привели к прекращению с 21 мая 1658 г. военных действий и заключению 20 декабря 1658 г. перемирия на 3 года⁷³.

Итак, после крушения в результате Тридцатилетней войны универсалистских планов Габсбургов конфессиональный фактор отошел на второй план, уступив место государственным интересам, хотя и продолжал играть заметную роль в международных отношениях. Несмотря на то, что власть императора Священной Римской империи была сильно ослаблена Реформацией и Тридцатилетней войной, он все еще считался высшим мирским государем западных христиан. В то же самое время начал возрастать международный авторитет России, усилилась ее международная интеграция, и европейские государства должны были «*polens volens*» учитывать эту новую политическую ситуацию в своих будущих планах.

¹ *Вайнштейн О.* Русско-шведская война 1655-1660 годов. Историографический обзор. // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 58.

² *Ивонин Ю.* Политика Габсбургов в Юго-Восточной Европе в XVI–XVIII веках. // Славяне и их соседи. Средние века — раннее Новое время. Москва 1999. Вып. 9. Славяне и немцы. С. 154, 160.

³ *Wójcik Z.* Zmiana w układzie sił politycznych w Europie środkowo-wschodniej w drugiej połowie XVII wieku. // Kwartalnik Historyczny. LXVII. 1. 1960. S. 25–57.

- ⁴ Черепнин Л. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. Москва, 1978. С. 396.
- ⁵ Заборовский Л. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Москва, 1981. С. 31.
- ⁶ Заборовский Л. Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европой (50-е годы XVII в.). // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 253.
- ⁷ Санин Г. Внешняя политика России во второй половине XVII века. // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны). Москва, 1999. С. 287.
- ⁸ Шварц И. Вена-Москва: дипломатические отношения в середине XVII века. // Славяне и их соседи. Средние века – раннее Новое время. Москва, 1999. Вып. 9. С. 181.
- ⁹ XVII, § 11. Ex parte vero serenissimae reginae regnique Sueciae omnes eius foederati et adhaerentes, imprimus rex Christianissimus, tum electores, principes, status, libera et immediata imperii nobilitate comprehensa, et civitates Anseaticae, item rex Angliae, rex et regna Daniae Norvegiaeque cum annexis provinciis ut et ducatu Schleswicensi, rex Poloniae, rex et regnum Lusitaniae, magnus dux Muscoviae, respublica Veneta, foederatum Belgium, Halvetii Rhetique et princeps Transylvaniae. / / Instrumenta Pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648. Bern, 1948. S. 77.
- ¹⁰ «die Habsburger hatten einfach zu viel zu tun, zu viele Feinde zu bekämpfen, zu viele Fronten zu verteidigen». «У Габсбургов было слишком много дел, слишком много противников, с которыми надо было бороться, и слишком много фронтов, которые надо было защищать.» // Kennedy P. Aufstieg und Fall der großen Mächte. Frankfurt am Main, 1991. S. 93; См. также: Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München, 1998. S. 19 f.; Zöllner E. Geschichte Österreichs. Wien, 1974. S. 221.
- ¹¹ Zöllner E. Geschichte... S. 246
- ¹² См. об этом: Федорук Я. Міжнародна дипломатія і політика України 1654–1657. Ч. I. 1654 рік. Львів, 1996. С. 205–210.
- ¹³ Заборовский Л. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследование. Москва, 1994. С. 153.
- ¹⁴ Кордуба М. Акти до Хмельниччини (1648–1657). // Матеріали до історії української козащини. Жерела до історії України-Руси. Т. XII. Львов, 1911. С. 334–335.
- ¹⁵ Кордуба М. Акти... С. 338.
- ¹⁶ Šurlo E. Rom und Moskau im Jahre 1657. // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1. Berlin, 1931. S. 177. О П. Видони см.: Levinson A. Die Nuntiaturreporte des Petrus Vidoni über den ersten nordischen Krieg aus den Jahren 1655–1658. // Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 95. Wien, 1906. S. 1–144.
- ¹⁷ Кордуба М. Акти... С. 344.
- ¹⁸ Pribram A. Österreichische Vermittlungs-Politik im polnisch-russischen Kriege 1654–1660. // Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 75. (1889). S. 424–446.
- ¹⁹ О подготовке миссии см.: Шварц И. Вена-Москва... С. 180–183.
- ²⁰ Deanović M. Frano Dhiva Gundulića i njegov put u Moskvu 1655 g. // Starine. Kn. 41. Zagreb, 1948. S. 32, 38.
- ²¹ Вести-Куранты (1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.). Москва, 1996. С. 103.
- ²² См. об этом: Kubala L. Wojna szwecka w roku 1655 i 1656. Lwów, Warszawa, Poznań 1913; Polska w okresie drugiej wojny polnocnej 1655–1660. Т. I–III, Warszawa 1957.
- ²³ Мальцев А. Международное положение Русского государства в 50-х годах и русско-шведская война 1656–1658 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. Москва, 1955. С. 497.
- ²⁴ Pribram A. Die Berichte des kaiserlichen Gesandten Franz von Lisola aus den Jahren 1655–1660. / / Archiv für österreichische Geschichte. Bd. LXX. Wien, 1887. S. 3.
- ²⁵ Макиавелли Н. Государь. // Избранные сочинения. Москва, 1982. С. 351.
- ²⁶ Мальцев А. Международное положение Русского государства... С. 498. См.: Opitz E. ób

- Österreich und Brandenburg im Schwedisch-Polnischen Krieg 1655–1660. Vorbereitung und Durchführung der Feldzüge nach Dänemark und Pommern. // Militärgeschichtliche Studien. Bd. 10; S. 3–9; *Hedenström A.* Die Beziehungen zwischen Rußland und Brandenburg während des ersten nordischen Krieges 1655–1660. Marburg, 1896.
- ²⁷ *Заборовский Л.* Политика Швеции накануне первой Северной войны (вторая половина 1654 – середина 1655 г.). // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 223–224.
- ²⁸ *Иванов Д.* Русско-польские переговоры 1656 г. Миссия П. Галинского. // Русское средневековье 2. М., 1998. С. 67–81.
- ²⁹ *Соловьев С.* История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М., 1961. С. 653.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Иванов Д.* Русско-польские переговоры... С. 75.
- ³² Там же. С. 77.
- ³³ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (далее – ПДС). Т. III. (с 1632 по 1660 год). СПб., 1854. Стлб. 423. Копия этого письма на латыни находится в Венском государственном архиве. // HHStA-Wien. Rußland I. Karton 8. Fol. 82 r. – 85 r.
- ³⁴ ПДС. Стлб. 424.
- ³⁵ Там же. Стлб. 423.
- ³⁶ *Иванов Д.* Русско-польские переговоры... С. 77.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ «А будет полскои корол по воле царского величества помиритца не похочет, и у царского величества ратные люди готовы...» // *Заборовский Л.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Часть 1. Москва, 1998. С. 252.
- ³⁹ *Заборовский Л.* Католики С. 255.
- ⁴⁰ *Кобзарева Е.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. Москва, 1998. С. 102–103.
- ⁴¹ *Кобзарева Е.* Дипломатическая борьба... С. 103.
- ⁴² *Мальцев А.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. Москва, 1974. С. 111. Ср.: Акты относящиеся до военных действий с Швециею. // Дополнениям к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою коммиссиею. Т. 4. СПб., 1851. С. 62.
- ⁴³ *Мальцев А.* Россия и Белоруссия... С. 111–112.
- ⁴⁴ *Заборовский Л.* Католики... С. 16.
- ⁴⁵ *Mironowicz A.* Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystok, 1997. S. 135–138.
- ⁴⁶ *Яковлева Т.* Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией. // Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997. С. 56.
- ⁴⁷ *Флоря Б.* Казачество и религиозная борьба на Украине в первой половине XVII в. // Очерки по истории Украины. Вып. 1. Москва, 1993. С. 94.
- ⁴⁸ Там же. С. 102.
- ⁴⁹ *Заборовский Л., Флоря Б.* Народно-освободительная война украинского народа и отношения католической, униатской и православной церквей в Восточной Европе в середине XVII в. // *Дмитриев М., Заборовский Л. и др.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. 2. Москва, 1999. С. 175. См. также: Instrukcyja dla Monsig. Jana de Torres arcybiskupa Adryanopolitańskiego nuncyusza przeznaczonogo do Polski w sprawie unii wszystkich Rusinów. Rzym 17 Marca 1645 roku. // *Relacje nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690.* Т. II. Berlin–Poznań, 1864. P. 286–288.

-
- ⁵⁰ *Заборовский Л., Флоря Б.* Народно-освободительная война... С. 175–176.
- ⁵¹ *Заборовский Л.* Католики... С. 254.
- ⁵² *Заборовский Л., Флоря Б.* Народно-освободительная война... С. 178
- ⁵³ Там же. С. 182.
- ⁵⁴ Там же. С. 184.
- ⁵⁵ *Заборовский Л.* Католики... С. 235.
- ⁵⁶ ПДС. Стлб. 416. Ср.: Зборовский договор 1649 г. // Крипякевич И. Документи Богдана Хмельницького (1648–1657). Київ, 1961. Док. № 68. С. 128–131.
- ⁵⁷ См.: ПДС. Стлб. 416–417.
- ⁵⁸ Там же. Стлб. 420.
- ⁵⁹ Там же. Стлб. 442.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. Стлб. 450.
- ⁶² Там же. Стлб. 451.
- ⁶³ Там же. Стлб. 452.
- ⁶⁴ *Заборовский Л.* Католики... С. 267.
- ⁶⁵ Там же. С. 335.
- ⁶⁶ Там же. С. 268.
- ⁶⁷ *Wójcik Z.* Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655–1660. // Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660. Warszawa, 1957. S. 358; *Pribram A.* Österreichische Vermittlungs-Politik... S. 437.
- ⁶⁸ *Pribram A.* Österreichische Vermittlungs-Politik... S. 438.
- ⁶⁹ *Deanović M.* Frano Dživa Gundulića... S. 55; *Мальцев А.* Международное положение Русского государства... С. 500.
- ⁷⁰ *Шаркова И.* Посольство И.И. Чемоданова и отклики на него в Италии. // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Ленинград, 1972. С. 219.
- ⁷¹ Текст перемирия: *Theiner A.* Monuments Historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand Czars de Russie extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 17–18.
- ⁷² *Заборовский Л.* Католики... С. 332.
- ⁷³ *Мальцев А.* Россия и Белоруссия... С. 118.

Iskra Schawrcz

(Vienna)

**DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN AUSTRIA
AND RUSSIA THROUGH THE FIRST YEARS OF
NORTHERN WAR**

Summary

The paper deals with the diplomatic relations between Austria and Russia in the middle of the 17th century. Russian embassy headed by nobleman Ivan Baklanovsky unexpectedly arrived to Vienna in 1654 thus reviving diplomatic

relations between the two countries, which were not maintained through the years of the Thirty Years War. Russian ambassadors came to explain the reasons of the war between Russia and Rzech Pospolita and to insist on neutrality of the Empire in this conflict. A special focus was made on preventing the emperor and kurfurst of Barndenburg from rendering any financial or military assistance to Rzech Pospolita. It is obvious that Russia was looking for allies in its conflict with Rzech Pospolita, trying hard to come out of political isolation. However Austria was interested in keeping aside from any political confrontations. This restrained character of Habsburgs' policy in the middle of the 5th decade of the 17th century was caused by a number of unsolved domestic and international problems they had to face. That is why vice-chancellor of Austria count Ferdinand Kurz expressed disappointment on the occasion of the developing conflict and offered an emperor's mediation in reconciling Russia and Rzech Pospolita. However in his answering epistle Ferdinand III omitted mentioning Little Russia in the title of the Russian tsar, refusing to recognize Russian sovereignty over Ukraine.

An answering embassy of don Allegretto Allegretti and Theodor Lorbach started from Austria in the spring of 1655, but while it was on its way to Russia, Swedish troops invaded Rzech Pospolita. This globalization of the Central European crisis through the involvement of new states resulted in a change of the balance of powers in Europe. Just in 7 seven years after the peaceful treaties of Munster and Osnabruck, the peace in Europe was in danger again. This new situation inspired Vienna to intensify its diplomatic activities.

Russian government agreed to Habsburg's mediation in its conflict with Rzech Pospolita and preliminary negotiations started in the village of Nemezha not far from Vilnius on August 12, 1656. A confessional aspect was especially important there. Russian government attached a great significance to strengthening the positions of Orthodox Church and expanding its influence. On the territories occupied by Russian troops all the activities of Roman Catholic Church were stopped, Churches closed while Catholic monks either flew to Poland, or embraced Orthodox faith. The demands to stop celebrating liturgies according to the Latin rite extended to such religious centers as Vilnius, Grodno and Troki. During the negotiations Russian diplomats considered the situation to be favorable for securing an abolition of the Church Union in Ukraine. On August 28 Russian ambassadors unexpectedly suggested the candidature of Alexey Mikhaylovich for the Polish throne. The possibility of ascension of the Russian tsar to the Polish throne intervened not only with Habsburgs' dynastic plans, but with the interests of Apostolic See as well. The future of Catholicism not only in Poland, but in the whole South Eastern Europe was at stake. That is why emperor's ambassador Allegretto Allegretti strictly

opposed the very idea of discussing the candidature of Alexey Mikhaylovich for the Polish throne. The negotiations ended in a failure of Austrian diplomacy. The content of the treaty, signed on November 3, 1656, was limited to the agreement on truce. A solution of confessional and other problems was postponed till another round of negotiations. In 1658 the truce was violated, military clashes started around Vilnius and quickly developed into a new war between Russia and Rzecz Pospolita.

Кристоф Аугустинович
(Вена)

**РУССКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА
1654–1657 гг. И ПОСРЕДНИЧЕСТВО
ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ**

Восстание Богдана Хмельницкого бесспорно было одной из важнейших причин нарушения равновесия в Евразии в 50-х гг. XVII в. Однако оно не было единственной причиной. Тридцатилетняя война в Западной и Центральной Европе, окончившаяся в 1648 г., радикально изменила расклад политических сил. Швеция и Россия вышли из этого международного конфликта окрепшими, а владения Габсбургов и Речь Посполитая – ослабленными. Это в первую очередь относится к Речи Посполитой, которой в последующие годы пришлось бороться за свои земли. Международное положение Речи Посполитой осложнилось специфической внутренней ситуацией. Шляхта не допустила там концентрации политической власти в руках монарха. Еще в 1572 г. она закрепила за собой право избирать короля. Таким образом, политическое влияние в этой стране все более сосредотачивалось в руках группы богатых и знатных фамилий, а Речь Посполитая так и не стала централизованным государством. Однако это не означало прекращения ее политической активности: дипломатические сношения с другими странами были вполне оживленными ¹.

Восстание Богдана Хмельницкого стало следствием серьезных не только социальных, но и религиозных конфликтов, пришедших на смену характерному ранее для Речи Посполитой мирному сосуществованию разных религиозных конфессий. В 1654 г. по Переяславскому договору запорожские казаки во главе с Богданом Хмельницким разорвали связь с Речью Посполитой и подчинились верховной власти царя Алексея Михайловича. Это привело к войне между Россией и Речью Посполитой. В середине 1654 г. русские войска заняли такие приграничные города, как Полоцк, Витебск и Смоленск. Занятые земли были включены в состав Русского государства, а местное православное духовенство подчинено власти московского патриарха Никона ².

В 1655 г. Речь Посполитая подверглась нападению сразу с трех направлений. На востоке значительные области Великого княжества Литовского были заняты московскими войсками. Юго-восточные земли по-прежнему опустошались восставшими запорожскими казаками Богдана Хмельницкого. С севера наступало шведское войско под командованием короля Карла X Густава. На этом фронте главным яблоком раздора был давний жестокий спор за преобладание на Балтийском море. Шведские притязания поддерживала значительная часть шляхты. Довольно скоро в Речи Посполитой сложилась прошведская партия. Одним из ее лидеров стал Иероним Радзийовский, который в 1652 г. был снят со всех должностей и бежал в Стокгольм. Используя слухи о слабом здоровье Яна Казимира, он сулил Карлу X избрание королем Польши и великим князем Литвы, а также способствовал укреплению направленного против Речи Посполитой союза Швеции с казаками³.

Вызванное всеобщим недовольством решение Яна Казимира бежать в Силезию фактически вовлекало императора Фердинанда III и владения габсбургской короны в польско-шведский конфликт. К тому же Ян Казимир уже раньше обращался за помощью к императору в марте 1655 г. Бегство короля способствовало укреплению прошведской партии в Речи Посполитой. Организационный центр сопротивления шведскому завоеванию перенесся на южные польские территории, и его символом стала Ченстохова. В этой ситуации Вена начала предпринимать целенаправленные шаги в поддержку Речи Посполитой. Роль Габсбургов была посреднической. Дипломатические отношения между Варшавой и императорским двором имели к тому времени давнюю традицию, и их легко было оживить.

В Речи Посполитой побывал ряд имперских представителей. Например, Франц де Лисола (1613–1674), начавший свою дипломатическую карьеру во Франции в Безансоне. В 1638 г. во время поездки в Вену он предложил свои услуги Фердинанду III и уже в 1639 г. был отправлен им на 6 лет в Англию. Через 10 лет после возвращения в 1655 г. он получил назначение в Стокгольм. Перед ним была поставлена задача декларировать нейтралитет Габсбургов в Северной войне и собрать информацию о планах и намерениях шведского короля. Важное значение для Лисолы имела встреча при шведском дворе с Радзийовским, который снабдил его ценными сведениями о видах Карла Густава на будущее. Затем Лисола отправился в Варшаву с посредническим поручением императора, которое должно было удовлетворить обе стороны. Попытки императорского посла добиться более активных действий в пользу Речи Посполитой не встретили понимания в Вене, равно как и его предуп-

реждения о том, что Франция может перехватить инициативу в польско-шведском посредничестве. Более определенные очертания политика императора приобрела лишь в 1656 г. перед лицом международного признания шведской позиции ⁴.

Известна также деятельность имперского представителя при королевском дворе в Варшаве Иоганна Криштофа Фрагштайна. В 1657/58 гг. он был императорским послом в Москве ⁵. Еще одна посредническая акция империи состоялась в мае 1655 г., когда ее послы попытались добиться подписания мира между казаками и Речью Посполитой ⁶.

Важную роль представителя Речи Посполитой при венском дворе в то время выполнял Ян Лещинский. Вместе с великим маршалком короны Ежи Любомирским он получил задание добиться поддержки империи. Однако Лещинский был гораздо активнее в достижении этой цели, чем его товарищ, так что даже пообещал эрцгерцогу Карлу избрание на польский престол после смерти Яна Казимира ⁷. 1 декабря 1656 г. представители императора и Речи Посполитой подписали договор. Фердинанд III обещал убедить бранденбургского курфюрста расторгнуть союз со Швецией, не допустить вступления в войну Трансильвании и навязать России перемирие с Речью Посполитой. Лещинскому было дозволено нанять в габсбургских землях 4000 солдат для участия в боевых действиях на польской территории против Швеции и Бранденбурга и в попытке отвоевать Пруссию. Речь Посполитая брала обязательство не заключать никаких договоров с Бранденбургом и Швецией без ведома императора. В целом, осторожная позиция императорского двора вызывала разочарование Речи Посполитой. 4000 солдат, нанятых за счет польской казны, воспринимались как самая скромная помощь. Однако в марте 1657 г. договор был ратифицирован в Ченстохове.

Более решительный характер политика империи приобрела лишь в связи с прямой угрозой нападения на Речь Посполитую трансильванских войск под командованием Дьердя II Ракоци. Лисола отправился в Вену, чтобы помочь оформить коалицию, с ним был и племянник Яна Лещинского Богуслав. Когда он прибыл в австрийскую столицу в апреле 1657 г., трансильванская армия уже вторглась на польскую территорию. Задачу Лисолы осложнила смерть Фердинанда III. Договоренности приходилось возобновлять с его преемником Леопольдом I. В конце концов Лисола сумел добиться от венских властей более масштабной помощи. Император пообещал 12 000 солдат с артиллерией, однако их оплата и размещение на зимних квартирах ложились на польскую сторону. Экономической гарантией императору должны были служить Краков, Познань и солеварни в Величке.

Стороны договорились также не заключать сепаратных соглашений со Швецией. В случае вторжения шведских войск на земли Габсбургов Речь Посполитая была обязана поддержать императора, который, в свою очередь, снова обещал свое посредничество в переговорах с Бранденбургом. Обе стороны выразили желание привлечь к союзу короля Дании. Вопрос о престолонаследии в Речи Посполитой не упоминался. Так же как и первый, этот договор был холодно встречен шляхтой. Военная помощь достигла Кракова в июле 1657 г.⁸

Осторожность вынуждала Фердинанда III и его сына Леопольда I внести некую двойственность в концепцию своей политики на границах с Евразией, ибо в этом регионе интересы Священной Римской империи могли столкнуться с интересами владений короны св. Стефана. Главной целью Фердинанда III было обеспечить избрание Леопольда I на императорский трон. Этим определялась его зависимость от избирателей. К тому же условия Вестфальского мира (1648) запрещали ему подвергать империю какой бы то ни было военной опасности. Однако интересы юго-восточных владений Габсбургов, которые не входили в империю, требовали совсем другой политики. В декабре 1654 г. трансильванский князь Дьердь II Ракоци начал склонять к союзу против Габсбургов Швецию, Данию, Нидерланды и даже Англию. В начале 1657 г. он начал войну против Речи Посполитой⁹. Сохранение нейтралитета стало для императора невозможно.

В конце концов посредническая политика империи сосредоточилась на польско-русских отношениях. Ее главной задачей было создание польско-литовско-московской политической и военной оси, которая разделила бы двух наиболее могущественных соперников Габсбургов – Швецию и Османскую империю. С этой целью в 1655 г. в Москву были отправлены послы Аллегретто Аллегретти и Теодор Лорбах. Осенью 1656 г. они выступали в качестве посредников на переговорах в Вильно, где 3 ноября 1656 г. было, наконец, подписано перемирие. Задача Аллегретти была не из легких. Речь Посполитая требовала от Москвы возврата своих восточных областей, в то время как русские послы хотели добиться избрания царя Алексея Михайловича преемником Яна Казимира. Последнее требование смущало императорских посредников столь же сильно, как и главу польской делегации королевского вице-канцлера Анджея Тжебицкого. Речь Посполитая привлекала Габсбургов, в первую очередь, возможностью возведения на польский престол их кандидата эрцгерцога Карла, как это предлагал сделать Ян Лещинский на переговорах в Вене¹⁰. Переговоры в Вильно и роль, которую играли на них Аллегретти с Лорбахом, подробно опи-

саны еще А.Ф. Прибрамом¹¹, а соответствующие документы были частично изданы А. Валевским¹².

Источники по посреднической политике Габсбургов находятся в основном в Домашнем (Haus-), Придворном и Государственном Архивах в Вене. В связи с изучаемой темой особенный интерес представляют русский, польский, шведский и турецкий фонды, где можно найти такие материалы как инструкции послам, их отчеты, переписка. Некоторые документы находятся также в Персидском фонде. Кроме того, для выявления экономической подоплеки событий важны источники из Архива Казначейства. Из польских собраний довольно подробно описан Главный Архив Древних Актов в Варшаве¹³. Интересный материал может быть также найден в Рукописном отделе Библиотеки Народного Музея имени Чарторийского в Кракове, где, например, хранятся два тома копий корреспонденции Яна Лещинского, незначительная часть которой была опубликована Л. Кубалой¹⁴.

¹ О международном положении Речи Посполитой и ее дипломатической активности в 1648–1660 гг. см.: *Historia dyplomacji Polskiej*. Tom 2. 1572–1795. Warszawa, 1982. S. 189–218.

² *Mironowicz A.* Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystok, 1997. (= *Dissertationes Universitatis Varsoviensis* 443) S. 124–129.

³ *Kersten A.* Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa, 1988. S. 275–279, 342–345, 362–363.

⁴ *Pribram A.F.* Die Berichte des kaiserlichen Gesandten Franz von Lisola aus den Jahren 1655–1660. Wien, 1887. S. 13–34.

⁵ *Adelung F. v.* Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, Bd. 2. St. Petersburg, 1846 (Neudruck: Amsterdam, 1960) S. 328–329.

⁶ *Korduba M.* Proba avstrijskogo posrednictva miz Chmel'nickim i Pol'sceju // *Zapisky Naukovoho Tovarystva im. T. Ševcenka*. 81(Lwów, 1908). S. 5–32.

⁷ *Kubala L.* Wojna Szwedcka w roku 1655 i 1656. Lwów et al., o. J. S. 236–249.

⁸ *PiwarSKI K.* Rywalizacja francusko-austriacka o wpływy w Rzeczypospolitej w latach 1655-1660 // *Polska w okresie drugiej wojny Północnej 1655–1660*. / Ed. K. Lepszy et al. Bd. 1. Warszawa, 1957. S. 390–393.

⁹ *Шушарин В.П.* Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов // *Османская империя и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М., 1998. С. 227–228.

¹⁰ *Wójcik Z.* Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655-1660 // *Polska w okresie...* S. 355–358.

¹¹ *Pribram A.F.* Österreichische Vermittlungs-Politik im polonisch-russischen Kriege (1654-1660), // *Archiv für Österreichische Geschichte* 75 (1889) S. 433–445.

¹² *Walewski A.* *Historia Wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655–1660)*. Tom 1. Kraków, 1866. S. XVIII–XXVII.

¹³ *Wójcik Z.* *Polska i Rosja...* S. 344–356.

¹⁴ *Kubala L.* *Wojna Szwedcka...* S. 437–450.

Christoph Augustynowicz

(Vienna)

**THE POLISH-RUSSIAN WAR 1654-1657
AND THE IMPERIAL MEDIATION**

Summary

Weakened by the Thirty Years' War, the emperors Ferdinand III. and Leopold I. had to reconsider their policy concerning their common Borders «with Eurasia. Due to their close relationships to Poland-Lithuania and the expansive ambitions of the king of Sweden Charles X. Gustav and the prince of Transylvania George II. Rakoci, the Habsburgs had to follow a seesaw policy: On one hand, military support for Poland-Lithuania was indispensable, on the other hand, with regard to the the Holy Roman Empire, peace had to be kept. For that reason, Ferdinand III. chose the policy of intermediation and decided to concentrate upon the Polish-Russian relationship. The main aspect was the creation of Polish-Lithuanian-Moscovian political and military line to separate the Habsburgs' most powerful rivals, Sweden and the Ottoman Empire, one from another. Therefore, imperial envoys helped mediating the Polish-Russian armistice of Vienna (3rd of November 1656). The imperial military help granted to Poland-Lithuania remained irrelevant.

Е.И. Кобзарева
(Москва)

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ
РУССКО-ШВЕДСКОГО КОНФЛИКТА
В 50-е гг. XVII в. В ФОНДАХ РГАДА**

Русско-шведская война 1656–1661 гг. стала составной частью международного конфликта, возникшего в восточноевропейском регионе в 50-е гг. XVII в.

Проблема русско-шведских отношений этого времени сравнительно мало привлекала внимание исследователей. По-разному решался вопрос о том, почему русская сторона начала войну. В литературе высказывались мнения, что борьба за Балтику отвечала экономическим и политическим интересам России (точка зрения О.Л. Вайнштейна) или была ошибкой в политике России (точка зрения Б.Ф. Поршнева). Обратившись к проблеме международных отношений в балтийском регионе накануне первой Северной войны, Л.В. Заборовский считал, что Россия вступила в войну, потому что ее пугала перспектива превращения Швеции в крупную континентальную державу — Россия была хорошо информирована о шведских планах¹. Однако в вопрос о причинах войны историками так и не была внесена полная ясность. Ответ на него затруднен в связи с отсутствием документов, непосредственно отражавших борьбу вокруг внешнеполитического курса России.

Но в нашем распоряжении имеется дипломатическая документация, позволяющая проследить историю зарождения и развития русско-шведских противоречий. Часть из имеющихся источников уже издана. Прежде всего следует назвать большой свод материалов по взаимоотношениям Швеции и Украины². Архивные документы, позволяющие проследить развитие русско-шведского конфликта в Литве, были недавно выявлены и опубликованы Л.В. Заборовским³.

При решении поставленной проблемы важную роль играют документы дипломатических сношений России со Швецией, хранящиеся в РГАДА в отдельном фонде «Сношения России со Швецией» (ф. 96)⁴. Из столбцов, вошедших в это собрание, была опубликована лишь часть грамот,

которыми обменивались русское и шведское правительства⁵. Обзор материалов фонда и является задачей настоящей статьи. Источники по русско-шведским отношениям имеются также в фондах Разрядного приказа, в который поступали отписки о ведущихся военных действиях, и в архиве Тайных дел, но рассмотрение входящих в эти фонды материалов в настоящей работе не предполагается.

Можно выделить следующие основные типы документов, хранящихся в фонде:

грамоты, которыми обменивались царь и Карл X Густав;

наказы русским послам и гонцам; указы тем, кто должен был вести переговоры с прибывавшими в Россию шведскими послами; статейные списки переговоров, которые велись двумя сторонами; письма (подлинники и переводы), которые шведские послы писали московскому правительству;

письма, которыми обменивались шведские послы и Деллагарди, командовавший шведскими войсками в Литве (сохранились как шведские подлинники, так и их переводы);

переписка русского военного руководства со шведскими главнокомандующими в Литве (в фонд вошли как подлинники, так и переводы писем);

отписки русского военного руководства, ведшего военные действия в Литве во время летней кампании 1655 г., отписки воевод русских порубежных городов, в первую очередь А.Л. Ордина-Нащокина, назначенного воеводой в 1654 г. в Друю, в 1656 г. в Кокенгаузен (Царевичев-Дмитриев), впоследствии руководившего военными действиями против шведов;

документы, которые содержали информацию относительно происходившего на международной арене; помимо того, что события находили свое освещение практически во всех названных документах (статьейных списках, отписках) в описываемом фонде хранятся также переводы иностранных газет, распроданные речи купцов, иностранцев.

Когда с началом литовского похода 1655 г. возникли территориальные противоречия России и Швеции, были предприняты некоторые попытки урегулировать отношения мирным путем. Об этом свидетельствуют **царские грамоты**, посланные шведскому королю. Русское правительство стремилось гарантировать безопасность сделанных им присоединений. В августе в Швецию повез царскую грамоту гонец К. Иевлев. В документе, текст которого был опубликован, указывалось, что царь воюет с Речью Посполитой, что шляхта и мещане признали власть царя. Русские войска взяли Вильно, Минск, Троки, Ковно. Желательно, чтобы шведские войска не занимали города, признавшие русское поддан-

ство. Еще одна грамота была направлена 31 августа Делагарди с А. Нестеровым. В ней отмечалось, что царские войска захватили Друю, Дрису, Глубокое, Ковно. Шведам было предъявлено обвинение в нарушении мира в районе этих городов. 15 ноября 1655 г. с прибывшим в Москву шведским гонцом Розенлиндом Карлу X Густаву было адресовано очередное послание. В грамоте говорилось о том, что царю подчинились Вильно, Троки, Мереч.

Содержание грамот отражает стремление русского политического руководства во что бы то ни стало закрепиться в Литве, не допустив перехода соответствующих территорий под власть Швеции, закрепить за Россией полосу за Дисной, обезопасив Вильно. Сложилась предвоенная ситуация, когда нежелание двух сторон идти на взаимные уступки могло легко привести к вооруженному конфликту. Из документов Разрядного приказа мы узнаем о том, что произошли первые спорадические столкновения русских и шведских войск.

В грамоте, с которой поехал в Швецию К. Иевлев, особо упоминались совместные действия русских и украинских войск: В.В. Бутурлин соединился с войсками Б. Хмельницкого и идет к Люблину и Кракову. Уже в это время Москва питала определенные опасения относительно того, что в дальнейшем шведы могут попытаться занять украинские земли или, установив контакт с Б. Хмельницким (о ведущейся с ним переписке Карла X Густава было хорошо известно московскому руководству), оторвать его от России.

Интересующие нас документы отражают и беспокойство царя относительно Курляндии, оказавшейся в зоне русско-шведских территориальных противоречий. Карл X Густав, согласно грамоте, которая была дана К. Иевлеву, писал курляндскому герцогу Якубусу, чтобы последний не посылал войска против царских войск, тем не менее герцог предоставил свои войска польскому королю. То же самое повторялось в грамоте, направленной с Нестеровым ⁶.

Не добившись желаемых результатов в ходе осенней переписки с королем, русское правительство в течение полугода не имело дипломатической корреспонденции со Стокгольмом, исподволь собираясь начать войну (исключением является грамота, посланная в ноябре с Розенлиндом). Лишь в марте 1656 г., когда в Москве было принято окончательное решение начать войну против Швеции, к Карлу X Густаву был направлен с грамотой гонец Н. Алфимов. (Текст этой грамоты также был опубликован).

В грамоте речь шла о том, что королю известно о военных действиях царя против Речи Посполитой и что шведскому монарху «до тое войны дела нет». Русские войска взяли Друю, Дрису, Глубокое, и Карл X Густав

не должен на них претендовать. В грамоте вновь наряду с Друей и Дрисой перечислялись Троки, Мереч, Ковно, Гродно как города, подчинившиеся царю. (В отличие от грамоты, которую вез с собой Нестеров, г. Вильно не упоминался. Как это стало ясно в Москве, Карл X Густав на него не претендовал, хотя именно около Вильно должна была пройти граница). Предпринятая царем попытка достичь договоренности по этому вопросу со шведскими посланниками в Москве не дала результатов. В упрек шведскому королю ставилось и его обращение к наказному гетману Н.Н. Золотаренко с просьбой прислать помощь к днепровским городам. 14 ноября Карл X Густав направил Н.Н. Золотаренко лист с просьбой предоставить в распоряжение шведов 10 тыс. казаков. 6 декабря И. Радзиевский отослал гетману письмо, указывая, что Пруссия, Подляшье, а вместе с тем и практически вся Речь Посполитая, успели подчиниться шведам, которые прекратили переписку с Н.Н. Золотаренко. Судя по содержанию письма, до того, как оно было отправлено, И. Радзиевский уже выразил готовность предоставить шведам своих людей⁷. По-видимому, люди были реально отправлены, и на это дал согласие Б. Хмельницкий — 16 ноября Карл X Густав благодарил гетмана за присылку 10 тыс. человек)⁸.

В грамоте, посланной королю с Н. Алфимовым, также было обращено внимание на то, что Адам Волякс, которому было поручено провести размежевание в Литве, снова претендовал на земли, занятые силой русского оружия: территории, простиравшиеся по Березине с Вислочи до Днепра и места впадения Припяти, выше Припяти — до Пинска, Сельца, Вильно. При этом воевода С.П. Львов сообщал, что шляхта Ковенского уезда приняла русское подданство. Шведы претендуют на русские земли, в то время как Алексей Михайлович запретил войскам вступать в Курляндию⁹.

Так как после осенней кампании 1655 г. с приближением зимы военные операции были прекращены, неизменными остались и русские требования, направленные на то, чтобы удержать присоединенные земли. Дополнительное беспокойство в Москве возникло в связи с попыткой шведов провести размежевание в Литве и окончательно закрепиться на литовских землях. Если осенью царское правительство, находившееся в походе в Литву, было поглощено борьбой с литовскими гетманами и стремилось урегулировать отношения со Швецией мирным путем, то весной Россия начала готовиться к разрыву дипломатических отношений со Швецией.

Хранящиеся в описываемом фонде грамоты отражают в первую очередь претензии России к Швеции, возникшие летом, а затем возросшие осенью 1655 г. О самих событиях, которые вели к созданию конфликтной

ситуации, мы узнаем из отписок Я.К. Черкасского и А.Л. Ордина-Нащокина. По сравнению с отписками грамота, посланная с Н. Алфимовым, содержит отсутствующую во входящих документах информацию о попытке Адама Волякса провести размежевание в Литве. По-видимому, отписки со сведениями об этом событии были утрачены. Стремление Алексея Михайловича закрепить за Россией захваченные земли, не допустив перехода этих территорий в руки шведов, нашло отражение не только в грамотах, но и в **наказах** гонцам и посланникам. Так, А. Нестерову было велено в случае, если шведы будут говорить, что города, разоренные русскими, приняли шведское подданство, отвечать, что города, взятые царем, находятся в русском подданстве¹⁰. Когда в Россию осенью 1655 г. прибыло шведское посольство Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна, наказ предписывал ведшим переговоры с русской стороны поставить шведских послов в известность о том, что царь выступил в поход против польского короля за его «неправду», что Россия хочет добиться возвращения ей Смоленска¹¹.

Посылая гонцов к шведам, правительство стремилось получить по возможности более полную информацию, о чем также свидетельствуют указы. Список вопросов, руководствуясь которым дипломаты должны были собирать сведения о текущих событиях, дает возможность говорить о том, что московское руководство достаточно хорошо понимало расстановку политических сил. Гонец К. Иевлев должен был узнать, как складываются отношения Речи Посполитой и Швеции (в России с тревогой следили за продвижением шведского короля в глубь польских земель). Не упускало русское правительство из своего поля зрения и отношения Швеции с Габсбургами и Данией, которые, как, по-видимому, понимали в Москве, могли выступить против Карла X Густава; однако при этом Вена оказала бы поддержку Речи Посполитой, находившейся в состоянии войны с Россией. В Посольском приказе интересовались также взаимоотношениями Швеции с Венецией и Османской империей (при этом имелась в виду возможность создания антиосманской коалиции в составе Швеции, Украины, России, Венеции). Гонцу А. Нестерову предписывалось установить, не отправился ли шведский король куда-нибудь воевать, куда посланы его войска, какие города взяты у Яна Казимира. Гонцу Н. Алфимову также было поручено выяснить, как складываются отношения Карла X Густава с курфюрстом бранденбургским Фридрихом-Вильгельмом и курляндским герцогом Якубусом, может ли последний противостоять шведскому королю (в это время Россия готовилась направить в Пруссию и Курляндию Д. Мышецкого для переговоров о союзе против Швеции)¹².

О судьбе переговоров, которые вели А. Нестеров и К. Иевлев, позволяют судить их **статейные списки**. Иевлев вел переговоры с литовским гет-

маном В.К. Госевским, очередной раз пытаюсь привлечь его на сторону русских (основная часть материалов, относящихся к переговорам России с Литвой, хранится в ф. 79 РГАДА – «Сношения России с Польшей»; некоторые документы опубликованы Л.В. Заборовским)¹³. Госевский сообщил, что Нащокин убедил его принять русское подданство. Радзивилл признал шведского короля. Карл X Густав, как передал посланнику Госевский, говорил, что очистит Литовское княжество, просил царя, чтобы тот «отдал тое землю бессорно», в противном случае Швеция начнет войну. Боясь возможного наступления русских войск и надеясь на мирные отношения с Россией, Госевский просил гонца передать царю, что надеется на милость последнего.

Реально переговоры К. Иевлева с Карлом X Густавом состоялись лишь в январе 1656 г., когда в Москве вопрос о начале войны со Швецией был уже фактически решен. Однако Иевлев, не зная об этом, вел переговоры, сообразуясь с первоначальной инструкцией. Король предложил Иевлеву союз против Речи Посполитой, во время приема подарил ему золотые цепь и парсуну со своим портретом. На обратном пути Иевлев побывал у курляндского князя Якубуса, который подтвердил намерение шведов воевать с Россией «за литовскую землю»¹⁴.

Если Иевлев был направлен к шведскому королю, то А. Нестерову было поручено попытаться урегулировать отношения со шведами на уровне переговоров с Делагарди, командовавшим шведскими войсками в Литве. Ход переговоров, которые состоялись 20–21 сентября, нашел отражение в статейном списке Нестерова. Первоначально Делагарди не хотел встречаться с Нестеровым, попросив передать ему царскую грамоту через доктора, но впоследствии встречи все же состоялись. Нестеров представил обвинения в адрес шведов, что они нарушают мир в районе Ковно, а Я. Радзивилл продолжает называть себя воеводой и литовским гетманом, хотя русские взяли Вильно. Делагарди согласился предупредить гетмана, что нужно отказаться от этого титула.

А. Нестеров поставил вопрос о возвращении царю беженцев из Бреста, Слуцка и других городов. Делагарди соглашался вернуть перебежчиков в случае, если будут представлены их именные списки. А. Нестеров настаивал на том, чтобы Делагарди признал принадлежавшими России захваченные города, а в титуле царя необходимость указывать, что последний является великим князем литовским, волынским, подольским, обладателем восточных, северных и западных земель. А. Нестеров предлагал Делагарди дописать в направляемой царю грамоте недостающие титулы. Делагарди, услышав о взятии русскими Друи и Дрисы, заверил своего собеседника, что шведы не будут вступать в эти города. В то же

время шведский полководец отказался выполнить основные требования, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий. Он также отрицал сам факт захвата русскими войсками Браслава, Динабурга, Вильно, перехода этих городов в русское подданство (так как эти города были захвачены русскими, нападение на них шведов, с точки зрения А. Нестерова, приравнивалось к нарушению Швецией мира с Россией; нарушителей мира надо было привлечь к ответственности). «Без сыску и без ведома» Карла X Густава «о тех городах ничево учинит мне не смеют». Делгарди отметил, что ему неизвестно о нахождении царских войск под Слуцком, Слонимом, Брестом.

Делгарди и Нестеров старались предотвратить случайные столкновения русских и шведских войск (первые спорадические стычки к этому времени уже произошли). Нестеров требовал, чтобы шведский корнет не ездил к р. Вилии. Делгарди, в свою очередь, считал, что Нестеров должен обезопасить шведских людей от русских, согласовав этот вопрос с Я.К. Черкасским, который командовал русскими войсками. Нестеров поставил вопрос о заключении договора о межах. Реально попытки договориться о территориальном разграничении в Литве не дали результатов¹⁵.

Также сохранился статейный список переговоров со шведскими послами, прибывшими в Москву осенью 1655 г. Еще в самом начале своего пребывания в России посланники Карла X Густава призывали русскую сторону заключить союз против Речи Посполитой и Порты. Швеция, помня о том, что Россия оказала поддержку протестантским государствам в годы Тридцатилетней войны, шантажировала Москву угрозой коалиции католических государств: Речи Посполитой, папы римского, Испании. В то же время шведы предлагали подтвердить Столбовский мир, тем самым не дав Москве возможности закрепить за собой последние приобретения в Прибалтике. Статьи, предложенные Г. Бьелке и его делегацией в декабре, были направлены на сохранение шведской монополии в балтийской торговле. Русская сторона отказалась принять эти требования¹⁶.

Как это видно из статейного списка, в Москве явно затягивали с началом переговоров со шведскими послами. Осенью царь находился в походе в Литве, Россия готовилась к разрыву отношений со Швецией, но окончательное решение по этому вопросу еще не было принято. По-видимому, объявить войну Карлу X Густаву решили в декабре, переговоры с стокгольмскими дипломатами состоялись 2 января, когда шведам были предъявлены обвинения в нарушении мира.

Уже в этот момент стало очевидно, что русское правительство не собирается идти на уступки. Г. Бьелке, А. Ессен и Ф. Крузеншерна испытывали явную тревогу в связи с задержкой в Москве, при том, что дело шло

к разрыву дипломатических отношений, и добивались, чтобы их отпустили по зимнему пути¹⁷. Об этом свидетельствуют их письма, адресованные русскому правительству (в столбец со статейным списком включены как подлинники шведских писем, так и их переводы). 24 января послы подали жалобу на то, что с ними обращаются как с пленными. Они просили разрешить в честь рождения шведского королевича позволить им позвать к себе шведских купцов. На это был дан отказ¹⁸. Фактически поставив шведских послов в положение военнопленных, московское руководство затягивало с началом реальной подготовки к войне до весны, сохраняя возможность изменить выбранный политический курс.

Как январские, так и мартовские переговоры свидетельствуют о намерении русского правительства начать войну. Уже на переговорах 2 января, как и на переговорах Делагарди и Нестерова, встал вопрос о разграничении русских и шведских владений в Литве. Шведам было предъявлено обвинение в том, что в поданных грамотах царский титул приведен не полностью. Послы указывали, что Белая Русь, Литва и Волынь раньше не перечислялись в царских титулах, и выражали опасения, что царь хотел сделать соответствующие добавления к титулам, намереваясь присоединить Лифляндию. Но теперь Лифляндия принадлежит шведскому королю. «Бояре» (основная роль в ведении переговоров с русской стороны принадлежала Н.И. Одоевскому) ответили, что царь не претендует на Лифляндию. В то же время Карл X Густав преградил возможность продвижения царских войск у Полоцка и еще ряда городов, принял в подданство Я. Радзивилла и других литовских гетманов, бежавших от царского меча. Когда русские отступили из-под Динабурга, шведы осадили его и собирают поборы с уездов, которые принадлежат царю. На это последовала реплика шведских послов, что Радзивилл сам просил принять его в шведское подданство. «Бояре» сказали, что русские нанесли гетману поражение под Вильно, он был обращен в бегство и лишь в этой ситуации согласился подчиниться шведскому королю. Г. Бьелке и его спутники объявили, что они этого ничего не знают¹⁹.

В марте окончательно был взят курс на разрыв дипломатических отношений. Переговоры, которые проходили со шведскими послами в марте 1656 г., отразили решимость московского руководства начать войну со Швецией.

11 марта русские выразили свое опасение относительно намерения Карла X Густава передать всю Литву под власть Радзивилла, хотя не вполне ясно, на чем было основано подобное утверждение²⁰. Шведы попытались опровергнуть это заявление: такого рода слухи распространяют поляки, желая посорить русских и шведов. 19 марта Алмаз

Иванов вновь настаивал на том, что Литовское княжество подчинилось царю, но шведы продолжают нарушать права царя на литовские земли, которые русские получили в результате похода 1655 г. Карл X Густав угрожал «отыскать» имения, которые принадлежали шляхтичам, поступившим к нему на службу, и вернуть эти земли их бывшим владельцам, и, если Алексей Михайлович не пойдет на уступки, начать войну. Послы заявили, что им ничего об этом неизвестно. Алмаз Иванов бросил шведам упрек в том, что Делагарди говорит о городах, признавших русское подданство, как о городах, перешедших под власть Швеции. Русские войска захватили за Дисной полосу 25–30 верст. Но шведы «чинят тесноты многия»²¹.

Русские отказывались от проведения территориального разграничения в Литве, что также нашло отражение в статейном списке. 13 января состоялись переговоры шведских послов с Н.И. Одоевским. На этот раз послам сообщили, что царь получил письмо С.П. Львова из Ковно от 1 октября, который писал о возникшем в этом районе конфликте. Впоследствии об имевшем месте инциденте упоминалось в грамоте, направленной в Швецию с Н. Алфимовым. (При редактировании статейного списка была вычеркнута часть протокола переговоров, в которой речь шла о предложении шведов провести межевание ковенского уезда, жмудских земель и об отказе, который русская сторона дала в ответ; это место протокола в первоначальном виде свидетельствовало о нежелании русской стороны согласиться на территориальные уступки, умерив свои аппетиты в Литве; редактирование проводилось уже после разрыва дипломатических отношений и было направлено на то, чтобы показать, что решение о начале войны было неизбежным). Зато Н.И. Одоевский настоятельно подчеркивал, что шведы «перенимают» поляков, переходящих на русскую сторону, задерживают русских, едущих вверх по Вилии, «побивают до смерти» царских подданных²².

19 марта Алмаз Иванов показал послам наказ шведского короля Адаму Воляксу, которому было поручено провести межевание (об этом межевании шла речь и в грамоте, посланной с Н. Алфимовым). В соответствии с наказом города, которые приняли русское подданство, должны были перейти под власть шведов. В наказе не говорилось о том, что шведские войска не должны ходить к русским городам. По словам шведских послов, Адам Волякс «сплутал», писал без королевского ведома²³.

Как видно статейного списка, во время переговоров 11 марта в адрес шведов были повторены обвинения относительно нарушения мира в районе Друи, Ковно, Ливны. В свою очередь у шведов серьезную озабоченность вызывало поведение А.Л. Ордина-Нащокина, который постоянно

провоцировал русско-шведские столкновения. Но в ответ шведы слышали, что Нащокин действует, выполняя царские указания²⁴.

Особо встал вопрос о Динабурге. Шведы ссылались на то, что взяли эту крепость, чтобы спасти ее от поляков. Алмаз Иванов отвергал подобную аргументацию: русские сами обеспечили ее защиту и царь не обращался к Карлу X Густаву за помощью²⁵.

11 марта шведам было указано на то, что они добивались перехода в шведское подданство Б. Хмельницкого и наказного гетмана Н. Золотаренко. Послы обратили внимание русской стороны на неточность перевода поступившего в Посольский приказ документа, на то, что речь шла не о переходе казаков в шведское подданство, а о том, чтобы последние оказали шведам помощь против поляков. 19 марта Алмаз Иванов снова настаивал на правильности сделанного перевода. По его словам, Карл X Густав «похвалит» казаков за их намерение служить королю, Н. Золотаренко передал соответствующее письмо царю. 11 марта «бояре» подчеркнули, что желательно, чтобы шведы не пытались подчинить себе Б. Хмельницкого²⁶ (этот эпизод с Н. Золотаренко упоминался и в грамоте, отправленной с Н. Алфимовым).

Вопрос о казаках был снова поднят 27 марта, когда Алмаз Иванов сообщил о дошедших до царя слухах, что Карл X Густав направил в черкасские городки 4 тыс. человек, прося Б. Хмельницкого прислать 4 тыс. человек взамен. Шведы «чинят ссоры». «И за такие они ссоры дастоины смертные казни без милости». Послы отвечали, что король не мог принять гетмана в свое подданство²⁷.

Г. Бьелке и его спутники испытывали серьезные опасения относительно посреднической миссии австрийских послов Аллегретти и Лорбаха, которые также в это время вели переговоры в Москве. Шведская сторона небезосновательно боялась, что цесарь, желая уберечь Речь Посполитую от войны одновременно на два фронта, будет стремиться поссорить Россию и Швецию. Как отмечено в статейном списке, послы обвиняли русскую сторону в том, что их хотели насильно задержать, чтобы дожидаться возвращения русского гонца (имелся в виду Г. Богданов), отправленного к императору. «И то они говорили не по делу».

23 марта две стороны предъявили друг другу статьи со взаимными обвинениями. Шведы представили следующие пункты: 1) Хотя А.Н. Трубецкой знал, что Б. Радзивилл принял шведское подданство, тем не менее осадил Слуцк, отдал приказ выжечь всю городскую округу; 2) В октябре С. Урусов был направлен в Подляшье, хотя Б. Радзивилл просил его туда не ездить, так как это воеводство подчинилось Карлу X Густаву, взял город Орлю, принадлежавший Я. Радзивиллу; 3) Русские войска подошли

к Юрьеву-Борисову; 4) В Браславском уезде А.Л. Ордин-Нащокин вел агитацию среди населения, которое приняло шведское подданство, «перезывая» его на русскую сторону; 5) Нащокин набросился на воеводу Браславского уезда, велел ему покинуть монастырь в Друе, угрожая крепости захватом; 6) В Браславе Нащокин приказывал Дроздовскому, в случае отказа целовать крест царю уйти из Друи; 7) Шведский полевой маршалок Левенгопт жаловался королю, что Нащокин захватил шведские заставы, избил шведских подданных; воевода убил в Браславе 40 человек, подговаривал Качеревского, капитана Лошевского, которые приняли шведское подданство, перейти на русскую службу.

После приезда шведских послов в Россию им были нанесены новые обиды: 1) русская сторона не отдала перебежчиков (правительство предложило, чтобы послы подали именной список, что фактически оказалось равносильно отказу); 2) И.П. Голицын задержал в Новгороде шведского ратмана Нуметсена, который за небольшую сумму денег отдал себя на поруки; ратмана посадили под наблюдение пристава; 3) Тот же Голицын на шведском дворе окровавил дворника, бросил его в тюрьму; 4-7) Шведам стали запрещать торговать в Новгороде с приезжающими туда крестьянами, «чинить» другие препятствия для шведской торговли²⁸.

Таким образом, шведы испытывали серьезное беспокойство в связи с русскими захватами в Литве и с захватами, произведенными Нащокиным в районе Друи (статьи содержат по сравнению с отписками воеводы дополнительную информацию о его деятельности), а также в связи с тем, что шведам не давали возможности свободно вести торговлю в районе Новгорода. Г. Бьелке и его спутники чувствовали приближающийся разрыв дипломатических отношений, однако оказывались не в силах его предотвратить. Россия готовилась начать войну. Переговоры прекратились, но шведских послов не отпускали из Москвы, держа их как пленных.

Рассмотренные статейные списки дают представление о постепенном нарастании русско-шведских противоречий летом 1655 – весной 1656 г. Наиболее содержательным является статейный список Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна, отражающий не только претензии каждой из сторон к своему противнику, но и представляющий собой дополнительную (по сравнению с воеводскими отписками) источник сведений по истории происходивших событий. Возникшие противоречия особенно обострились зимой 1655/1656 г. в связи с тем, что Нащокин постоянно провоцировал конфликты в районе Друи.

Однако статейные списки не только содержат свидетельства о ходе дипломатических переговоров. Для нас эти документы представляют интерес и как источник сведений о происходившем на международной аре-

не. В соответствии с полученными наказами, послы собирали информацию о текущих событиях и заносили ее в статейные списки. Важные «вести» были получены в августе от шведских послов, прибывших в Россию. Они говорили о продвижении шведов в глубь польских земель, о том, что Виттемберг взял Люблин и Варшаву, Радзивилл и Ян Казимир «поддались» Карлу X Густаву с подвластными им землями и городами. В октябре Г. Бьелке, который получил к этому времени дополнительную информацию, уведомил московское правительство о том, что Варшава, также как и все поморские города, сдалась шведскому королю, который преследует бежавшего Яна Казимира ²⁹.

К. Иевлев привез «вести» о том, что 21 января Карл X Густав снова выступил в поход к Варшаве. По данным, полученным посланником у поляков, в связи с отказом России передать шведам литовские земли шведский король собирался весной объявить русским войну. Сам по себе источник не вызывал доверия, поляки не были заинтересованы в русском пребывании в Литве. В то же время такие новости настораживали царя. Эти тревожные известия были доставлены в Москву 23 февраля, т. е. незадолго до того, как состоялись основные переговоры со шведскими послами, отразившие твердое намерение русского правительства начать войну со Швецией.

Дополнительные опасения вызывало стремление шведского короля добиться оказания ему помощи людьми. Первые сведения об усилиях, предпринимаемых им в этом плане, также поступили в Посольский приказ 23 февраля. Поляки, собеседники Иевлева, сообщили, что Карл X Густав просил Фридриха-Вильгельма предоставить Швеции войска для войны с Россией, но курфюрст отказался. Во время пребывания в Стокгольме, как узнал тот же Иевлев, английские послы предлагали шведскому королю списаться с французским королем Людовиком XIV. Последний, подобно Фридриху-Вильгельму, мог бы послать войска. В то же время сама Англия отказалась помогать людьми ³⁰. В Москве подспудно складывалось впечатление, что Россия должна, не теряя времени и не дожидаясь момента, когда Карл X Густав соберет огромную армию, объявить войну Швеции с тем, чтобы окончательно закрепиться в Литве.

О том, что происходит в Литве, поведал вернувшийся в Москву А. Нестеров, который, в свою очередь, беседовал со шляхтичем Хриштопом. Шляхтич поставил русского посланника в известность о том, что Карл X Густав стоит с войсками в Поморской земле, недалеко от границ Речи Посполитой, Австрии и Пруссии. Близлежащие польские земли подчинились шведскому королю ³¹.

Несмотря на проведение летней кампании 1655 г., русские по-прежнему возлагали надежды на добровольный переход Литвы в русское под-

данство и с нетерпением пытались уловить любые признаки того, что жители Литвы действительно хотят перейти в подданство царю. На самом деле литовцы были вынуждены выбирать меньшее из двух зол, и эта ситуация в том виде, в каком ее представляла русская сторона, нашла отражение прежде всего в относящихся к 1656-1657 гг. статейных списках резидентов А. Матвеева и А. Нестерова (документах, которые хранятся в другом архивном фонде — «Сношения России с Польшей»).

Одновременно ситуацию в Литве отражают и анализируемые нами источники по русско-шведским отношениям, в частности, статейный список того же А. Нестерова с отчетом о поездке к Делагарди. В условиях, когда русские и шведские войска опустошали литовские земли, местные жители всеми силами старались избежать лишних кровопролитий. По словам Нестерова, получившего информацию от Хриштопа, они посылать к царским «ратным людям не смели, бояся смерти». С попытками шведов установить реальную власть в Литве, как констатировал Нестеров, там началось распространение прорусских настроений, которые усугублялись тем, что шляхта не знала шведского языка³². Эта ситуация, в том виде, в каком ее описал Нестеров, настраивала московское правительство в пользу того, чтобы попытаться окончательно закрепиться в Литве, установив контакты с литовскими гетманами.

Получаемая информация, призванная сыграть важную роль при принятии политических решений, подвергалась многократной проверке путем разведки, расспроса приезжавших в Россию иностранцев и купцов из разных стран.

Подводя итоги рассмотрению статейных списков, подчеркнем, что сохранились все статейные списки переговоров, которые велись Россией и Швецией, хотя черновые варианты документов в большинстве случаев утрачены (исключением является лишь статейный список переговоров с Г. Бьелке и его спутниками; черновые варианты позволяют понять, как реально проходили переговоры, и проследить, как в условиях подготовки к войне было проведено редактирование статейного списка). После разрыва дипломатических отношений между Россией и Швецией обмен посланниками прекратился.

Между тем шведские послы оставались в Москве, задержанные как пленные. Московское руководство перехватывало **письма, которыми обменивались шведские послы и М. Делагарди**. (Оригиналы писем также включены в состав дела, содержащего статейный список переговоров, которое вело шведское посольство). В Посольском приказе выполнялся **перевод** писем. Эти переводы позволяют получить представление о планах шведского руководства. Письма, относящиеся к концу 1657 г., отра-

жают стремление Деллагарди добиться, чтобы Россия заключила мир со Швецией и вступила в союз с ней против Речи Посполитой. В Посольском приказе были переведены два письма Деллагарди к Бьелке от 9 декабря 1657 г. Перевод был выполнен в начале марта 1658 г. Автор посланий обращал внимание своего адресата на существующую по-прежнему угрозу формирования лиги католических государств. Католики хотели добиться разрыва в отношениях России и Швеции (в это время военные действия между двумя государствами были практически прекращены, и можно было говорить о поисках мира). Поляки обещали Леопольду I польскую корону. Участники лиги думали, не заключить ли мир со Швецией и не выступить ли в союзе с ней против России. Скорее всего, Деллагарди писал письмо с целью заставить русское правительство пойти на переговоры. Реально вопрос о мире и союзе Речи Посполитой и Швеции в это время не стоял. Вместе с тем поляки хотели искоренить православие в польских и литовских землях. Чтобы договориться с Россией о заключении мира, Карл X Густав, как вытекало из письма Деллагарди, предполагал прислать своим послам документы, предоставляющие права вести переговоры на границе³³. В принципе об угрозе создания католической лиги говорилось и в статьях, которые шведские послы подали в Посольский приказ 23 декабря 1655 г. Деллагарди вновь пытался использовать угрозу создания католической лиги, чтобы добиться подписания мира.

С возникновением территориальных противоречий в Литве важную роль приобрела **переписка русского военного руководства со шведскими главнокомандующими в Литве**, обмен письмами Я.К. Черкасского, который возглавил русские войска, направленные в Литву, С. Урусова, А.Л. Ордина-Нащокина и Д.А. Долгорукого, с одной стороны, и Левенгопта и Деллагарди, — с другой. Эта переписка является важнейшим источником при изучении событий, имевших место в Литве после прихода русских и шведских войск в непосредственное соприкосновение. Также как и статейные списки, она позволяет проследить возникновение русско-шведских территориальных противоречий. Обмениваясь письмами, военное руководство двух стран пыталось избежать вооруженного конфликта. Еще в августе 1655 г. Деллагарди в письменном виде объявил русской стороне, что шведские войска не могут обойти Браслав, Икажну, Друю. В то же время комендант шведских войск Я.У. фон Бротц обещал не вступать в города, занятые русскими³⁴.

В сентябре Деллагарди направил с А. Нестеровым грамоту Я.К. Черкасскому. Шведский военачальник подчеркивал, что никто не знал о взятии литовских городов царем до того, как туда вступили шведы, которые ушли из-под Ковно, узнав о расположении там русских войск. Относительно Курляндии Деллагарди заявил, что Карл X Густав отдаст приказа-

ния, чтобы не было предпринято никаких враждебных действий со стороны Якубуса. Вместе с тем военачальник обращал внимание на то, что русскими «некоторое утеснение учинено» в местах, занятых шведами. Московские войска не должны нападать на Неелович³⁵.

Сохранилась отписка, которую С. Урусов послал Делагарди 15 октября в ответ на его просьбу, чтобы русские «не чинили шкоты» шведским людям, а Нащокин отошел бы из-под Друи. Урусов ссылаясь на то, что царь приказал Нащокину удержать город, уже занятый русскими людьми и признавший царскую власть. При этом имелась в виду договоренность, которую царь, якобы, достиг со шведскими послами (хотя реально переговоры в Москве с Г. Бьелке и его спутниками еще не начались). Урусов писал, что русские войска заняли земли вплоть до Пруссии³⁶.

Среди документов по русско-шведским отношениям сохранился перевод ряда писем Левенгопта Д.А. Долгорукому, относящихся к первым месяцам 1656 г. Левенгопт подробно рассказывал о действиях, предпринятых Нащокиным, и требовал, чтобы провокации с русской стороны были прекращены. В январе Левенгопт жаловался на многочисленные нарушения мира в районе Друи. Нащокин разогнал «приставства и заставы», в Браславском уезде «ссекли» более 40 человек; в Друе воевода прибил на видном месте к стене письмо, грозящее наказанием тем, кто «что-нибудь учинит или учнет говорить»³⁷. В районе Двины также произошли другие нарушения мирного порядка. Так как отписки Нащокина этого времени не сохранились, то именно письмо Левенгопта дает основную информацию о предпринятых воеводой действиях.

Сохранился также список с грамоты Делагарди Нащокину от 26 февраля 1656 г. о посылке полковника Ленарда Фиттова для проведения размежевания³⁸.

У нас нет возможности судить о том, насколько полна имеющаяся подборка, однако создается впечатление, что мы имеем дело лишь с незначительной долей документов. В фонде нет никаких материалов, связанных с попыткой Адама Волякса провести разграничение спорных земель, хотя наверняка какая-то переписка по этому вопросу велась. Обращает на себя внимание отсутствие в наличных делах писем, которыми обменивались Делагарди и Нащокин, при том, что единственный дошедший до нас список с грамоты Делагарди воеводе свидетельствует об обмене посланиями: это — явно не копия экстраординарного послания, а лишь дубликат обычной грамоты, одно из звеньев переписки, носившей, по-видимому, постоянный характер.

Обмен письмами, как можно предполагать, временно прекратился после начала русско-шведской войны, по крайней мере, никаких писем,

относящихся к июню–сентябрю 1656 г., когда русские войска вели активное наступление против шведов, в нашем распоряжении нет.

После того, как России в результате Виленских переговоров не удалось добиться от Речи Посполитой признания сделанных приобретений, осада Риги была снята. Московское правительство находилось в раздумье: продолжать ли войну со Швецией или сосредоточить все силы на борьбе за Украину.

Переписка военного руководства двух сторон возобновилась. Если до начала войны Россия и Швеция пытались урегулировать возникшие конфликты, которые подробно описывались в отправляемых письмах, то теперь речь шла о том, на каких условиях может быть заключен мир. Эти письма, наряду со статейным списком Г. Богданова, отправленного в Бранденбург и Курляндию, являются единственным источником, позволяющим говорить о том, что уже в последние месяцы 1656 г., после неблагоприятного исхода виленских переговоров, русская сторона была вынуждена поставить вопрос о заключении мира со Швецией. Никаких других документов, относящихся к этому времени, как-то царских наказов и отписок царю с места боевых действий, в архиве Посольского приказа нет.

В силу отсутствия значительной части документов представляется затруднительным понять, от кого исходила идея начать мирные переговоры, от самого царя или со стороны военного руководства. Но так как Алексей Михайлович отступил из-под Риги, можно предполагать, что переписка по вопросу о мире велась с его подачи.

Я.К. Черкасский 12 октября писал Делагарди о том, что надо заключить мир, и тут же прибегал к угрозе: в противном случае царь выступит против шведов весной вместе с грузинскими и сибирскими царевичами, с боярами и воеводами, с Б. Хмельницким, с нагайцами, калмыками, горскими казаками³⁹. Видимо, автор послания сообразовывался с указаниями, получаемыми от царя: вряд ли Черкасский мог взять на себя смелость говорить об угрозе, направленной против Швеции со стороны коалиции.

Желание Алексея Михайловича завершить войну отражает и тот факт, что в конце октября русский гонец Г. Богданов сообщил курляндскому герцогу о намерениях России заключить мир со Швецией⁴⁰. О том, что инициатива начать мирные переговоры исходила от царя, свидетельствуют и его указы, относящиеся к более позднему времени, к февралю 1657 г., в которых он требовал продолжать мирные переговоры.

24 октября Делагарди писал Я.К. Черкасскому в ответ на грамоту от 12 числа того же месяца, что король отдал приказ установить с Россией

мир (Швеция была в этом заинтересована, так как Карл X Густав терпел поражения). При этом шведский военачальник предлагал прибегнуть к посредничеству Фридриха-Вильгельма (к этому времени курфюрст изъявил свое согласие выступить в роли посредника⁴¹). Также указывалась возможность участия в переговорах герцога Якубуса. Деллагарди обещал прекратить военные действия, против России⁴².

20 ноября Я.К. Черкасский отправил к Деллагарди письмо с предложением, чтобы Карл X Густав прислал гонца для переговоров о мире, подчеркнув, что царь выступил против шведского короля за его «неправды». О «неправдах» говорилось и в письме от 12 декабря⁴³. Из этих посланий становилось очевидным, что Россия не готова идти на какие-либо уступки.

Ставя в начале 1657 г. вопрос о мире, Швеция, так же как и в декабре 1655 г. и позднее, в декабре 1657 г., пыталась шантажировать Россию угрозой со стороны лиги католических держав. При этом Стокгольм преследовал цель добиться русско-шведского замирения и совместного выступления двух стран против Речи Посполитой. В письме от 11 февраля Деллагарди внушал Я.К. Черкасскому, что на польский престол будет возведен наследник «цесаря», к тому же император готов предоставить полякам несколько тысяч человек, так как они хотят вернуть себе потерянные земли. На помощь Речи Посполитой придут Османская империя, Крым, Трансильвания, Украина. Между тем Швеции легко помириться с Россией. При этом, как настаивал Деллагарди, убеждавший русских в своевременности русско-шведского сближения, польский король будет стремиться возместить себе убытки. Литва, в свою очередь, также, по мнению писавшего, не являлась для Русского государства надежным соседом. В то же время на сторону Карла X Густава и Алексея Михайловича можно было привлечь Ракоци II⁴⁴.

Когда зимой 1656–1657 г. встал вопрос о заключении перемирия, к Нащокину был направлен Альберт Бюлов (о том, как проходили их переговоры, мы узнаем из шведской документации)⁴⁵. Бюлов добивался в качестве необходимого условия прекращения военных действий, чтобы Бьелке и его спутники были отпущены из Москвы. Требование Бюлова повторялось в письме Деллагарди. В особом послании (оно могло принадлежать как Бюлову, так и Деллагарди) шведы сообщали о своей готовности заключить перемирие на шесть недель⁴⁶.

Не имея полномочий самостоятельно принимать решения, русское военное руководство дождалось, когда будут получены распоряжения из Москвы. Только 28 марта Я.К. Черкасский довел до сведения Деллагарди, что русское правительство готово заключить мир. Царь указал задержать войска до 1 июля (первоначально в качестве конечной даты было

названо 1 июня, но она была исправлена — пока велась переписка, прошел целый месяц, — а на полях сделана помета: бояре приговорили отсрочить военные действия на три месяца). Черкасский извещал Делагарди, что будет послан указ о том, чтобы русские войска не нападали на земли, захваченные шведами ⁴⁷.

Несмотря на заключение перемирия обе стороны не были склонны идти на значительные уступки. Делагарди предлагал Нащокину найти посредника для ведения переговоров. В качестве такового могли выступить Англия, Франция, Бранденбург (уже осенью 1656 г. Делагарди ставил вопрос о посредничестве Бранденбурга) ⁴⁸.

Имеющиеся документы позволяют представить характер происходившей переписки. Видимо, она сохранилась в более полном виде, чем переписка периода военной кампании 1655 г. Мы не можем с полной уверенностью говорить, что уцелели все документы, но, скорее всего, особых пробелов среди архивных бумаг в данном случае нет: письма следовали одно за другим, самый большой интервал — это промежуток между 12 декабря и 11 февраля. Вполне вероятно, что Делагарди не стал отвечать на письмо Черкасского, повторившего обвинения в адрес шведов, и лишь в феврале решил напомнить об угрозе формирования коалиции католических держав. Содержащиеся в письмах данные дают возможность судить о позиции, занятой каждой из сторон, что особенно существенно при наличии заметных лакунов в сохранившемся собрании документов.

Во время военных кампаний 1655–1656 гг. входил в норму выбор политического курса самим Алексеем Михайловичем и непосредственным окружением царя, заседания боярской думы не проводились. Однако 23 февраля 1657 г. соответствующее заседание состоялось, был принят **приговор боярской думы**, копия с которого находится в шведских делах. Дума отказывалась отпустить шведских послов, как этого добивался Стокгольм. Нащокину вменялось говорить, что послы будут освобождены тогда, когда будет заключен мир. Дума настаивала на том, чтобы России были уступлены Лифляндия и Карелия. В случае отказа противника отдать Лифляндию Нащокину предписывалось добиваться уступки Риги, Коло, Вольмара, Юрьева Ливонского, Ругодива, Ивангорода, Копорья, Корелы, Новгородка. В качестве пункта для ведения переговоров надо было предложить место между Ригой и Царевичем-Дмитриевым ⁴⁹. Приговор свидетельствовал о том, что Россия по-прежнему не хотела отдавать захваченные земли.

Получая сведения о происходящем, царь направлял **наказы воеводам**. К сожалению, основная часть наказов, писавшихся в обстановке военных кампаний 1655–1656 гг., до нас не дошла. Так, в нашем распоряжении нет

наказов, посылая которые царь контролировал деятельность Нашокина, Черкасского. В то же время письма последнего, адресованные Делагарди, позволяют предполагать, что после снятия осады Риги воеводой был получен наказ с предписанием поставить вопрос о заключении мира.

В наказе, который царь адресовал Д.А. Долгорукому на основе отписок М. Челищева из Дисны (сами отписки не сохранились; в наказе излагалось содержание отписок, что позволяет воссоздать картину происшедшего), отмечалось, что шведы хотят построить в Друе «город», завладеть окрестными волостями. В присланных листах царя уведомляют, что Друя приняла королевское подданство, в то время как Друя и Дриса платят русским налоги. В свою очередь, царь ставил своего адресата в известность о своем намерении не «чинить шкоты» курляндскому князю⁵⁰.

Видимо, почти полностью до нас дошел комплекс наказов, направленных А.Л. Ордину-Нашокину в первые месяцы 1657 г. в связи с принятым в Москве решением заключить мир. Наказ 23 февраля доводил до сведения воеводы решения боярской думы. 24 числа царь подтверждал, что надо продолжать переговоры о мире. В то же время он поручал своему уполномоченному проверить сведения, которые были получены о событиях в Литве: Госевский взял Биржи и идет к Риге, Сапега направился в Пруссию⁵¹.

Царь испытывал тревогу в связи с тем, что подписание мира затягивалось. В наказе П.В. Шереметеву от 26 марта он говорил о своем намерении лично вести переговоры со шведами, приказывал узнать, какими запасами располагает Делагарди. Если Делагарди проявит склонность к миру, отступит от царских городов, задержит свои войска и Шереметев⁵².

Царь по-прежнему старался привлечь на свою сторону курляндского князя и литовских гетманов. Алексей Михайлович велел Нашокину отправить к Якубусу надежного человека и договориться о возвращении князю отнятого имущества. Предполагалось, что Нашокин совершит очередную попытку убедить Б. Радзивилла принять русское подданство при условии, что последнему вернут занятые войсками владения⁵³.

Судить о полноте собрания наказов за 1657 г. трудно. Во всяком случае в одной из своих отписок Нашокин ссылается на распоряжение царя разорить уезды, которые отказались подчиниться добровольно⁵⁴. Соответствующая грамота царя в архивное собрание не вошла.

От **воевод**, принявших непосредственное участие в военных действиях, поступали **отписки**. Документация этого рода за 1655–1656 гг. практически не сохранилась. В то же время статейный список пребывания в Москве Г. Бьелке свидетельствует о том, что в столице были хорошо осведомлены как о попытке Адама Волякса провести разграничение в Литве,

так и о действиях, предпринятых Нашокиным в районе Друи. По всей видимости, Я.К. Черкасский, Д.А. Долгорукий, А.Л. Ордин-Нащокин должны были довольно регулярно посылать царю отписки о происходивших событиях. Эти отписки могли поступать не только в Посольский, но и в Разрядный приказ, а также в Приказ тайных дел, ставший своего рода личной канцелярией царя. Однако обнаружить эти отписки не удалось. По всей вероятности, они, также, как и материалы переписки русского и шведского военного руководства, были утрачены в условиях походной жизни в Литве или хранились где-то отдельно, а впоследствии остались неприобщенными к основным документам и где-то затерялись.

В делах по русско-шведским отношениям имеются лишь несколько отписок Нашокина, причем все они были присланы зимой 1656—1657 гг. В отписке от 31 декабря 1656 г. он сообщал о намерении шведов заключить мир, остановив перед этим военные действия в Литве. С точки зрения Нашокина, надо было подписать перемирие на следующих условиях: воздерживаться от военных действий; установить на границе заставы; владеть волостями по-прежнему, т.е. не нарушать сложившийся статус-кво, пока не будут установлены границы (из Швеции, как указывалось в отписке, был прислан судья Альберт Бюлов). В то же время Нашокин настаивал на том, что необходимо учитывать права и обычаи местных людей, это послужит залогом их перехода на сторону русских⁵⁵. В отписке от 9 марта 1657 г. он доносил в Москву о том, что Госевский хочет «промышлять» под Ригой. Воевода писал о формировании союза Швеции, Трансильвании, Украины: Ракоци II выступил против Речи Посполитой, при этом трансильванскому князю оказал помощь Б. Хмельницкий; Ракоци II помогал Карлу X Густаву с подачи Фридриха-Вильгельма⁵⁶.

В отписке от 29 апреля (в собрание РГАДА входит сделанный с нее список) Нашокин рассказывал о ходе выполнения приказа царя попытаться привлечь на свою сторону литовских гетманов. На сеймике Упицкого повета было решено объявить Яну Казимиру, что шляхта хочет принять русское подданство. Жмудское княжество останется с литовскими поветами⁵⁷.

Еще в одной отписке, относящейся, по-видимому, к июлю, Нашокин отчитывался о том, что призывал Госевского полагаться на царскую милость. Якубус писал Нашокину, что настало время заключить мир. В свою очередь Нашокин просил его выступить против Швеции. Но Якубус, судя по отписке, занял выжидательную позицию, хочет, чтобы «время бес промыслу прошло». Зато Госевский готов принять царское подданство. С сентября 1656 г. по июль 1657 г. в русское подданство перешел ряд пунктов (давался их перечень)⁵⁸.

Следующая сохранившаяся отписка относится к 1 апреля 1658 г. По наблюдениям Нашокина, шведы были готовы пойти на значительные уступки русским, чтобы дать отпор Австрии, выступившей на стороне Речи Посполитой. В то же время Делагарди не хочет заключать Вечный мир. Поляки, в свою очередь, также не готовы к миру со Швецией, считая, что шведы будут разорять их земли. Литовские гетманы, если встанет вопрос выбора, предпочтут польскую, а не шведскую власть, шведы подчиняли себе литовские земли, пугая опасностью, исходящей со стороны России. В сложившейся ситуации у литовских гетманов возникает желание стать царскими подданными. Они склонны заключить мир с Польшей и воевать со Швецией⁵⁹.

В то же время воевода информировал царя о продолжавшейся переписке с В.К. Госевским, о том, что последний собирается объединить силы с Россией. Литовский гетман не будет заключать мир с Карлом X Густавом⁶⁰.

Нашокин, как позволяет судить еще одна его отписка, добивался выполнения наказа от царя, чтобы Делагарди сдерживал людей в Курляндии. В то же время, учитывая очень правдоподобный отказ польского сейма возвести царя на варшавский престол, воевода при встрече с представителями литовских магнатов спрашивал, нельзя ли решить вопрос о выборах царя без созыва сейма. На это А. Сакович дал ответ, что было бы желательно, чтобы гетманы приняли решение о присяге царю⁶¹.

Помимо названных материалов в нашем распоряжении имеются документы, которые по сравнению со статейными списками содержали дополнительную информацию о событиях на международной арене. Сбор сведений о политической обстановке производился в порубежных городах, откуда поступали **воеводские отписки**. Новости, касавшиеся Швеции, приходили главным образом из северных городов через торговавших здесь купцов. Летом 1655 г. И. Хилков из Пскова писал в Москву, что шведы взяли у поляков Динабург⁶². В июне 1656 г. царю была зачитана другая отписка того же воеводы о том, что шведы укрепляют Ругодив, в то время как жители Ивангорода хотят принять русское подданство. Из Архангельска в июле 1656 г. пришли новости о том, что войска Яна Казимира нанесли шведам поражение, что, якобы, Карл X Густав и его брат Адольф убиты. Вполне вероятно, что Фридрих-Вильгельм вступит в союз с царем против Швеции. В Англии набирают людей для того, чтобы послать на помощь шведскому королю. Еще ему оказывает помощь Франция. Таким образом, с одной стороны, складывалось впечатление, что Швеция терпит поражения и Россия может легко одержать победу. С другой стороны, подтверждалась справедливость сведений, привезенных в свое время К. Иевлевым, о союзниках Швеции, которые готовы предоставить ей войска⁶³.

Важные сведения поступали в Посольский приказ в результате бесед с различными лицами. Отписка с **расспросной речью** О. Лазарева из Дорогобужа от 11 февраля была зачитана государю и боярам. Лазарев информировал московское правительство о том, что Ян Казимир, находившийся в Силезской земле, бежал во Францию. П. Сапега с сенаторами, брестский воевода Брезовский стоят в Бресте с 8 тыс. человек, не хотят признать власть шведского короля, собираются вернуться к Яну Казимиру. Напротив, Б. Радзивилл подчинился Карлу X Густаву. Литовские поветы, кроме Бреста и Пинска, приняли царское подданство ⁶⁴.

Еще в одной расспросной речи, относящейся к 14 мая, содержались наиболее ранние сведения о том, что Нащокин попытался добиться ведения совместных действий с Госевским против шведов. При встрече они договорились вместе стоять против Делагарди. Но войска Госевского отказались двигаться в связи с неуплатой жалованья. Если бы войска выступили, Делагарди был бы разбит. Но в результате войска Карла X Густава нанесли Госевскому поражение. Шведский король хочет заключить мир с Речью Посполитой ⁶⁵.

Существенную роль как источник информации о текущих событиях по-прежнему играли **иностранные газеты, переводы** которых выполнялись в Посольском приказе. Из голландских газет за апрель, полученных в Москве в июле 1655 г., стало известно о подготовке Швеции к войне с Речью Посполитой. В «немецком листе», который был прислан из Риги, писалось о том, что ряд польских земель подчинился шведам. Делагарди поехал в Курляндию. Якубус решает вопрос о том, кому подчиниться, полякам или шведам и, скорее всего, станет подданным Карла X Густава ⁶⁶.

В Посольский приказ были также доставлены «печатные листы» от 14 ноября 1657 г., которые Делагарди прислал Бьелке. В «листах» давалась подробная характеристика международной расстановки сил ⁶⁷. Из иностранных газет 1658 г. в Москве стало известно о заключении мира между Данией и Швецией ⁶⁸. В июне из «польского письма» поступили новости о возобновлении между ними войны и о том, что шведы склоняются к миру с поляками, но в Варшаве об этом не хотят и знать. Ходят слухи, что казаки помирились с поляками ⁶⁹.

В Москве был сделан и перевод письма Делагарди епископу виленскому Г. Тишкевичу и Яну Казимиру. В документе шла речь о праве шведского короля наследовать литовские земли, о том, что шведские и литовские войска могут быть объединены. Биржи и другие места должны быть переданы Делагарди. Король обязан не нарушать права и привилегии жителей Литвы. Имена будут сохранены за их бывшими владельцами и защищены от русских войск. Гарантировалась свобода вероисповедания.

Земли, не приносящие присягу, «взяты в опалу». Неподчинившимся будет объявлена война. Адам Волякс разослал грамоты в города, которые он начнет осаждать. Такие грамоты посланы в район Новгородка. (Повидимому, при переводе к соответствующей статье было сделано дополнение: «то давно под государеву руку взято») ⁷⁰.

В Посольском приказе были переведены также вести с рижского сейма, который состоялся 7 мая 1657 г. Письмо подтверждало желание Швеции заключить мир. Шведы собираются просить, чтобы царь заменил Нащокина другим человеком. Нащокин не хочет приехать для переговоров в назначенное время. Надо договориться о новом месте и времени. Сенатор шведского короля уже готов приехать на съезд ⁷¹. Документ отражал недовольство шведской стороны Нащокиным и стремление Стокгольма свалить на него вину в том, что русско-шведский мир оставался незаключенным, а русские отказывались идти на уступки.

В условиях отсутствия регулярно действующей почты в Посольский приказ поступала довольно противоречивая информация о происходивших событиях. Бросается в глаза неравноценность полученных сведений: от необоснованных слухов до официальных документов. Лишь в результате многократной проверки удавалось воссоздавать картину реальных событий.

Хотя вряд ли мы можем говорить о том, что располагаем всей совокупностью документов, содержащих известия о политических событиях изучаемого времени, все же очевидны некоторые выводы относительно полноты получаемой в России информации. При этом необходимо учитывать, какие решения реально принимались на основе полученной информации. Анализ хода дипломатических переговоров позволяет утверждать, что иной раз новости о важных событиях не доходили до Москвы. Так, в Посольском приказе не было ничего известно о заключении в январе 1656 г. Кенигсбергского договора между Фридрихом-Вильгельмом и Карлом X Густавом. Видимо, в первые месяцы 1656 г. в Москве сложилось несколько преувеличенное представление об угрозе России со стороны Швеции, о готовности последней развязать войну. Лучше всего Россия была информирована о происходящем в Литве.

Особое место среди документов по русско-украинско-шведским отношениям занимают материалы переписки, которая велась между Карлом X Густавом и Б. Хмельницким. Большая часть этой переписки сохранилась в Стокгольмском архиве и была издана в начале XX века. В то же время некоторые источники хранятся среди материалов по русско-шведским отношениям. Недавно Л.В. Заборовский обнаружил и опубликовал ответ царя на статьи Б. Хмельницкого, сохранившийся среди бумаг по-

сольства Н. Алфимова. Ответ дает полное представление о статьях, подлинник которых, видимо, утрачен. В статьях говорилось о том, что Ян Казимир присылал к гетману Тишкевича, предлагая мир и прося оказать помощь против шведов. На это Б. Хмельницкий ответил отказом, напоминая, что польский король хотел разорить казаков. В ответе указывалось, что царь готов начать переговоры с Речью Посполитой при условии, что Россия удержит Украину. В противном случае русское правительство продолжит войну.

В тех же статьях Б. Хмельницкий писал о том, что шведский посол прислан «с некакими оманками, а не с правдою». После отъезда посла стало известно, что Карл X Густав осадил во Львове Яна Казимира и собирается послать войска к Каменец-Подольскому. Это создает опасность для гетмана, так как шведы уже грозили отнять у него имущество. В ответе на статью было сформулировано требование к гетману переслать в Москву грамоту, полученную от шведского короля. Царь не потерпит нарушения мира со стороны Карла X Густава. Алексей Михайлович в мае начнет наступление на Швецию с другой стороны. Как гласила следующая статья, «шляхта руская (православная. — Е.К.) и иные веры» хочет принять русское подданство. Ответ был положительным.

Ответ на статьи является уникальным источником, свидетельствующим о том, что Россия серьезно опасалась возможности наступления шведов на Украину⁷².

В изучаемом фонде отложились также письма Б. Хмельницкого к Карлу X Густаву. Гетман писал, что боится направить посланника, так как все дороги перекрыты. В то же время он заверял своего адресата в верности: «на наше непостоянство жалобы не будет»⁷³.

Все рассмотренные выше документы отражают постепенное нарастание русско-шведских территориальных противоречий в Литве. Особо острый конфликт возник в районе Друи. Неготовность сторон идти на взаимные уступки, стремление шведов провести разграничение непосредственно под Вильно, поступившие в Посольский приказ сведения о том, что Швеция начнет войну, если царь не отдаст Литву, беспокойство относительно шведской угрозы казакам, — все это толкало Москву начать войну против шведов. Возникшая война показала, что у России не хватает сил на ее завершение. Как свидетельствуют документы, обе стороны не хотели отказываться от сделанных приобретений. Возникла патовая ситуация.

- ¹ Заборовский Л.В., Захарына Н.С. Русско-шведская война 1656–1661 гг.: ее причины // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. В. 1. М., 1989.
- ² Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 6. Киев, 1908.
- ³ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследование. М., 1994.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Сношения России со Швецией (ниже в ссылках на документы указывается только год, номер фонда и листы)
- ⁵ Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. 6. СПб., 1857.
- ⁶ Грамота царя Карлу X Густаву от 24 августа 1655 г. // ДАИ. Т. 6. С. 443–446; 31 августа, 15 ноября 1655 г. // 1655 г. № 8. Л. 37–43; № 4. Л. 88–89.
- ⁷ Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. X. Ч. 2. Київ, 1931. С. 1110–1111.
- ⁸ Карл X Густав – Б. Хмельничкому. 16 ноября 1655 г. // 1655 г. № 1. Л. 7.
- ⁹ Грамота царя Карлу X Густаву от 7 марта 1656 г. // ДАИ. Т. 6. С. 446–454.
- ¹⁰ Наказ А. Нестерову // 1655 г. № 4. Л. 52.
- ¹¹ Наказ от 26 октября 1655 г. // 1655 г. № 3. Л. 376.
- ¹² Там же. Л. 56–57; Наказ К. Иевлеву. 24 августа 1655 г. // № 6. Л. 24; Наказ Н. Алфимову. 18 марта 1656 г. // 1656 г. № 5. Л. 83–84.
- ¹³ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия...
- ¹⁴ Статейный список К. Иевлева. Протоколы переговоров 9 сентября 1655 г., 20 января, 3 февраля 1656 г. // 1655 г. № 6. Л. 122–124, 138, 148.
- ¹⁵ Статейный список А. Нестерова. Протокол переговоров 20–21 сентября 1655 г. // 1655 г. № 8. Л. 123–160.
- ¹⁶ Статейный список пребывания в Москве Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна. Протоколы переговоров 27 октября, 23 декабря 1655 г. // 1655 г. № 3. Л. 419–420, 506–571.
- ¹⁷ Письмо Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна. Перевод (подано Алмазу Иванову 9 января 1656 г.) // Там же. Л. 44–45.
- ¹⁸ Протокол переговоров 24 января // 1656 г. № 4. Л. 103.
- ¹⁹ Статейный список пребывания в Москве Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна. Протокол переговоров 2 января 1656 г. // № 4. Л. 14–37.
- ²⁰ Протокол переговоров 11 марта // Там же. Л. 180.
- ²¹ Протокол переговоров 19 марта // Там же. Л. 188–189.
- ²² Статейный список пребывания в Москве Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна. Протокол переговоров 13 января 1656 г. // Там же. Л. 54–71.
- ²³ Протокол переговоров 19 марта // Там же. Л. 194.
- ²⁴ Протокол переговоров 11 марта // Там же. Л. 180–181.
- ²⁵ Протокол переговоров 19 марта // Там же. Л. 194.
- ²⁶ Протоколы переговоров 11 марта, 19 марта // Там же. Л. 179–180, 192–193.
- ²⁷ Протокол переговоров 27 марта // Там же. Л. 242–244.
- ²⁸ Статьи 23 марта 1656 г. // Там же. Л. 227 об. –271.
- ²⁹ Статейный список Г. Бьелке, А. Ессена, Ф. Крузеншерна. Запись 21 августа 1655 г. // 1655 г. № 3. Л. 181–186.
- ³⁰ Статейный список К. Иевлева. Запись 21 января 1656 г. // 1656 г. № 6. Л. 137–148.
- ³¹ Статейный список А. Нестерова. Запись 7 сентября 1655 г. // 1655 г. № 8. Л. 94.
- ³² Там же. Л. 96–99.

- ³³ М. Деллагарди – Г. Бьелке. Два письма. Перевод 9 декабря 1657 г. (переведено в Черкизове 6 марта 1658 г., списано в Москве 8 марта) // 1658 г. № 1. Л. 101–107, 107–118.
- ³⁴ Письмо М. Деллагарди от 9 августа 1655 г. (прислано 27 августа с Б. Юлихом) // 1655 г. № 8. Л. 15; Письмо Я.У. фон Бротца от 23 августа. Перевод // Там же. Л. 17.
- ³⁵ М. Деллагарди – Я.К. Черкасскому от 21 сентября (прислано с А. Нестеровым 3 ноября). Перевод // Там же. Л. 83–88.
- ³⁶ С. Урусов – М. Деллагарди .15 октября 1655 г. // 1655 г. № 4. Л. 9–10.
- ³⁷ Письма Левенгопта Долгорукому. 15 января (прислано 10 февраля), 26 января, 3 марта / // 1656 г. № 3. Л. 7–8, 11–12, 33–36; письмо Левенгопта С. Шаховскому // Там же. Л. 23–30.
- ³⁸ М. Деллагарди – А.Л. Ордину-Нащокину. 26 февраля 1656 г. Список // 1656 г. № 1. Л. 20–22.
- ³⁹ Я.К. Черкасский – М. Деллагарди 12 октября 1656 г. // 1656 г. № 3. Л. 45–46 об.
- ⁴⁰ Статейный список Г. Богданова // РГАДА. Ф. 63. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1656 г. № 13. Л. 8–9.
- ⁴¹ Friedrich-Wilhelm – Karl X Gustav. 17.X 1656. // *Urkunden und Aktenstücken zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich-Wilhelm von Brandenburg*. Berlin, 1923. Bd. 23. S. 357.
- ⁴² М. Деллагарди – Я.К. Черкасскому 24 октября 1656 г. // 1656 г. № 3. Л. 56–57.
- ⁴³ Я.К. Черкасский – М. Деллагарди 20 ноября, 12 декабря 1656 г. // Там же. Л. 75.
- ⁴⁴ М. Деллагарди – Я.К. Черкасскому 11 февраля 1657 г. (прислано 12 марта) // № 2. Л. 110–118.
- ⁴⁵ *Carlson M. Ryska kriget 1656-1658*:Diss. Lund. Stockholm, 1903.
- ⁴⁶ А.[Бюлов] – А.Л. Ордину-Нащокину. Перевод. 7 февраля 1657 г. // 1657 г. № 2. Л. 12; Письмо М. Деллагарди. Перевод (Прислано 8 февраля 1657 г.) // Там же. Л. 20–22; Шведское письмо. 15 января 1657 г. (Прислано 8 февраля) // Там же. Л. 29.
- ⁴⁷ Я.К. Черкасский – М. Деллагарди 28 марта 1657 г. // Там же. Л. 131–133.
- ⁴⁸ М. Деллагарди – А.Л. Ордину-Нащокину 28 марта 1657 г. (прислано 18 апреля) // Там же. Л. 193–195.
- ⁴⁹ Приговор боярской думы от 23 февраля 1657 г. // Там же. Л. 45–46.
- ⁵⁰ Грамота царя Д.А. Долгорукому. [Без даты; после 28 августа 1655 г.] // 1655 г. № 8. Л. 6–74.
- ⁵¹ Царские грамоты А.Л. Ордину-Нащокину от 23, 24, 27 февраля 1657 г. // 1657 г. № 2. Л. 48–51, 59–61, 65.
- ⁵² Царская грамота П.В. Шереметеву от 26 марта 1657 г. // Там же. Л. 119–124.
- ⁵³ Царская грамота А.Л. Ордину-Нащокину. [Без даты] // Там же. Л. 157–158 об.
- ⁵⁴ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина. [Без даты] // Там же. Л. 264.
- ⁵⁵ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина от 31 декабря 1656 г. // 1657 г. № 2. Л. 2–9.
- ⁵⁶ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина от 9 марта 1657 г. (прислана 24 марта) // Там же. Л. 139–140.
- ⁵⁷ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина от 29 апреля 1657 г. Список // Там же. Л. 200–201.
- ⁵⁸ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина. [Без даты] // Там же. Л. 253–255.
- ⁵⁹ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина от 1 апреля 1658 г. // 1658 г. № 1. Л. 212–215.
- ⁶⁰ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина от марта 1658 г. // Там же. Л. 272–273.
- ⁶¹ Отписка А.Л. Ордина-Нащокина // Там же. Л. 381.
- ⁶² Отписки И. Хилкова от 9, 16 июля 1655 г. // 1655 г. № 1. Л. 52, 109.
- ⁶³ Отписки И. Хилкова. 3 июня 1656 г. (получена 21 июня); 7 июля (получена 18 июля) // Оп. 1. 1656 г. № 1. Л. 51–52, 64; Отписка И. Прозоровского. [Без даты; получена 19 июля] // Там же. Л. 59–61.

-
- ⁶⁴ Расспросная речь О. Лазарева. 11 февраля 1656 г. // Там же. Л. 10–13.
- ⁶⁵ Расспросная речь от 14 мая 1657 г. // 1657 г. № 2. Л. 218–219.
- ⁶⁶ Голландские печатные тетради. Перевод. Апрель 1655 г. // Оп. 1. 1655 г. № 1. Л. 79–82; Немецкий лист из Риги. Перевод. 27 июля 1655 г. // Там же. Л. 113–116.
- ⁶⁷ Печатные листы, присланные М. Делагарди Г. Бьелке 14 ноября 1658 г. // 1658 г. № 1. Л. 153–154.
- ⁶⁸ Немецкие печатные листы о мире Дании и Швеции. 17, 20 февраля 1657 г. // Там же. Л. 228–230.
- ⁶⁹ Польское письмо. Перевод. 8 июня 1658 г. // Там же. Л. 326.
- ⁷⁰ Письмо М. Делагарди к епископу виленскому и Яну Казимиру. Перевод. 25 мая 1655 г. // 1655 г. № 5.
- ⁷¹ Вести подлинные из Риги. Перевод. 7 мая 1657 г. // 1657 г. № 2. Л. 244–245.
- ⁷² Царская грамота Б. Хмельницкому от 23 апреля 1656 г.: *Заборовский Л.В.* Недооцененный документ Б. Хмельницкого? // Славяноведение. 1992. № 6. С. 55–56.
- ⁷³ Б. Хмельницкий – Карлу X Густаву. Перевод. 1 января 1657 г. // Там же. Л. 152–153.

E.I. Kobzareva
(*Moscow*)

**DOCUMENTS FROM RUSSIAN STATE ARCHIVES
OF OLD ACTS ON THE CONFLICT BETWEEN
SWEDEN AND RUSSIA IN THE 5TH DECADE OF THE
17TH CENTURY**

Summary

The paper presents a review of the documents on relations between Russia and Sweden from f. 96 series of the Russian State Archives of Old Acts. These documents reflect the development of contradictions between Russia and Sweden, which brought to the war. A classification of the documents is offered. Letters from Russian tsar to Swedish king reflect Russian claims to Sweden.

The reports on the embassies (stateinye spiski) reflect the course of diplomatic negotiations between Russia and Sweden. They give an idea of gradual increase in contradictions between these two countries through the summer of 1655 – spring of 1656. The most informative is the report on the Swedish embassy of G. Bielke, A. Essen and F. Krusenstierna, which arrived to Moscow in the fall of 1655. An information on other events provided by the reports is also flagged out in the paper. The author proves that the correspondence between the head of the embassy Bielke and the commander of Swedish army in Poland M. Delagardi was perustrated by the Russian Foreign office (Posol'skij Prikaz).

The correspondence between Russian military command and Swedish generals in Lithuania is analyzed. It gives an information on the positions of the parties.

A number of other documents is also covered in the paper. Among them is the copy of the Boyar Duma Decree from 1657. Developments in military situation resulted in orders given by tsar to his generals. These orders reflect the plans of Moscow government.

An important information (including that on international politics) is provided by the reports from the theater of war. The f. 96 series contains a number of reports from Russian generals, interrogations, translated articles from foreign press.

The corpus of the sources reviewed in the paper proves that it was Russian reluctance to leave Lithuania to the Swedes on the one hand and Russian fear to see the Sweden strengthening its positions in Ukraine on the other, that pushed Russia to declare a war on Sweden.

Стеллан Далгрэн
(Уппсала)

**ШВЕЦИЯ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В
ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XVII в:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ**

I. Историография

Об отношениях Швеции со странами Восточной Европы в 50-е гг. XVII в. шведские историки нового времени писали в основном в связи с событиями 1654—1660 гг., когда при короле Карле X Густаве велась война одновременно и с Россией, и с Польшей. В этот период Швеция оказала большое влияние на историю Восточной Европы и поддерживала обширные связи с европейскими странами. К сожалению, практически все шведские историки, писавшие об отношениях Швеции с Восточной Европой этого времени, могли использовать лишь часть источников по этой теме, поскольку не знали русского, польского и других восточноевропейских языков. Зато шведские источники были использованы ими полностью. Наиболее важной работой по шведской дипломатии 1650—1654 гг. является вышедшая в 1957 г. книга Свена Ингмара Олафссона «После Вестфальского мира»¹. Однако лишь небольшое из написанного шведскими историками об этом периоде относится к истории Восточной Европы.

В это время для Швеции наиболее серьезной проблемой были ее отношения с Польшей. Шведско-польская война прекратилась уже довольно давно, а именно после Штумсдорфского перемирия (1635), но мирный договор все еще не был заключен. Переговоры с поляками, состоявшиеся в 1651 и 1652—1653 гг. ни к чему не привели, поскольку ни одна из сторон не была готова к компромиссу. В то же время отношения Швеции с Россией были в те годы довольно мирными. Русский царь хотел дружбы со Швецией, поскольку планировал войну с Польшей, которую начал в 1654 г. Швеция тоже не хотела тогда изменений в своих отношениях с соседями на западе и на юге, хотя и Дания, и Россия воспринимались ею, как потенциальные враги. Программа по укрепле-

нию вооруженных сил, которую шведский парламент принял в 1652 г., была вызвана, главным образом, польской угрозой.

Относительно дружественное отношение Швеции к России в эти годы было отчасти основано на надежде сделать торговые связи между этими двумя странами более выгодными для Швеции. Случались, однако, и осложнения, вроде истории с «Иоанном Синенсием» Тимофеем Анкудиновым, выдававшим себя одновременно и за посланника предводителя запорожских казаков гетмана Богдана Хмельницкого, и за сына прежнего царя Василия Шуйского. Он прибыл в Стокгольм, а затем отправился в Нарву и Ревель (Reval), откуда тамошний наместник Эрик Оксеншерна отправил его в Курляндию. Россия требовала его выдачи, но шведы не соглашались, возможно, потому, что он был посланником Богдана Хмельницкого — врага Польши, и, следовательно, потенциального союзника Швеции. Вместо этого его выслали в Голштинию, где русские впоследствии смогли его схватить².

В 1652 г. происходила работа русско-шведских комиссий по вопросу о ситуации на границе с Россией в шведских провинциях Ливонии, Ингрии и Кексхольм, не принесшая, однако, ощутимых результатов.

К исследованию отношений Швеции со странами Восточной Европы середины XVII столетия историки нового времени приступили в начале XX века. В 1906 г. Нильс Эден написал свою знаменитую работу о причинах нападения Карла X на Польшу в 1655 г. Его очерк основывался исключительно на шведских источниках, главным образом, на протоколах королевского совета Швеции и Риксдага, а также на переписке короля с его наместником в Риге Густавом Хорном. Эден пришел к выводу, что Швеция вступила в войну против Польши, чтобы не дать России, которая как раз начала войну в Польше и Литве, захватить часть польских земель и овладеть, таким образом, сильной позицией, откуда она могла бы угрожать Швеции³.

Изучение этой проблемы было продолжено Георгом Виттроком в двадцатых годах нашего века⁴. Он тоже рассматривал цели шведской политики и опирался на шведские источники, но использовал также и работы польских историков. Он выявил различные этапы в отношениях между Швецией и Бранденбургом, смена которых обуславливалась ходом войны Швеции с Польшей. Помимо прочего, эта работа интересна тем, что затрагивает сотрудничество Швеции с запорожскими казаками и с трансильванским князем Дьердем II Ракоци.

Затем в изучении шведскими учеными отношений Швеции со странами Восточной Европы наступил перерыв, продлившийся до 1956 г., когда Богдан Кентршинский, шведский историк украинского происхож-

дения, написал очерк о решении короля Карла Густава объявить войну Польше. В этой работе он отстаивал тезис о том, что король с самого начала своего правления видел главного врага в России и готовился к войне именно с ней, а не с Польшей, которая не имела такого значения. По мнению автора, выступить против Польши король решил лишь в конце апреля 1655 г.⁵

Кентршинский широко использовал польские, украинские и русские источники и литературу. Как и Нильс Эден, он тоже изучал переписку между королем Карлом Густавом и рижским наместником Густавом Хорном, письма шведских агентов в России — Иоганна де Родеса из Москвы и Адольфа Эберса из Новгорода, а также донесения агентов в Гданьске и Польше. Кроме этой работы, Кентршинский написал ряд статей об отношениях Украины, России и Польши, а также биографию Мазепы (все на шведском языке)⁶. Он акцентировал важность отношений Швеции с Богданом Хмельницким в 1651–1656 гг.

Мнение Кентршинского, будто король Карл Густав с самого начала правления готовился главным образом к войне с Россией и потому предпочитал иметь Польшу союзником, подверглось критике ряда других ученых, и в том числе Ганса Ландсберга, Биргера Асарда и Майкла Робертса. Вновь рассмотрев протоколы совета, Ландсберг подчеркнул, что для короля самым главным было получить согласие совета на дополнительный набор войска. Биргер Асард на основе материалов из архива военной коллегии показал, что в начале правления нового короля (а может и за несколько месяцев до его прихода к власти) Швеция лихорадочно вооружалась, а это предполагало подготовку войск для войны против Польши. По мнению Асарда, король планировал эту войну уже к моменту восшествия на престол⁷.

Майкл Робертс также считал, что главный вывод Кентршинского основывался на неверной интерпретации источников. Он предложил еще несколько аргументов в пользу вывода о том, что Карл Густав уже весной 1654 г. планировал большую войну, и что в декабре 1654 г. он со своим советом имел явное намерение направить эту войну против Польши. Во-первых, он хотел заставить польского короля Яна Казимира отказаться от претензий на шведский престол в качестве потомка шведского короля Густава Вазы, а во-вторых, хотел завоевать еще участок южного балтийского побережья, например, в Пруссии, чтобы укрепить свой контроль на море и иметь больше портов⁸.

Прежде чем начать войну с Польшей, Карл Густав установил оживленные контакты с Б. Хмельницким. Они были союзниками в этой общей войне против поляков, и шведский король со своим канцлером Эри-

ком Оксеншерна планировал гарантировать самоуправление украинцам и свободу вероисповедания в Польше, когда займет польский престол. Богдан Кентршинский считает, что Карл Густав активно поддерживал Б. Хмельницкого против Польши, царя и турок. Карл Густав заключил также союз с князем Трансильвании Дьердем II Ракоци, контакты с которым установил еще будучи наследным принцем через королевского канцлера Бенгта Шютте⁹. Поэтому Ракоци тоже активно участвовал в боевых действиях против Польши до тех пор, пока Карл Густав не отправился на войну с Данией, которую та объявила Швеции осенью 1657 г.

В связи с этим следует упомянуть, что в 1657 г. Карл Густав послал Клаэса Раламба (который впоследствии стал известным политическим деятелем и высокоученым юристом) посланником к турецкому султану, чтобы заручиться его дружбой и убедить в том, что союз Швеции с Трансильванией не направлен против Османской империи. Впрочем, это посольство не привело к сближению шведского короля с султаном.

Важным аспектом шведской политики в отношении России были торговые интересы. Шведский историк Артур Аттман в ряде работ показал, что Швеция в XVI–XVII вв. стремилась поставить под свой контроль западноевропейскую торговлю на русском рынке. Это должно было способствовать развитию шведской экономики, а королевской казне сулило большие доходы от пошлин¹⁰. Немецкий ученый Штефан Тройбст недавно опубликовал книгу на эту тему, охватывающую период с 1617 по 1661 гг., в которой использовал многочисленные документы и материалы из шведских архивов. Как и Артур Аттман, главной темой своего исследования он сделал так называемую политику деривации (от употреблявшегося в шведском языке XVI в. слова *derivare*, что значит заставить кого-то приехать издалека). Этим термином обозначают попытки Швеции переориентировать торговлю Западной Европы с Россией из Архангельска в шведские порты на Балтийском море — Нарву, Ревель, Ниен, Ригу и т. д. Так, в 1648 г. Швеция попыталась направить торговлю с Россией через Ревель, Нарву и Ниен, снизив там пошлины, однако русский царь принял ряд ответных мер, и Швеция добилась немногого. Предпринимались и другие шаги для оживления торговли с Россией, например, была основана Московская компания. Однако она просуществовала лишь до 1656 г., когда началась война между Россией и Швецией¹¹.

В XVII в. в Швеции было несколько специалистов по экономике и по обстановке в Восточной Европе, которые писали о том, как важно направить торговые пути вместо Архангельска в балтийские порты. Одним из них был Иоган Рисинг, первым написавший о важности экономических вопросов для Швеции. Об архангельской торговле он написал спе-

циальный трактат, а в ряде других работ писал о путях и средствах, которыми Швеция могла бы поставить торговлю с Россией под свой контроль. Его труды на эту тему не были напечатаны, однако сохранились в ряде списков ¹².

Идеи Рисинга распространяли и другие авторы, которые, в отличие от него, были специалистами по русской торговле. Важным членом этой группы, очень хорошо знавшим Россию, был Филип Курций Крузенштерн, немец на шведской службе, который в 1653 г. стал Директором Торговли в Эстонии и Ингрии, а именно в Нарве. В своих многочисленных отчетах центральному правительству в Стокгольме он писал о торговле с Россией и о возможностях открытия шведской торговли с Персией ¹³.

Государственный канцлер Аксель Оксеншерна со своим сыном Эриком хотели развивать шведскую торговлю. Они были настроены против Нидерландов и рассчитывали, что Англия поддержит шведскую торговлю. Руководствуясь советами экономиста Рисинга, в 1651 г. они основали новую коллегию — Коллегию Торговли, которая должна была отвечать за развитие шведской экономики.

В начале 1651 г. шведским торговым агентом в Москве был Дж. де Родес. Являясь специалистом по восточной торговле, в 1650 г. он написал меморандум о том, как перенести торговлю из Архангельска на Балтику и о развитии торговли с Персией. В сентябре 1650 г. этот меморандум получил положительную оценку королевы и государственного совета. Де Родес хотел, чтобы в Швеции основали компанию для торговли с Россией, а также чтобы Швеция начала торговать с Персией. Доклады де Родеса из Москвы об обстановке на месте в 1650–1655 гг. представляют большой интерес и хранятся в Шведском Национальном архиве. Летом 1652 г. он посетил Архангельск для сбора экономической информации. Его пространственный отчет о торговле в России был опубликован и используется в ряде работ российских ученых, а также Стефана Тройбста ¹⁴.

Карл X Густав со своей стороны тоже проявлял интерес к торговой политике и прислушался к совету фон Крузенштерна, который в феврале и апреле 1655 года написал два меморандума об отношениях (и в первую очередь экономических) между Россией и Швецией. Осенью 1655 г. король отправил в Москву большое посольство, в которое вошли государственный канцлер Густав Бьельке и тајог general Александр фон Эссен. Ф. фон Крузенштерн участвовал в посольстве в качестве экономического советника и в 1658 г. написал отчет о посольстве. Целью этого посольства было выяснить, не хочет ли царь выступить в войне против Польши в союзе со Швецией, а также попытаться добиться для шведских купцов в России более выгодных условий торговли и таможенных льгот. Конеч

деятельности этого посольства был положен летом 1656 г., когда царь начал войну против Швеции, а участников посольства бросил в тюрьму, где продержал почти два года вплоть до начала переговоров о перемирии, подписанном в 1658 г. в Валлиесаре.

Рассмотрению причин этой войны шведские историки уделили меньше внимания, чем анализу причин войны Швеции с Польшей. В шведской историографии часто подчеркивается фундаментальный характер конфликта между Швецией и Россией, ибо Швеция стремилась завоевать все балтийское побережье, так называемую «морскую границу», в то время как Россия тоже хотела получить провинции на Балтике. Обе страны стремились установить на Балтике свой военный и экономический контроль, при чем Швеция получала при этом и контроль над российским рынком. Главной причиной начала русско-шведской войны в 1656 г. шведские историки в основном называют соперничество двух стран в Литве и польской Ливонии. В этих провинциях Россия добилась больших успехов в ходе войны против Польши, которую она начала в 1654 г. Однако летом и осенью 1655 г. Швеция тоже успешно воевала с Польшей и проникла в провинции, которые русский царь считал своими¹⁵.

По мнению Богдана Кентршинского, важной причиной начала этой войны стали связи Швеции с запорожскими казаками и с их предводителем Богданом Хмельницким, ибо царь считал их своими подданными. Кентршинский пришел к выводу, что к войне между Россией и Швецией привело русско-шведское соперничество в борьбе за поддержку Украины против Польши, с которой воевали обе эти страны¹⁶. И хотя этот вывод Кентршинского не поддержал никто из шведских историков, его исследование отношений Б. Хмельницкого с Карлом Густавом содержит важные сведения и показывает, как гетман старался занять независимую позицию по отношению к Польше, России и Швеции, которые хотели контролировать и использовать его самого и его казаков, а также как Карл Густав старался обеспечить свои интересы в Восточной Европе.

Во время войны между Швецией и Россией, как до, так и после Валлиесарского перемирия, обе стороны выступали с инициативой переговоров. Одно из таких предложений было сделано Карлом Густавом в октябре 1656 г., когда он потребовал передать под его контроль окрестности Архангельска. В феврале 1658 г. после победы над Данией он отказался от этого требования, зато он рассчитывал поставить под свой контроль датскую арктическую гавань Вардехус¹⁷. Его надежды частично осуществились по мирному соглашению, подписанному при Роскильде в 1658 г. Однако позднее Швеция была вынуждена вернуть Дании завоеванные земли в центральной Норвегии по Копенгагенскому мирному договору,

подписанному в 1660 г. после смерти Карла X и еще одной войны с Данией, с помощью которой новый король надеялся установить свой контроль не только над Вардехусом, но и над Орезундом и Балтикой.

Переговоры о мире на Востоке продолжались и после смерти Карла Густава. В Польше мир был заключен 23 апреля 1660 г. при Оливе. В отношениях же с Россией большую роль продолжали играть торговые вопросы, о чем свидетельствуют меморандумы, которые написали в 1660 г. Крузенштерна и другой шведский специалист по России П.А. Луфельд, а также официальные притязания Швеции на земли вплоть до Северного Ледовитого Океана и требования предоставить ей возможность торговать с Персией.

У России к этому времени были проблемы в отношениях как с Польшей, так и Турцией. По этой и ряду других причин в июне 1661 г. Россия заключила мир со Швецией при Кардисе. В мирном договоре были оговорены условия торговли шведских и российских купцов, однако Швеция ни на шаг не приблизилась к своей цели сосредоточения торговли с Россией в своих портах и не создала условий, которые позволили бы ей через русскую территорию развивать торговые отношения с Персией и татарами.

II. Источники

Благодаря высокому уровню развития шведской государственной администрации, источники по истории Швеции XVII в. весьма многочисленны. В большинстве своем они хранятся в Национальном архиве и тщательно каталогизированы. В настоящем очень кратком очерке материалы по истории отношений Швеции со странами Восточной Европы в 50-е гг. XVII в. разделены на четыре группы.

1. Источники о государственных лидерах.

Некоторые дискуссии между королевой Кристиной или королем Карлом Густавом и Государственным Советом сохранились в протоколах Совета и к настоящему времени опубликованы. Во время войны Совет был поделен на две части. Одна находилась в Стокгольме и руководила внутренней администрацией, а другая сопровождала короля, который иногда собирал Совет в полевых условиях. Некоторые личные записи короля можно найти в Королевском архиве Национального архива в Стокгольме. Большинство известных его записей вошли в так называемый фонд Riksregistraturet, который содержит копии черновиков королевских писем. При их использовании необходимо помнить, что оригиналы мог-

ли быть изменены или вообще не отправлены адресатам. Входящая корреспонденция на имя короля или Совета от чиновников самых разных уровней, включая военную, дипломатическую и гражданскую службы, хранятся в фонде *Skriver till KMt* (письма к королевскому величеству) Национального Архива. Некоторые любопытные личные материалы Карла Густава и других правителей находятся также в фонде *Kungliga Handskriftssamlingen* (Королевская коллекция документов).

Шведский парламент (Риксдаг) не играл большой роли во внешней политике. Он выделял средства, на которые велись войны, но вопросы внешней политики в нем обсуждались мало, они относились к компетенции короля и Совета. Протоколы и другие материалы парламента хранятся в фонде *Riksdagsacta* и в архивах разных штатов парламента.

2. Дипломатическая переписка.

Отношения Швеции со странами Восточной Европы нашли свое отражение во многих документах Национального архива в Стокгольме. Карл X Густав развил бурную деятельность по поиску союзников против государств, с которыми он враждовал, то есть против Польши, а затем, в 1656–1658 гг. — против России. Эту деятельность можно проследить по переписке, которую король вел с другими правителями, как-то с царем, с польским королем Яном Казимиром и с султаном, а также по переписке, которую он и его чиновники вели с разными политическими деятелями и дипломатами. Эта переписка собрана в обширном фонде *Diplomatica* Национального архива по разделам «*Brandenburgico-Borussica*», «*Hollandica*», «*Hungarica*», «*Muscovitica*», (с подразделом «*Cosacica*»), «*Persica*», «*Polonica*», и «*Turcica*» (с подразделами «*Moldavo-Vlachica*», «*Tatarica*» и «*Transsylvania*»). Сохранились также письма к нему от иностранных правителей, например от царя, польского короля или герцога Бранденбургского, не говоря об обширном материале более низкого уровня вроде переписки 1656–1658 гг. между М. Делагарди и Афанасием Ординым-Нащокиным.

Интересная дипломатическая переписка содержится также в фондах по дальним шведским провинциям, особенно в фонде «*Livonica II*», где, в частности хранятся договоры князей Радзивиллов с литовскими сословиями.

Как известно, политические деятели того времени не проводили грани между своими личными делами и служебными. Поэтому многие материалы, способные пролить свет на шведскую дипломатию в Восточной Европе, оказались в частных архивах, например, в архиве М. Делагарди, собрании Скокlostера, или в архивах Бьельке, Хорна, и Оксеншерны,

которые хранятся в Национальном архиве. Собрание Раламба в королевской библиотеке содержит документы посольства Клаеса Раламба к турецкому султану в 1657–1658 гг.

3. Военная история

Материалы по истории шведских вооруженных сил — о вооружении, численности и составе войск, а также их бюджете — хранятся в Военном архиве. Там же находятся протоколы военной коллегии и Адмиралтейства, но, поскольку командовал войсками лично король, наиболее важные сведения по истории армии и флота следует искать в переписке короля с высшим военным командованием. Важные источники по истории шведских войн того периода, когда Швеция была великой европейской державой, хранятся также в обширном фонде «Militaria» Национального архива.

4. Торговые отчеты и меморандумы.

Экономические противоречия и притязания играли огромную роль в межгосударственных отношениях. Одной из причин, по которым Швеция начала войну в Восточной Европе, было, как уже говорилось выше, стремление установить контроль над теми сферами торговли, которые могли обеспечить государству значительные доходы от пошлин и иных торговых поборов. Дипломатическая переписка того времени содержит многочисленные записки о торговой конъюнктуре, торговых привилегиях в Восточной Европе и тому подобном. Некоторые из них, особенно отчеты шведских агентов и послов в России, вошли в фонд «Muscovitica». В фонде «Polonica» содержатся сообщения представителей в Гданьске и Польше. Некоторые из подобных записок находятся в фонде «Skrivelser till kommerskollegiet» (Письма в Торговую палату), другие — в двух собраниях под названием «Handel och Sjöfart» (Торговля и мореплавание). Одно из них, сложившееся в Национальном архиве, интересно, в первую очередь, шведскими отчетами по российской торговле, вошедшими в тома 15, 17, 18 и 19. В другом, которое сложилось в бывшем Архиве финансов (Kammararkivet), а потом тоже вошло в Национальный архив, наибольший интерес для нас представляет первый том. Некоторые отчеты и записки по торговле с Россией в XVII в. можно найти в так называемом Manuskriptsamlingen (собрании рукописей), например, записки П. Луфельда в 15 и 68 томах, Дж. Рисинга в 77 томе и Дж.Ф. Кильбургера в 78.

Библиотека Университета Уппсалы тоже содержит некоторые материалы по экономическим отношениям Швеции с Восточной Европой в XVII в. Особого упоминания в этом смысле заслуживают фонд «E», объе-

динивший документы по истории до 1697 г., фонд «L», содержащий материалы по административной и экономической истории, а также фонды Nordin и Palmskiold. Хотя основной корпус этого собрания составляют копии документов, в нем можно найти и немало очень важных подлинников. Например, 438 том фонда Nordin содержит материалы по отношениям Швеции с Россией в 1650-е гг., а том L 161 — записки о торговле с Россией в XVII в. В других фондах библиотеки Университета Уппсалы можно также обнаружить много неожиданных документов, например, дневник телохранителя при шведском посольстве в Россию 1655—1657 гг. Андерса Свенсона Трана (фонд Biographica, X 355).

- ¹ *Olofsson S.I.* Efter Westfalska freden, Sveriges yttre politik 1650—1654. Stockholm, 1857.
- ² Подробнее об этом см. в недавней работе: *Troebst S.* Handelskontrolle — «Derivation» — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617—1664. Wiesbaden, 1997. S. 335—338.
- ³ *Eden N.* Grunderna för Karl X Gustafs anfall på Polen // *Svensk Historisk Tidskrift*. 1906.
- ⁴ *Wittrock G.* Статьи в : *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1920—22.
- ⁵ *Kentrschynskij B.* Karl X Gustav inför krisen i öster 1654—1655 // *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1956.
- ⁶ *Kentrschynskij B.* Статьи в: *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1959, 1964, 1965, 1966; а также: *Mazera*. Stockholm, 1962.
- ⁷ *Asard B.* Uppaktan till Karl X Gustavs anfall mot Polen 1655. Till fragan om krigets mal och medel // *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1970.
- ⁸ *Roberts M.* Charles X and the Great Parenthesis: A Reconsideration // *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1989; см. также: *Idem*. From Oxenstierna to Cjarles XII. Cambridge, 1991.
- ⁹ *Runeby N.* Bengt Skytte, Comenius och abdikationskrisen 1651 // *Scandia*. 1963.
- ¹⁰ См. например: *Attman A.* Swedish Aspirations and the Russian Market during the 17th century // *Acta regiae societatis scientiarum et litterarum Gothoburgiensis*. Humaniora. 24.
- ¹¹ *Troebst S.* Handelskontrolle...1997. P. 279; *idem*. Stockholm und Riga als «Handelsconcurrentinnen» Archangelsks // *Forschungen für osteuropaischen Geschichte*. Bd. 48. Berlin, 1993. S. 268—273.
- ¹² О Рисинге см: *Dahlgren S.* Johan Claesson Risigh och tillkomsten av hans skrifter // *Personhistorisk tidskrift*. 1992.
- ¹³ О фон Крузенштерне см: *Benigna von Krusenstiern Philip Crusius von Krusenstiern (1597—1676)*. Marburg/Lahn, 1976; *Troebst S.* Handelskontrolle...
- ¹⁴ Некоторые из отчетов на шведском и немецком языках де Родеса и других специалистов по России были опубликованы // *Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet. Dokument ur svenska arkiv*. Stockholm, 1978.
- ¹⁵ См., например: *Fagerlund R.* Kriget i Östersjöprovinserna 1655—1661 // *Carl X Gustaf-studier* 7/1. P. 57.
- ¹⁶ *Kentrschynskij B.* Ukrainska revolutionen och Rysslands angrepp mot Sverige 1656 // *Karolinska Forbundets Arsbok*. 1966. P. 86.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: *Oden B.* Karl X Gustav och det andra danska kriget // *Scandia*. 1961; *Troebst S.* Handelskontrolle... P. 442—451.

Stellan Dalgren
(*Uppsala*)

**SWEDEN'S RELATIONS TO EASTERN EUROPE IN
THE 1650s SWEDISH HISTORIOGRAPHY AND
SOURCE MATERIAL IN SWEDEN**

Summary

For Sweden is the first part of the period from 1650 until 1660 mostly peaceful and, as far as foreign policy is concerned, it has not been very much discussed by the historians. The most serious foreign problem Sweden had was the relation to Poland, as Sweden had no peace with that country, only an armistice. But as soon Karl X Gustav became a king in 1654 he started an activity, which led to war not only with Poland but also with Russia and Denmark. The Swedish historians have had different opinions about the causes for his attack on Poland; most of them have seen it as caused by the Swedish wishes to round off Sweden's provinces on the eastern coast of the Baltic with Russia. In this context the commercial interests of Sweden on the Baltic were important, especially the aspirations to get control of the trade on Russia in order to be able to take profits from the Russian market. Swedish historians have also paid attention to the connection between the Swedish king and the hetman of the Cossacks, Bohdan Chmelnytskyj, with whom Karl Gustav co-operated in the war against the Poles, and this connection, which the tsar did not like, may as well as the rivalry for the provinces near the Baltic have contributed to the outbreak of the Swedish-Russian war in 1656. On that question there has also been a discussion among Swedish historians. When Denmark attacked Sweden in 1657 Karl Gustav went with the army to the north and defeated the Danes and won the Scanian provinces for Sweden. He hoped to get the Danish harbour Varduhus on the Arctic Ocean and from there to be able to control the Russian trade over Archangelsk. But the peace agreements in Copenhagen, Oliva and Kardis after his unexpected death in February 1660 did not fulfil his hopes neither in the west or the east.

The source material in Swedish Archives, mostly in the Riksarkivet (the National Archives in Stockholm), on the events in Eastern Europe in the 1650ies is very extensive and includes material from the leaders of the Swedish state, diplomatic material (foremost the series *Diplomatica*), military papers (foremost the series *Militaria*), economic and other reports and memorials from Swedish agents in the east.

Ольга Иванова

(Архус)

**РУССКО-ДАТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
В 50-е гг. XVII в.
(история вопроса и источники)**

Планы возобновления борьбы за выход к Балтийскому морю, выдвинутые на первый план в русской внешней политике в конце 1655 – начале 1656 г., толкали Россию на поиски союзников среди европейских государств¹. Еще до открытия военных действий в марте 1656 г. из Москвы отправилось посольство князя Д.Е. Мышецкого в Курляндию, Бранденбург и Данию для ведения переговоров о создании союза против Швеции. Данию, которую в тот период разделяли глубокие противоречия со Швецией, Россия не без основания рассматривала как одного из главных своих союзников в назревавшем конфликте и предлагала ей заключить договор о совместном военном выступлении. Несмотря на энергичные действия русской дипломатии, быстро договориться о союзе в силу ряда обстоятельств не удалось. Русско-датские переговоры, в ходе которых стороны обменялись пятью посольствами (два с русской стороны и три с датской) проходили с некоторыми перерывами с конца мая 1656 г. до весны 1659 г. и ни к чему не привели.

В связи с этими переговорами у исследователей возникает немало вопросов, связанных как с причинами их безрезультатности, так и с политической обоснованностью создания русско-датского союза в этот момент. Независимо от трактовки в историографии действий царской и королевской дипломатий, изучение их важно не только в связи с рассмотрением деятельности русской дипломатии в период первой Северной войны, но и для истории двусторонних русско-датских отношений. Переговоры 1656–1659 гг. активизировали сильно охладевшие в 40-е гг. дипломатические и деловые контакты между двумя странами, которые с этого времени становятся непрерывными. Дания одной из пер-

вых среди европейских государств открыла в 1672 г. постоянное дипломатическое представительство в Москве.

Прежде чем перейти к источникам и историографии, кратко остановимся на основных этапах переговоров 1656–1659 гг. и обстоятельствах, влиявших на их ход.

Ход переговоров ²

1-е русское посольство.

Русское посольство во главе со стольником князем Данилой Ефимовичем Мышецким и переводчиком Федором Мейером отправилось из Москвы 13 марта 1656 г. После остановок у курляндского герцога и бранденбургского курфюрста посольство прибыло в Копенгаген 27 мая, а 30 мая на официальном приеме русский посланник вручил королю верительную грамоту. Суть предложений царя была, однако, им изложена 3 июня на закрытой встрече с королем и высшими лицами государства ригсхофмейстером и канцлером, которая состоялась по настоятельной просьбе Мышецкого. Мышецкий обвинил шведского короля в том, что тот начал войну против Речи Посполитой, не известив Москву, посягает на польские и литовские города, уже перешедшие в русское подданство, пытается склонить на свою сторону запорожских казаков и не желает признать новые титулы царя. Посол напомнил также королю, что и Датскому королевству шведы причинили немалый ущерб, а теперь помышляют об установлении своего господства на Варяжском (Балтийском) море. За все эти «неправды» царь предлагал королю совместно выступить против шведов. 7 июня Мышецкий был подробнейшим образом расспрошен канцлером об отношениях русских со шведами, с Б. Хмельницким, с поляками и о переговорах Мышецкого с курфюрстом. Во время пребывания русского посланника в Копенгагене пришло известие о выступлении царя против шведов. Посольство Мышецкого вызвало большой интерес не только у датчан, но и у послов иностранных государств, с которыми князь активно обменивался информацией. Предложение русских обсуждалось на заседаниях ригсрода 9 и 23 июня, где была принята очень осторожная резолюция, о немедленном вступлении в войну речи быть не могло. Из Копенгагена Мышецкий был отпущен 14 июля вместе с ответным датским посольством. Обратный путь лежал через Курляндию, где у Мышецкого состоялась встреча с герцогом курляндским и послом бранденбургским, с которыми он обсудил шведские и польские дела.

1-е датское посольство.

Ответное датское посольство во главе с Германом Косом, человеком опытным в русских делах, прибыло к царю, находившемуся в военном походе против шведов под Кокенгаузенем, 10 августа, и уже на следующий день было принято Алексеем Михайловичем. Действуя в соответствии с инструкцией, данной ригсродом, Герман Кос, не обещая ничего конкретного, дал понять, что Дания хочет вступить в союз с Россией против шведов и просит царя не заключать сепаратного мира со Швецией. Планируя приступить в ближайшие дни к осаде Риги, царь был крайне заинтересован в том, чтобы Дания поддержала русские войска с моря. Неопределенные высказывания Коса воспринимались русскими как обещание начать военные действия, поэтому царь торопил с заключением договора. 17 августа Герман Кос вместе с новым русским посольством во главе с Мышецким был отпущен в Копенгаген.

2-е русское посольство.

Сразу после прибытия второго посольства Мышецкого в Копенгаген обе стороны начинают действовать очень энергично. 9 сентября король принимает у Мышецкого верительную грамоту и уже на следующий день в ригсрод направляется предложение короля, в котором Россия и Нидерланды названы как возможные союзники в борьбе против шведов, хотя возможность мирного урегулирования спорных вопросов со Швецией по-прежнему не отвергается. Отчет Германа Коса о посольстве в Россию и предложение короля заслушиваются и обсуждаются на заседании ригсрода 11 сентября. Неизвестно, каким было бы решение ригсрода, если бы в это время не пришло сообщение о том, что 1 сентября в Эльблонге под Гданьском шведы заключили соглашение с Нидерландами. Переговоры с русскими сразу приостанавливаются, Мышецкого задерживают в Копенгагене, несмотря на его протесты, под тем предлогом, что Дании был неизвестен факт заключения Эльблонгского договора. 23 сентября царю была послана грамота от короля, в которой, кроме уверения в дружбе, содержалось объяснение, что Дания вступить в войну сейчас не может и что Мышецкий задерживается в Копенгагене до прояснения обстоятельств. Переговоры надолго прерываются и возобновляются 10 января 1657 г. по инициативе Дании в условиях крайнего обострения датско-шведских отношений. Ситуация изменилась также и для России. После снятия в октябре безуспешной осады Риги Москва начинает дипломатическую подготовку переговоров о перемирии со Швецией. Мышецкого по-прежнему удерживают в Копенгагене и, как кажется, ни одна из сто-

рон не отвергает и не форсирует заключение договора. В конце зимы — весной 1657 г. стремительно развивается датско-шведский конфликт: 23 февраля на сословном собрании в Оденсе практически принимается решение о начале войны со Швецией. В апреле в своей отписке Мышецкий информирует Посольский приказ о событиях в Дании, о том, что дело идет к войне. 1 июня Дания объявляет войну Швеции, но уже летом Карл X Густав переходит в наступление в Голштинии. В обстановке надвигающегося краха 21 сентября 1657 г. Мышецкого отправляют из Копенгагена вместе с ответным датским посольством

2-е датское посольство.

Посольство возглавлял секретарь Датской канцелярии Ханс Ольделанд. Как явствует из документов, перед ним была поставлена задача вовлечь Россию в союз против Швеции или по крайней мере получить субсидии (в виде денег или зерна) на ведение военных действий. Переговоры проходили в Москве 29 января 1658 г. под руководством опытного дипломата боярина Федора Федоровича Волконского при участии Кашинского наместника князя Ивана Афанасьевича Гавренева и главы Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова. Датский посланник представил проект договора из нескольких пунктов: совместно воевать против шведов, датским кораблям блокировать шведов на Варяжском море, а царю прислать «ратных людей» на помощь датчанам, предоставить золото, хлебные запасы и другие товары; если русские завоюют остров Эзель и город Ревель, то уступить их королю, потому что они издавна принадлежали Дании, и, наконец, не заключать сепаратного мира со шведами³. Датский проект договора принят не был. При этом русские подтвердили, что они будут продолжать войну против Швеции, войска их стоят в Лифляндии и на Ижоре, датчан же упрекнули в том, что те не поддержали русских при осаде Риги. Что касается материальной помощи, то русские согласились отпустить безвозмездно 10 тыс. четей ржи из Архангельска. Во время этих переговоров стало известно о заключении Данией 26 февраля 1658 г. мира со шведами в Роскилле (предлагаемый датчанами проект договора включал пункт об отказе от сепаратного мира со Швецией). 25 апреля 1658 г. Ханс Ольделанд был отпущен с ответом русского правительства, в котором отвергались все предложения датчан. Упрекнув короля слегка в том, что он «с швейским Карл-Густавом королем учинил мир, а ведома о том царскому величеству не учинено», царь все же заверял, что «в нелюбье» он королю этого не ставит и хочет оставаться с королем в «братской дружбе и любви».

3-е датское посольство.

Новое посольство Ханса Ольделанда прибыло в Москву 23 марта 1659 г. 25 марта состоялся официальный прием в Кремле, а на следующий день посланник был на «тайном совещании» с теми же уполномоченными лицами, что и в первый свой приезд – Ф.Ф. Волконским, И.А. Гавреневым и Алмазом Ивановым. Х. Ольделанд сообщил о готовности короля заключить союз против шведов и проинформировал о победах, которые Дания стала одерживать над Швецией (военные действия на датско-шведском фронте возобновились уже в августе 1658 г.). Посол передал также, что король просит царя не мириться со шведами, не списавшись с ним, и, напротив, заключить мир с Речью Посполитой, а также ходатайствовать об освобождении курляндского герцога из Швеции и, наконец, позволить купить 10 тыс. четей хлеба в России. До середины мая Ольделанд ожидал ответа царя, но на прощальной аудиенции, которая состоялась 16 мая, он получил лишь отпускную грамоту и краткое устное объяснение от Алмаза Иванова относительно закупки хлеба. Посланник счел это неудовлетворительным и потребовал от Посольского приказа письменного ответа на все свои предложения, в противном случае отказываясь покинуть Москву. 27 мая, наконец, был получен письменный ответ, в котором сообщалось, что у царя мир со шведами (20 декабря 1658 г. был заключен Валиесарский договор), и он того же желает датскому королю; с Польшей царь готов помириться, а о герцоге курляндском уже говорили со шведскими послами. Относительно материальной помощи государь распорядился отпустить 5 тыс. четей зерна (вместо просимых 10 тыс.)⁴. 29 мая 1659 г. Ханс Ольделанд отправился из Москвы.

Обстоятельства, влиявшие на переговоры

Очевидно, что переговоры распадаются на два этапа. На первом из них, с конца мая 1656 до начала 1657 г.⁵, Россия занимала активную позицию, настойчиво предлагая и торопя Данию с заключением военного союза, а Дания колебалась и затягивала переговоры. Второй этап, примерно с начала 1657 до мая 1659 г., характеризовался сменой позиций переговаривающихся сторон до прямо противоположных: теперь Дания была заинтересована в союзе с Москвой, а русское правительство медлило с принятием решения и в конечном итоге отказалось от заключения договора. Для того, чтобы понять поведение каждой из сторон на переговорах, необходимо учитывать внешние и внутренние условия, определявшие позиции Дании и России.

Россия, которой принадлежит инициатива открытия переговоров, отправила свое первое посольство из Москвы, когда решение о смене внешнеполитического курса страны — приостановка войны против Речи Посполитой и начало войны со Швецией за выход к Балтийскому морю — было уже принято⁶. Военные успехи Швеции, захватившей значительную часть польской территории в 1655 г., обострили русско-шведские отношения. Попытки шведов, крайне не заинтересованных в начале войны с Россией, урегулировать назревающий конфликт дипломатическим путем не увенчались успехом. Полагают, что решение о войне против Швеции было принято царем еще в декабре 1655 г., поэтому на переговорах со шведскими послами в Москве в марте 1656 г. Россия заняла непреклонную позицию, взяв курс на разрыв дипломатических отношений⁷. С этого времени русское правительство спешно пыталось найти себе союзников против Швеции, что сильно затруднялось из-за неоконченности войны с Речью Посполитой, которую в конфликте со шведами поддерживали не только католические государства, ее традиционные союзники, но и другие страны Европы, в том числе Дания. Кроме того, русское правительство, не связанное тесно с большой европейской политикой, не имело еще ясного представления о том, насколько другие европейские страны готовы вмешаться в русско-шведскую войну. Посольство Д.Е. Мышецкого в Курляндию, Бранденбург и Данию носило поэтому в какой-то степени разведывательный характер⁸. Следует заметить, что с начала восточноевропейского кризиса в 50-е гг. это была не первая попытка Москвы вступить в политический контакт с Данией. Предпринимая широкую дипломатическую акцию накануне русско-польской войны, русское правительство направило среди других и посольство в Данию во главе с А.А. Кокошкиным (находился в Копенгагене с конца марта по конец июня 1654 г.), которое должно было разъяснить причины разрыва мирных отношений с Речью Посполитой и обратиться с просьбой о продаже мушкетов Москве. В ответе Фредерика III было выражено неудовольствие началом русско-польской войны и содержался отказ продать оружие⁹. В 1656 г. Москва предлагала союз против злейшего врага Дании и была вправе рассчитывать на успех, хотя открытие военных действий не ставилось в зависимость от результатов миссии Мышецкого. О начале войны в июне русский посланник узнал в Копенгагене. Далее, если смотреть на переговоры с русской стороны, события развивались следующим образом. Летом русские вели успешное наступление в Лифляндии и Ингерманландии: захватив Нотебург, Ниеншанц, Динабург, Кокенгаузен и другие места, в конце августа войска приступили к осаде Риги. Заверения датского посла, прибывшего в августе в военный лагерь царя, о заинтере-

сованности Дании в союзе, хотя и не содержали никаких конкретных обещаний об открытии второго фронта, не вызвали у русских, как кажется, никаких сомнений. В царской грамоте от 17 августа содержалось предложение начать совместные действия «нынешним летом» и не заключать сепаратного мира в течение двух—трех лет¹⁰. Россия в этот момент нуждалась союзе с Данией как никогда за время переговоров. Русским, не имевшим своего флота, было очень важно получить помощь датских военных кораблей при осаде Риги. Кроме того, Россия начала войну, не имея союзников, и могла оказаться в международной изоляции.

Что же касается Дании, то для нее ситуация на первом этапе переговоров складывалась следующим образом. Неудачная для Дании война со Швецией 1643—1645 г. закончилась миром в Бремсебру, по которому она теряла острова Эзель и Готланд, а также отдавала шведам на 30 лет несколько норвежских провинций. По Вестфальскому миру 1648 г. главный враг датчан Швеция получила важные опорные пункты в Северной Германии, где она держала огромную ничем не занятую армию и откуда постоянно угрожала Дании. Положение ухудшалось еще и тем, что после Тридцатилетней войны Дания оказалась в опасной политической изоляции и поэтому предпринимала огромные усилия к поиску союзников. Наиболее предпочтительным казался союз с Нидерландами. Стремление шведов к господству в Балтийском регионе насторожило Нидерланды, поэтому в 1649 г. они пошли на заключение договора с Данией, в котором был пункт о взаимной помощи на случай агрессии третьей стороны. После окончания англо-голландской морской войны 1651—1654 г. Дания заключила дружественный договор также с Англией. Заключение этих союзов, что было несомненным успехом датской дипломатии, удержало Швецию от нападения на Данию, вместо этого удар был нанесен по Речи Посполитой. В 1654 г. на шведский престол вступил решительный и энергичный король Карл X Густав, предпочитавший решать проблемы не политическим, а военным путем, и в июле 1655 г. он совершил нападение на Польшу, положившее начало первой Северной войне (1655—1661 гг.), одному из крупнейших конфликтов столетия, в который постепенно в той или иной степени были втянуты многие европейские страны. Реакцией на начало шведско-польской войны внутри Дании было повышение воинственных настроений, однако сдерживающим фактором служила позиция Нидерландов, заинтересованных в сохранении мира на Балтике¹¹. Для охраны своих торговых интересов и поддержания стабильности в регионе в мае 1656 г. в Балтийское море вошел голландский флот.

Предложение о немедленном союзе против шведов, с которым в это время обратились русские, могло вызвать некоторую растерянность в

высших политических кругах Дании. С одной стороны, оно отвечало росту антишведских настроений, с другой — принятие его могло разрушить отношения Дании с ее западными союзниками. В существовавшей в тот период системе двоевластия в Дании, когда король и ригсрод проводили каждый свою линию, ожидать от нее быстрой и определенной реакции на предложение царя было, видимо, нереальным. Осторожная резолюция ригсрода на русское предложение, о которой Мышецкий не был поставлен в известность, свидетельствует скорее всего о возобладании курса на сохранение мира со Швецией¹². В то же время изучалась возможность создания широкого антишведского союза европейских стран, в который вместе с Данией, Нидерландами, Империей и Испанией могла войти и Россия¹³. Неудача в переговорах с Веной показала беспочвенность надежд Дании на создание широкой коалиции. Во время вторичного пребывания Мышецкого в Копенгагене король сделал свое известное обращение от 10 сентября к ригсроду: «Поскольку в эти необычные времена, по воле всемогущего Бога, наблюдаются большие перемены, которые эти страны и государства с божьей милостивой помощью и добрым советом могли бы использовать на свое благо, ибо нам с разных сторон предлагаются большие договоры, хотя нам кажется, что все наши соседи и те, с кем мы должны заключить договоры, имеют в руках оружие и поэтому могут разговаривать с большей властью, чем мы, которые не вооружились. Мы поэтому милостиво просим, чтобы Вы, добрые господа, покорнейше дали нам понять, как, по Вашему мнению, можно лучше использовать эти времена и задуманные договоры с русскими, шведами и голландцами, и не считаете ли Вы благоразумным и полезным с большей мощью, чем обычно, проявлять наше твердое намерение и замысел...»¹⁴. Смысл этого обращения более или менее понятен. По мнению короля, у Дании две возможности: договориться со шведами, либо заключить союз с русскими и голландцами. Обращение содержит также призыв к ригсроду о наращивании мощи датской армии. К огромному разочарованию датского правительства в это время пришло сообщение о том, что 1 сентября 1656 г. в Эльблонге (Королевская Пруссия) голландцам удалось договориться со шведами о льготном взимании пошлин с голландской торговли на Балтике и урегулировать вопрос о Данциге¹⁵. Сообщение об Эльблонгском договоре оказалось решающим для исхода русско-датских переговоров. Планы о заключении трехстороннего союза провалились, а без поддержки западных союзников Дания не решалась вступить в войну против Швеции. Осенью 1656 г. переговоры были заморожены.

Наступательная позиция Швеции и ее провокационные действия в отношении Дании (приютила могущественного противника Фредерика III

Корфица Ульфельда, сблизилась с непримиримым врагом Дании герцогом готторпским, взимала пошлины с судов в Балтийском море и пр.) делала конфликт неизбежным. В декабре 1656 г. ригсрод дал согласие на значительное увеличение военных сил Дании и на переговоры о союзе с врагами Швеции — Речью Посполитой, Россией и императором¹⁶. Переговоры с Мышецким, как уже было сказано, возобновились 10 января и начался второй их этап, когда активным сторонником заключения союза становится Дания. Принципиальное решение о войне было принято на сословном собрании в Оденсе 23 февраля 1657 г. 1 июня Фредерик III объявил войну Швеции. Это решение было для Дании судьбоносным. Страна не была подготовлена к войне должным образом, шведская армия значительно превосходила датскую по численности и опытности солдат — ветеранов Тридцатилетней войны. Для усиления обороноспособности Дании нужно было проведение военно-административных реформ, создание наемной профессиональной армии вместо более дешевой, но неэффективной национальной милиции, но на это не шел ригсрод, опасавшийся усиления королевской власти и утраты своего контроля над армией. Некоторые меры по укреплению обороноспособности, на которые он наконец согласился перед лицом войны со Швецией, не могли решающим образом поднять боеспособность датской армии¹⁷. В условиях двоевластия и скрытой конфронтации ригсрода и монарха Дания не могла эффективно решить ни одну из своих проблем. Объявляя войну, король рассчитывал на то, что шведская армия прочно увязла в Польше и Лифляндии. Кроме того, Дания начала войну, не имея союзников: с Нидерландами у нее был оборонительный союз, с открытыми врагами шведов — Польшей и Россией — договоры не были заключены, надежды на присоединение Австрии к противникам Швеции оказались призрачными¹⁸. Датская армия удачно начала кампанию, овладев архиепископством Бремен. Но уже в июне месяце Карл X Густав со значительными силами решительно выступил из Западной Пруссии и вторгся в Гольштинию. Датская армия в панике отступала и за несколько месяцев оккупация Ютландии стала свершившимся фактом¹⁹.

Отчаявшись найти союзников на западе, Дания пыталась оживить переговоры с Россией. 21 сентября 1657 г. Мышецкий и датское посольство Ольделанда покидают Копенгаген и в начале зимы достигают русской столицы. Посольство Ольделанда, по мнению некоторых исследователей, заведомо было обречено на неудачу²⁰. После снятия безуспешной осады Риги осенью 1656 г. Россия воздерживалась от активных боевых действий против шведов. Началась дипломатическая подготовка русско-шведских мирных переговоров, когда каждая из сторон стремилась до-

биться заключения мира на выгодных для себя условиях. 23 февраля 1657 г. (в тот самый день, когда сословное собрание в Дании высказывалось за войну со шведами) боярская дума в Москве, не отказываясь от продолжения войны со шведами, предписывала дипломатам продолжать мирные переговоры²¹. Открытие датско-шведского фронта, чего русские так упорно добивались на первом этапе переговоров, произошло без их участия. Дания терпела страшное поражение от Швеции, и Россия не видела никаких выгод для себя в том, чтобы предоставить ей широкую материальную и военную помощь, а также брать на себя обязательства уступить датскому королю некоторые области в случае их завоевания. Этим и объясняется холодный тон, каким говорили с датским посланником зимой 1657 г. в Москве.

Тем временем Карл Густав одерживал новые победы в Дании. Создание осенью 1657 г. антишведского союза Речи Посполитой, Австрии и Бранденбурга вынуждало короля к быстрому завершению конфликта с Данией. Шведам помогла погода: сильный мороз зимой 1657/58 г. сковал проливы льдом, и шведским войскам удалось совершить исторический переход из Ютландии на Зеландию через Малый и Большой Бельт. Дания срочно предложила заключить мир, который и был подписан 26 февраля 1658 г. в Роскилле. За мир пришлось заплатить дорого: кроме уступки огромной территории (всех областей к востоку от Зунда), Дания вынуждена была согласиться на целый ряд унижительных для нее условий²². Сообщение о заключении Данией Роскильского мира Москва восприняла довольно спокойно. Царь, не преминув упрекнуть короля в заключении мира без его ведома, все-таки выразил понимание, что это «учинилось от большого принуждения»²³.

Никто не верил в истинность мирных намерений Карла Густава. Состояние ни мира, ни войны продолжалось несколько месяцев, шведские войска по-прежнему хозяйничали на датской территории, и переговоры по многим неясным пунктам Роскильского договора продолжались. Военные действия возобновились в августе 1658 г., и на этот раз Карл Густав решил завершить разгром Дании, уничтожив ее как самостоятельное государство, и установить полный контроль за торговлей на Балтике. Началась вторая датско-шведская война. Планы молниеносного разгрома Дании не осуществились благодаря мужеству защитников Копенгагена, которым удалось отстоять свой город, а также подоспевшей вовремя помощи нидерландского флота. Шведский король стоял перед лицом затяжной изматывающей войны. К этому времени начали действовать и другие противники Швеции. Бранденбургский курфюрст вторгся с польско-немецкой армией на территорию герцогства и в течение осени

1658 г. изгнал шведские войска из Ютландии. В решение датско-шведского конфликта вмешались также Франция, Англия и Нидерланды, и под международным давлением начались датско-шведские переговоры, которые шли очень тяжело из-за неуступчивости Карла Густава. Путь к миру открылся после его внезапной кончины в январе 1660 г. В мае 1660 г. при посредничестве западных держав был подписан мир в Копенгагене, в котором закреплялись с некоторыми изменениями основные положения Роскильского договора²⁴.

Третье датское посольство было отправлено из Копенгагена в ноябре 1658 г., когда Дания все еще находилась в тяжелейшем положении. Вряд ли она надеялась после первого неудачного посольства Ольделанда на заключение полномасштабного военного союза с русскими, однако могла рассчитывать на материальную поддержку со стороны России, а, кроме того, хотела удержать ее от заключения мира со шведами. Когда же Ханс Ольделанд достиг Москвы в марте 1659 г., оказалось, что Россия уже заключила Валиесарское перемирие со Швецией (20 декабря 1658 г.), и переговоры о создании военного союза становились бессмысленными. Как кажется, русские вообще хотели оставить датское предложение без ответа, и только настойчивость Ханса Ольделанда заставила Посольский приказ определиться по всем предложенным пунктам. Русско-датские переговоры о союзе на этом закончились. В июне 1660 г. Россия, не достигнув к тому времени соглашения со шведами, попыталась восстановить доверительные отношения с Данией, послав в Копенгаген Я.Р. Кокошкина с подтверждением братской дружбы²⁵, однако вопрос об антишведском союзе уже не поднимался, так как вторая датско-шведская война была закончена подписанием разгромного для Дании Копенгагенского мира.

Датско-русские переговоры совпали с драматическим моментом в истории Дании, повлекшим за собой и коренные перемены в ее государственном устройстве. Дания вышла из войны с огромными территориальными потерями и сильно ослабленной; Ютландия находилась на грани демографической катастрофы. Война обострила внутренние противоречия между сословиями, между знатью и королем. Страна нуждалась в политических реформах. Уже через несколько месяцев после заключения мира на собрании сословных представителей в Копенгагене королю удалось совершить антиаристократический переворот и установить абсолютистский режим, который несколько лет спустя в 1665 г. с принятием «Королевского закона» (Kongeloven) приобрел конституционный характер. Для России переговоры проходили на фоне русско-шведского и русско-польского конфликтов. Война со Швецией закончилась подписанием в 1661 г. Кардисского мира, по которому Россия отказалась от всех

завоеванных земель, и ей пришлось надолго отказаться от идеи получить выход к Балтийскому морю. Поражение Дании в войнах со Швецией и безуспешность попыток России выйти к Балтийскому морю в 50-е гг. XVII в. не в последнюю очередь обусловлены тем, что обе страны не нашли себе союзников и не смогли договориться между собой. Дания слишком медлила на первом этапе переговоров, увязывая заключение союза с царем с созданием широкой антишведской коалиции европейских стран. Россия, не добившись заключения договора летом-осенью 1656 г., слишком рано, еще не урегулировав конфликт со шведами, охладела к идее заручиться поддержкой Дании. Какими бы причинами ни объяснялась безрезультатность переговоров – просчеты русской и датской дипломатий, историческая несвоевременность или политическая нецелесообразность заключения союза, – историческое значение их заключается в том, что они способствовали не только установлению постоянных дипломатических отношений двух стран, но и их сближению, расширению представлений о государственных и национальных традициях друг друга, создавая предпосылки для военного сотрудничества в Северной войне.

Историография

Русско-датские переговоры в 50-е гг. XVII в. неоднократно затрагивались в трудах русских и скандинавских ученых в связи с рассмотрением событий первой Северной войны или истории русско-датских отношений²⁶. В начале XIX в. Н.Н. Бантыш-Каменский составил обзор русско-датских отношений XVI–XVII вв. по документам фонда «Сношения России с Данией» тогдашнего Московского архива Коллегии иностранных дел (опубликован впервые в 1894 г.), в котором нашли место и материалы о переговорах в 50-е гг. XVII в.²⁷. Среди трудов известных русских историков прошлого столетия заслуживают внимания сочинения С.М. Соловьева, Г.В. Форстена и Ю.Н. Щербачева. Русско-датские отношения, в том числе и интересующие нас переговоры, нашли свое отражение на страницах многотомной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева²⁸, работа которого содержит обширные цитаты из документов. Фундаментальное сочинение Г.В. Форстена, посвященное балтийскому вопросу в XVI–XVII вв., написанное на основе материалов из европейских, в том числе и Копенгагенского, архивов, доведено автором лишь до 1648 г., а не до 1660, как предполагалось вначале, однако оно важно для изучения предыстории вопроса²⁹. В его статьях о датских дипломатах при русском дворе во второй половине XVII в., написанных с использо-

ванием дипломатических актов Государственного архива в Копенгагене, рассказывается и о посольстве Германа Коса в 1656 г.³⁰ Сильной стороной Форстена было знание иностранных архивов, а слабой — неиспользование отечественных хранилищ, поэтому его работы, по мнению критиков, страдают некоторой односторонностью³¹. Особое место в истории изучения русско-датских связей занимают труды выдающегося русского археографа Юрия Николаевича Щербачева. Будучи в 80-х гг. прошлого столетия первым секретарем посольства России в Дании, он проделал огромную работу в Государственном архиве Копенгагена, изучив хранящиеся там материалы по русской истории, главным образом, памятники дипломатических отношений между Россией и Данией XIV—XVIII вв. Им подготовлен подробный указатель документов Копенгагенского архива по этой теме, опубликованный в известной книге «Датский архив»³². Результатом работы Щербачева в Копенгагенском архиве стал ряд фундаментальных публикаций источников. В издание «Русские акты» вошли и шесть царских грамот, отправленных Алексеем Михайловичем Фредерику III во время переговоров 1656—1659 гг.³³

В послереволюционное время русско-датские переговоры середины XVII столетия долго оставались вне поля зрения советских историков. Экономические и торговые вопросы, поднимавшиеся на переговорах, рассматривались И.П. Шаскольским³⁴. Интерес к теме, однако, возрос в наши дни. В недавно вышедшей монографии Е.И. Кобзаревой сравнительно большое место уделено русско-датским переговорам о союзе, которые рассматриваются автором в контексте дипломатической борьбы России в период первой Северной войны³⁵. Исследовательница, пожалуй, впервые в историографии широко использует документы РГА-ДА для освещения переговоров России с Данией.

В скандинавской историографии сюжет о русско-датских переговорах не обойден в фундаментальном труде Й.А. Фридеричиа «Последние дни власти аристократии». Опубликованное впервые в конце прошлого столетия это сочинение до сегодняшнего дня остается самым подробным описанием датской внешней и внутренней истории в период после смерти Христиана IV до введения абсолютизма (1648—1660)³⁶. По мнению автора, для заключения немедленного союза с Россией, чего требовал царь, у датчан «не хватило смелости», предпочтительным казался альянс с Нидерландами и Империей³⁷. Однако уже в сентябре после удачного наступления русских в Лифляндии, о чем привезли сообщение Герман Кос и Данило Мышецкий, король перестал колебаться, выбрав курс на войну со шведами (именно так трактует Фридеричиа предложение Фредерика III от 10 сентября) и приняв для себя решение о возможности заключения союза

с Россией, но и на этот раз ригсрод уклонился от ответа на ее предложение³⁸. Шведский ученый М. Карлон в докторской диссертации, посвященной военной стороне русско-шведской войны 1656–1658 гг., остановился на посольстве Мышецкого в Курляндию, Бранденбург и Данию³⁹, не затронув, однако, сути русско-датских переговоров. Датский историк Кнуд Расмуссен в своем обзоре датско-русских дипломатических связей высказал мысль о том, что Фредерик III был готов подписать договор уже в начале осени 1656 г., но Мышецкий не имел на это полномочий⁴⁰, то есть, по сути дела, союз не состоялся из-за нерасторопности русской дипломатии.

Работ, специально посвященных русско-датским переговорам в 50-е гг. XVII в., единицы. Глубокому анализу они подвергаются в сочинениях норвежца Коре Селнеса и датчанина Свена Оге Кристенсена, представляющих две разные точки зрения на переговоры. По мнению Коре Селнеса, такой союз вполне мог состояться и вина за провал переговоров лежит на Дании, а именно на Фредерике III, который не хотел этого союза, по крайней мере, на первом этапе переговоров, не понимая его выгоды для безопасности Дании. По его мнению, датский король переоценил как собственные силы, так и возможности получения поддержки со стороны западных союзников — Нидерландов и Империи⁴¹. Ответом на статью Селнеса стало исследование С.О. Кристенсена, у которого есть ссылки и на неопубликованные материалы РГАДА о переговорах. Он считает, что политика Дании не была безынициативной и Фредерик III не отнесся легкомысленно к предложению царя. Позицию Дании в начале переговоров действительно отличала неуверенность, которая объяснялась осторожностью и желанием выяснить позиции других возможных партнеров, прежде всего Нидерландов, для создания более широкой коалиции. Русские требовали быстрых и решительных действий, и король, как считает Кристенсен, был склонен принять их предложение, но его отклонил ригсрод. Что же касается Москвы, то, по его мнению, ей надо было любыми способами вовлечь Данию в войну, и когда стало ясно, что Дания не вступит в войну, то интерес к подписанию договора был потерян. Россию в тот период никак нельзя было рассматривать как надежного партнера Дании, так как балтийский вопрос и борьба со Швецией в связи с ним не были приоритетом в русской внешней политике (здесь Кристенсен присоединяется к точке зрения Б.Ф. Поршнева и других). Именно этим и объясняется непоследовательная, с его точки зрения, позиция Москвы на втором этапе переговоров⁴². В качестве комментария к этой дискуссии отметим, что для высказывания столь категорических суждений о позициях и поведении сторон необходимо гораздо более основательное исследование самих источников о переговорах. Ни в русской, ни

в зарубежной историографии нет работ, в которых был бы проведен всесторонний и детальный анализ русско-датских дипломатических отношений накануне и в период первой Северной войны на основе всех имеющихся русских и датских архивных документов. А между тем тема хорошо обеспечена источниками.

Источники

Основные документы о переговорах хранятся в РГАДА в Москве и в Государственном архиве (Rigsarkivet) в Копенгагене.

Московская часть материалов находится в собрании документов Посольского приказа, прежде всего фонде 53 — «Сношения России с Данией». К истории переговоров относится 15 единиц хранения, разных по величине и значимости включенных в них документов. В разделе фонда «Грамоты. 1574—1699» (оп. 2) имеются подлинники трех грамот Фредерика III — от 12 июля 1656 г. верительная Герману Косу, от 10 июня 1657 г. с сообщением об объявлении войны шведам и от 14 ноября 1658 г. верительная Хансу Ольделанду, в которой сообщается о нападении шведов на Данию. В разделе фонда «Книги и дела. 1516—1719 гг.» (оп. 1) хранятся две посольские книги, представляющие собой статейные списки первого и второго посольств князя Д.Е. Мышецкого в Копенгаген⁴³. Это аккуратно составленные записи дневникового характера об основных событиях и впечатлениях с момента отъезда посольства из Москвы до достижения русских рубежей на пути из Копенгагена. Составлены и переписаны они были, видимо, переводчиком Федором Мейером, сопровождавшим Мышецкого в обоих посольствах (книги помечены повторяющимися надписями «к сему статейному списку перевотчик Федор Мейер руку приложил» и «приписал Федор Мейер»). Вторая посольская книга, довольно объемная по размеру, из-за длительности посольства (Мышецкий был отпущен из Кокенгаузена 17 августа 1656 г. и прибыл в Москву из Копенгагена в 20-х числах декабря 1657 г.) имеет тематическое деление на 72 главы с предваряющим оглавлением, так что можно очень быстро найти интересующий читателя сюжет. Статьиные списки князя Мышецкого содержат богатый фактический материал об организации самого посольства, о пути его следования до места назначения, о проживании в Копенгагене, об общении с датскими официальными лицами и посланниками других государств в Дании, о разговорах, которые ходят по Копенгагену, о тонкостях дипломатического церемониала и традициях королевского двора и пр. Особенно подробно описаны приемы у

Фредерика III и переговоры с «королевскими думными людьми» с воспроизведением речей действующих лиц. Члены посольства старались собирать сведения о важных внутренних событиях Дании, о состоянии ее флота и армии, а с началом датско-шведской войны и о ходе военных действий. Статейные списки Мышецкого представляют ценность не только как богатый источник для изучения международных отношений, но и как памятник деловой письменности своего времени, свидетельствующий о языке, восприятии мира, степени информированности, восприятии других народов, личных качествах русского человека XVII столетия. Они, несомненно, заслуживают опубликования⁴⁴.

Кроме двух посольских книг, в фонде «Сношения России с Данией» к переговорам относится еще 10 дел, включающих документы в столбцах. Здесь переводы королевских грамот, письма датских послов и различная документация Посольского приказа: копии царских грамот иностранным правителям, переписка Мышецкого с Посольским приказом, грамоты местным воеводам в связи с продвижением посольства, их отписки, финансовые документы, переписка между приказами, наказы Мышецкому и описание приема датских посланников, протоколы переговоров, проекты договоров и другие документы, типичные для дел, связанных с отправлением посольства за рубеж и приемом иностранных посланников⁴⁵. Кроме того, большой интерес представляют пометы и исправления, сделанные дьяками Посольского приказа и лично Алмазом Ивановым. Например, в документах, относящихся ко второму посольство Ханса Ольделанда, количество отпускаемого датчанам хлеба последовательно исправлено с 10 тыс. четей, как просили датчане, на 5 тыс.⁴⁶. Служебные пометки показывают, с какими документами был ознакомлен царь лично. Интересно и то, что в это время в Посольском приказе не было человека, знавшего датский язык, поэтому королевские грамоты и другие документы на датском проходили двойной перевод — с датского на немецкий кем-либо из иностранцев на царской службе, а затем с немецкого на русский переводчиком Посольского приказа⁴⁷. Даже беглый просмотр этих документов позволяет говорить о богатстве содержащегося в делах материала, тщательное изучение которого даст возможность не только восстановить ход переговоров в деталях, но и может существенно повлиять на их интерпретацию.

Кроме основных документов из фонда «Сношения России с Данией», в фонде «Приказ тайных дел» имеется «проект полномочия князю Мышецкому»⁴⁸. Это готовый вариант царской грамоты от 1 марта, которая должна была быть отправлена за личной подписью Алексея Михайловича. В нем сделаны исправления в предполагаемой подписи царя. Первое посольство Мышецкого, как известно, имело целью ведение пе-

реговоров также с Бранденбургом и Курляндией, поэтому материалы о переговорах с курфюрстом и герцогом курляндским (беседы с Якубусом о предполагаемых договорах Мышецкий имел и на обратном пути из Копенгагена в 1656 и 1657 гг.), хранящиеся в фондах «Сношения России с Пруссией» и «Сношения России с Курляндией», могут содержать материал, касающийся планов России о союзе с Данией, так же, как данные о русско-курляндских и русского-бранденбургских отношениях содержатся в материалах о посольствах Мышецкого в фонде «Сношения России с Данией».

В Государственном архиве Копенгагена материалы о русско-датских переговорах в 50-е гг. XVII в. находятся в собрании документов Немецкой канцелярии в двух фондах: «Датская канцелярия, Отдел внешних сношений» (сокращенно DKUA) и «Немецкая канцелярия. Отдел внешних сношений» (TKUA). В системе датской центральной администрации имелись две канцелярии – Датская (для Дании и Норвегии) и Немецкая (для Шлезвига, Гольштинии и Ольденбурга). Немецкая канцелярия служила лично королю, и ее секретарями были немцы с юридическим образованием. Секретарями Датской канцелярии были молодые датские дворяне, получавшие здесь опыт ведения государственных дел. Она в большей степени находилась под контролем ригсрода, так как канцлер был его членом. Внешние сношения, считавшиеся прерогативой короля, находились в ведении Немецкой канцелярии. Однако дела со Швецией и Россией с начала XVII в. по настоянию ригсрода проходили через Датскую канцелярию. Переписка в Немецкой канцелярии велась на немецком и латыни, а в Датской на датском. На практике же разграничение между двумя канцеляриями в отношении переписки с заграницей не было очень строгим. Они находились в одном здании, и документы одинакового рода и написанные одной рукой исходили из обоих канцелярий ⁴⁹.

После установления абсолютизма внешние сношения были соединены в одном ведомстве, сначала в Датской, а затем исключительно в Немецкой канцелярии, где постепенно был выделен иностранный отдел. После учреждения в 1670 г. Тайного совета, принимавшего важнейшие решения по вопросам внешней политики, Датская и Немецкая канцелярии функционировали как секретариаты при нем. Документы по связям с заграницей в XVII в. после объединения внешних сношений в одном ведомстве хранились в архиве Немецкой канцелярии ⁵⁰. В результате последней реорганизации Копенгагенского Государственного архива в начале нашего столетия, когда фондообразователем стало учреждение, через которое проходил тот или иной документ в свое время, материалы о переговорах оказались в двух фондах. В фонде «Датская канцелярия. От-

дел внешних сношений» хранятся главным образом книги с копиями входящей и исходящей корреспонденции и относящимися к ней рабочими материалами, а в Особом отделе фонда «Немецкая канцелярия. Отдел внешних сношений» откладывались входящие письма и другие документы внешнеполитической деятельности, независимо от того, проходили дела через Датскую или Немецкую канцелярию. Кроме того, в этот раздел фонда включены отчеты датских посланников и архивы посольств⁵¹.

В фонде «Датская канцелярия. Отдел внешних сношений по 1670 г.», № I, имеется один том с подшивкой документов за 1631–70 гг. — «Русские акты», а также папка с черновыми набросками и приложениями к «Русским актам» (№ 3. 1632–68 гг.)⁵². Эти документы в основном описаны в известном издании Ю.Н. Щербачева «Датский архив». Сюда входят переводы царских грамот и наказных речей Мышецкого, копии королевских грамот царю, верительных грамот датских посланников и прочая дипломатическая переписка, а также черновые наброски к этим документам⁵³.

В Особом отделе фонда «Немецкая канцелярия. Отдел внешних сношений» документы, хранящиеся по странам, разделены на пять групп: «Переписка между правящими домами», «Акты и документы, касающиеся политических отношений с Россией», «Дела, касающиеся торговли и мореплавания и пр.», «Отчеты послов» и «Архивы посольств». Внутри каждой из пяти групп материалы подобраны хронологически и тематически. В первой группе среди прочего находятся подлинники грамот Алексея Михайловича к Фредерику III. Во второй группе имеется дело, содержащее документы, касающиеся Мышецкого (1656), Германа Коса (1656) и Ханса Ольделанда (1658). В другом деле этой же группы хранятся указы Герману Косу (1656) и Хансу Ольделанду (1657–58). Кроме того, в Приложении к Особому отделу находятся финансовые отчеты посольств, где содержатся ведомости по издержкам посольства Германа Коса и обоих посольств Ханса Ольделанда⁵⁴.

Документы о русско-датских отношениях в Копенгагенском архиве, как мы уже говорили выше, просматривались и частично описывались в прошлом столетии рядом ученых, однако их обзоры не идут в сравнение с огромной работой, проделанной Ю.Н. Щербачевым, который описал и скопировал большую часть документов, а затем издал многие из них. В его обзоре «Датский архив» к переговорам в 50-е гг. относятся 30 документов и 6 из них опубликованы в «Русских актах» — это в основном царские грамоты 1656–1659 гг. (верительная грамота Мышецкого от 8 марта 1656 г.; царская грамота 17 августа с извещением о ходе военных действий и с предложением вступить в союз против Швеции; от того же числа царская грамота к королю об отпуске королевского посланника Германа Коса и посылке

князя Мышецкого; отпускная грамота для Ханса Ольделанда от 25 апреля 1658 г.; видимо, от того же числа ответ русского правительства на предложение датского посланника Ханса Ольделанда касательно союза против Швеции; список с царской грамоты от 18 мая 1659 г. об отпуске из Архангельска лицу, которое будет прислано от датского короля, 5 тыс. четвертей ржи). Не все датские документы скопированы Щербачевым, по его собственному признанию⁵⁵, а отдельные не учтены⁵⁶. Недостатком издания Щербачева является отсутствие точных указаний на место хранения того или иного документа. В этом, впрочем, нельзя винить ученого, так как во время его работы в Копенгагенском архиве началась реорганизация, и материалы отдела «Россия» подверглись перетасовке, их разложили по новой системе, а некоторые поместили в другие отделы, и таким образом подготовленные Щербачевым указания утратили значение⁵⁷. Еще во времена Щербачева возникла мысль опубликовать все документы, скопированные им в Копенгагенском архиве, как русские, так и датские, вместе с материалами, касающимися русско-датских отношений, из Московского архива. Но из-за вполне понятных сложностей такого фундаментального труда от идеи пришлось отказаться⁵⁸. До сегодняшнего дня издание Щербачева русских документов из Копенгагенского архива остается единственной публикацией источников о русско-датских переговорах в 50-е гг. XVII в. из солидного собрания Немецкой канцелярии.

Акты Датской и Немецкой канцелярии не освещают, однако, процесса принятия политических решений по внешнеполитическим вопросам, которые принимались королем с согласия ригсрода. Предложение царя и мнение короля о возможности заключения союза с русскими, инструкции датским посланникам в Россию и их отчеты о посольстве обсуждались на заседаниях ригсрода, поэтому важнейшим источником о переговорах являются протоколы ригсрода, хранящиеся в коллекции материалов ригсрода в Государственном архиве в Копенгагене. Сохранился дневник секретаря ригсрода Кристена Скеля за 1649–1659 гг., где всё обсуждавшееся в ригсроде местами описано им более подробно, чем в протоколах, которые в интересующий нас период вел также Кристен Скель. Дневник Скеля с подстрочными указаниями на разночтения и дополнения, извлеченные из протоколов ригсрода, опубликован в середине XIX в.⁵⁹. Здесь содержатся очень ценные сведения о позициях короля и членов ригсрода, не всегда совпадавших, относительно заключения русско-датского наступательного союза и о тактике ведения переговоров, определяемой высшими политическими кругами Дании.

В рукописном отделе Королевской библиотеки Копенгагена находятся «Воспоминания Ханса Ольделанда о последнем путешествии в Москву»

и «Последнее посольство и путешествие Ханса Ольделанда в Москву, 23 марта 1659, описанное Андреем Роде, секретарем посольства»⁶⁰. Текст последнего издан в переводе с немецкого на русский язык В. Кордтом в 1916⁶¹. Опубликованный дневник Андрея Роде охватывает время с 23 марта по 4 июня 1659 г. и представляет собой подневные записи с развернутым описанием наиболее примечательных событий (въезд в столицу, прием в Кремле, церковные праздники и пр.), с характеристикой быта и нравов столичных жителей, прежде всего иностранцев. Что касается переговоров, то живое описание Андрея Роде, несомненно, дополняет документы Посольского приказа, хранящиеся в деле о вторичном приезде Ханса Ольделанда⁶².

Дополнительными источниками о русско-датских переговорах служат письма послов иностранных государств в Копенгагене, пристально наблюдавших за ходом переговоров. Послания шведского резидента в Копенгагене Магнуса Дуреля к Карлу X Густаву в 1656–1657 гг. из Стокгольмского архива и письма нидерландских послов Генеральным штатам в 1656–1658 гг. из Гаагского архива опубликованы в первой половине прошлого столетия в датском переводе⁶³. Эти документы содержат ценные свидетельства о реакции заинтересованных стран на переговоры между Россией и Данией, дополняют данные русских и датских источников о пребывании Мышецкого в Копенгагене, отмечают некоторые детали, связанные с ходом переговоров и пр.

¹ Деятельность русской дипломатии в Европе в период первой Северной войны глубоко проанализирована в недавно вышедшей монографии Е.И. Кобзаревой: *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах*. М., 1998. Хронологически и тематически она как бы продолжает труд Л.В. Заборовского, посвященный дипломатическим отношениям России накануне первой Северной войны: *Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.* М., 1981.

² Ход переговоров достаточно хорошо освещен в литературе. См.: *Christensen S.A. Dansk-russische Verhandlungen und russische Aussenpolitik in den Jahren 1656–1659 // Scando-Slavica*. Т. 21. Copenhagen, 1975. S. 139–152; *idem. Dansk-russiske forbindelser i erene 1602–1658 // Danmark og Rusland i 500 år*. København, 1993. S. 55–61; *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 91–100, 127–139, 232–234.

³ *Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива*. СПб., 1897 (Русская историческая библиотека, Т. XVI). Кол. 814–820.

⁴ По оценке специалистов, поставленные Дании по просьбе первого и второго посольства Ханса Ольделанда соответственно 10 тыс. и 5 тыс. четей ржи, являются скромной помощью: *Christensen S.A. Dansk-russiske forbindelser...* S. 59; *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 233. О казенной торговле хлебом из Архангельска как замаскированной форме экономической субсидии писал И.П. Шаскольский. См.: *Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России*. Л., 1970. С. 37–40.

-
- ⁵ Разговор Мышецкого с ригсгофмейстером и канцлером 10 января 1657 г., состоявшийся после долгого перерыва, считается поворотным пунктом на переговорах: *Christensen S.A. Danisch-russische Verhandlungen...* S. 146; *idem. Dansk-russiske forbindelser...* S. 58.
- ⁶ Борьба вокруг внешнеполитического курса России в период первой Северной войны освещена с учетом предшествующих исследований по этой теме в вышеупомянутой монографии Е.И. Кобзаревой.
- ⁷ *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 86–89.
- ⁸ Там же. С. 91–93.
- ⁹ *Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция...* С. 33.
- ¹⁰ *Щербачев Ю.Н. Русские акты...* Кол. 805.
- ¹¹ *Danmarks historie. Bd. 3. Tiden 1648–1730 af Knud J.V. Jespersen. København, 1989. S. 126–132.*
- ¹² *Christensen S.A. Danisch-russische Verhandlungen...* S. 143.
- ¹³ *Fridericia J.A. Adelsvældens sidste dage: Danmarks historie fra Christian IV's død til enevældens indførelse (1648–1660). København, 1894 (1975). S. 230.*
- ¹⁴ Перевод наш по изд.: *Rigsraad Christen Skeels Dagbog, ført i Rigsraadet 1649–1659 // Danske Magazin III. R. 4. 1854. S. 287.*
- ¹⁵ *Fridericia J.A. Adelsvældens sidste dage...* S. 232–233.
- ¹⁶ *Danmarks historie. Bd. 3. S. 130–132.*
- ¹⁷ *Ibid. S. 132–137.*
- ¹⁸ *Fridericia J.A. Adelsvældens sidste dage...* S. 253.
- ¹⁹ *Danmarks historie. Bd. 3. S. 138–139.*
- ²⁰ *Christensen S.A. Danisch-russische Verhandlungen...* S. 146–147.
- ²¹ *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 140–148.
- ²² *Danmarks historie. Bd. 3. S. 139–142.*
- ²³ *Щербачев Ю.Н. Русские акты...* Кол. 820.
- ²⁴ *Danmarks historie. Bd. 3. S. 145–150.*
- ²⁵ *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 267.
- ²⁶ Состоянию исследований русско-датских отношений уделено внимание в кн.: *Кристенсен С.О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 154–155. Довольно полный обзор работ русских ученых по истории Дании сделан В.А. Антоновым в коллективном труде: История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 419–431.*
- ²⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 228–230.*
- ²⁸ *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V (Т. 10). М., 1961. С. 657, 669–670.*
- ²⁹ *Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893–1894. Т. 1–2.*
- ³⁰ *Он же. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904, Кн 9.*
- ³¹ *Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 63–64.*
- ³² *Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893.*
- ³³ *Он же. Русские акты...* Кол. 795–822.
- ³⁴ *Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией...* С. 40.
- ³⁵ *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 91–100, 127–139, 232–234.

-
- ³⁶ *Fridericia J.A.* Adelsvældens sidste dage...S. 230–239 ff.
- ³⁷ Ibid. S. 230.
- ³⁸ Ibid. S. 231–232.
- ³⁹ *Carlou M.* Ryska Kriget 1656–1658. Stockholm 1903. S. 18–19.
- ⁴⁰ *Rasmussen K.* Historie og diplomati // Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. København, 1964. S. 29–30.
- ⁴¹ *Selnes K.* Russland und der Krieg im Norden 1657–60 // Scando-Slavica. T. XI. Copenhagen, 1965. S. 263–272.
- ⁴² *Christensen S.A.* Danisch-russische Verhandlungen...S. 139–152. См. также: *idem.* Dansk-russiske forbindelser... S. 55–60.
- ⁴³ Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). Сост. *Н.М. Рогожин.* М., 1990. С. 75.
- ⁴⁴ Опубликовано только два статейных списка русских посольств в Данию в XVI–XVII в.: статейный список посольства А. Ромодановского, И. Висковатого и П. Совина (1564 г.) и статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.). См.: Там же. С. 73–74.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. 1656 г. № 1, 2, 4, 5, 6; 1657 г. № 1, 2; 1658 г. № 1, 2; 1659 г. № 1.
- ⁴⁶ Там же. 1659 г. № 1. Л. 205 (Указ об отпуске хлеба из Архангельска) и др.
- ⁴⁷ Там же. 1656 г. № 1. Л. 47 (пометка к переводу грамоты Фредерика III от 2 июля 1656 г.).
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. № 106. Л. 1.
- ⁴⁹ Tyske cancelli. II. Ved *Arthur G. Hassø og Erik Kroman.* København, 1962 (Vejledende arkivregistraturer XI). S. 2–3.
- ⁵⁰ *Jørgensen F., Westrup M.* Dansk centraladministration i tiden indtil 1848. Viborg, 1982. S. 42–53; Rigsarkivet og hjælpemidlerne til dets benyttelse. I. Bd. 1. København, 1983. S. 301–302.
- ⁵¹ Rigsarkivet... S. 302–303.
- ⁵² Tyske cancelli. II. S. 33–34.
- ⁵³ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. 239–248.
- ⁵⁴ Tyske cancelli. II S. 273–275, 341.
- ⁵⁵ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. III–VII.
- ⁵⁶ Ср. с изданием описи собрания документов Немецкой канцелярии: Tyske cancelli. II. S. 273–275, 341.
- ⁵⁷ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. VII–VIII.
- ⁵⁸ *Щербачев Ю.Н.*: Русские акты... С. III–IV.
- ⁵⁹ Rigsraad Christen Skeels Dagbog, ført i Rigsraadet 1649–1659 // Danske Magazin III. Bd. 4. København, 1854. S. 279–313.
- ⁶⁰ *Christensen S. A.* Danisch-russische Verhandlungen...S. 140.
- ⁶¹ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарем *А. Роде.* // Голос минувшего. 1916. № 7/8. С. 355–398. Переиздано в кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 285–318.
- ⁶² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1659 г. № 1. 246 л.: «Приезд вторичный в Россию и отпуск датского посланника Ганса Ольделанда с жалобой на шведского короля, нарушившего заключенный с датским королем мир...».
- ⁶³ *Becker P.W.* Samlinger til Danmarks Historie under Kong Frederik III's Regering. I. København, 1847. S. 100–139; 327–393.

Olga Ivanova

(Aarhus)

**THE RUSSIAN-DANISH NEGOTIATIONS
IN THE 50s OF THE 17th CENTURY
(THE HISTORY AND SOURCES)**

Summary

In 1656-1659 Russia and Denmark conducted negotiations in order to make a military alliance against Sweden. During the negotiations the two countries sent five diplomatic missions, but the alliance was not made. The positions of the countries in the negotiations is still a point at issue, because there is no work in which an all-round analysis of the Russian-Danish relationship at this time has been conducted on the basis of all archival documents. The aim of this article is to sum up the results of the previous research and to characterise the main sources on the theme.

The article consists of three parts. First, the subject and the process of the negotiations are described accordingly to the extent they have been studied up to date. Here the circumstances which had an influence upon the two countries' attitude towards the idea of creating an alliance against Sweden is also considered. In this connection more attention is paid to the situation in Denmark, because the Russian interests and the Russian diplomatic activities during the First Northern War have been recently analysed in the monograph of E.I Kobzareva, which is also the newest publication on this theme.

In the part related to the historiography the author mentions the main research of the Russian and Scandinavian scholars who have contributed to the study of the sources and to the interpretation of the negotiations. It is concluded that the present state of research of the Russian-Danish negotiations is unsatisfactory which is due to the fact that Russian and Danish archival documents have been studied insufficiently.

The main sources on the Russian-Danish negotiations in the 5th decade of the 17th century are in Russian State Archives of Old Acts (RGADA) in Moscow and in The National Archives (Rigsarkivet) in Copenhagen. In the last part of the article the author describes the Russian and Danish collections which contain materials on the negotiations. Only a little part of the documents from the Copenhagen collection was published in the last century. In the meantime the Moscow collection is also rich in materials on different aspects (political, economic, cultural and human) of the Russian-Danish relationship. To make these materials known (by publication or at least by preparation of an inventory of the important sources) will not only make the research of the negotiations more profound, but will also improve our knowledge on the Russian-Danish relations in the 17th century in general.

Л.Е. Семенова
(Москва)

**ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ
В 50-е гг. XVII в.**
(по материалам РГАДА)

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранился значительный комплекс материалов, позволяющих представить место и роль подвластных османам Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии — в русско-польско-украинском конфликте 50-х гг. XVII в. Документы, касающиеся этой проблемы, сосредоточены главным образом в таких архивных фондах как «Сношения России с Молдавией и Валахией», «Сношения России с Грецией», «Малороссийские дела», «Малороссийский приказ», а также в ряде других фондов. Большая часть этих документов опубликована в отдельных тематических изданиях ¹.

Хранящиеся в РГАДА материалы наряду с другими источниками дают возможность изучить внешнеполитическую ситуацию, в которой находились Дунайские княжества в связи с вспыхнувшим в Центральной Европе в середине XVII в. международным конфликтом.

Начавшаяся в 1648 г. освободительная война на Украине существенно повлияла на политическую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе. Успехи запорожского казачества в борьбе с властями Речи Посполитой и развернутая гетманом Богданом Хмельницким дипломатия стали важным фактором во взаимоотношениях стран региона. Заключив союз с Крымским ханством и вступив в переговоры с Портой, Хмельницкий активизировал деятельность с целью получения поддержки других стран. Он установил связи с Россией и Трансильванией, стремясь способствовать появлению на польском троне после смерти в 1648 г. Владислава IV кандидата, который бы соответствовал интересам Войска Запорожского.

Важное значение для гетмана имела позиция Молдавского княжества. Освободительное движение запорожцев по-разному воспринима-

лось населением Молдавии. Молдавские крестьяне, в частности беглые поселенцы на украинских землях и жители приграничных районов, переходили на сторону восставших казаков и принимали участие в военных действиях против польских феодалов, организуя иногда самостоятельные отряды². Молдавские бояре, опасаясь за судьбу своих сословных привилегий, поддерживали позицию польских магнатов и шляхты. Молдавский господарь Василий Лупу не мог не учитывать этого. Его враждебное отношение к восстанию запорожского казачества и тяготение в политике к Речи Посполитой ставили перед Б. Хмельницким задачу — вывести Молдавию из сферы влияния Польши, сделав господаря своим союзником. Реализация такой задачи позволила бы укрепить юго-западные фланги военных сил запорожцев.

Хмельницкий решил воспользоваться конфликтом, возникшим в 1650 г. между крымскими татарами и Молдавией. Находясь в союзных отношениях с ханом, гетман во главе отрядов казаков вслед за татарами вступил на территорию княжества, прошел до столицы Ясс и занял ее.³ Участие запорожцев в походе татар на Молдавию Хмельницкий стремился представить как вынужденное и вызванное союзническим долгом перед крымским ханом. Так, бывшие в 1650 г. на Украине русские послы П. Протасьев и Г. Богданов писали в «вестовой записке», что «...гетман ходил в Волоскую землю войною по повелению крымского царя, не хотя ево розгневать...»⁴. Желая подчеркнуть преданность России, Хмельницкий рассказывал, что он уговорил татар изменить направление похода т.к. вначале они собирались идти на московские земли⁵.

Положение молдавского господаря В. Лупу было сложным. В ответ на обращение за помощью к Порте был получен лишь совет откупиться от крымчаков. Валашский господарь Матвей Басараб и трансильванский князь Дьердь II Ракоци вступили в 1650 г. в союз с запорожским гетманом, рассчитывая в перспективе на его помощь в реализации своих планов. Союзные отношения Б. Хмельницкого с валашским господарем и трансильванским князем ограничивали В. Лупу в возможных маневрах для защиты. Поэтому после вступления в октябре в 1650 г. вслед за татарами на территорию Молдавии отрядов казаков господарь прекратил сопротивление и согласился на предложение Б. Хмельницкого о браке своей дочери Роксанды и гетманского сына Тимофея. Уведомляя об этом гетмана собственноручным письмом, В. Лупу обязался быть с ним «в вечной дружбе и любви и против всякого неприятеля стоять с ним, гетманом, заодно, и друг другу помогать, а с ляхами ему, великому господарю, впредь не складываться и дурна никакого на войско запорожское не мыслить»⁶. Увидев реальную возможность претворения своих планов,

Б. Хмельницкий стал содействовать уходу татар с молдавской территории, что было осуществлено благодаря военным операциям отряда казаков под командованием полковника Нечая ⁷.

Но В. Лупу не спешил с выполнением своих обязательств. На его поведение влияла выжидательная позиция валашского господаря М. Басараба и трансильванского князя Дьердя II Ракоци, которые также не спешили оказать союзническую помощь запорожскому гетману. В этих условиях, чтобы упрочить свое положение, В. Лупу тайно поддерживал отношения с польским королем. Поражение запорожцев, не получивших эффективной помощи татар в битве при Берестечко (июнь-июль 1651 г.), вдохновило молдавского господаря. Воспользовавшись возникшей в связи с этим напряженностью в запорожско-татарских отношениях, В. Лупу попытался получить поддержку крымского хана. Но Ислам-Гирей выступил на стороне запорожцев в битве под Батогом (22–23 июня 1652 г.) и способствовал разгрому польских войск. Неудачной оказалась также попытка В. Лупу наладить сотрудничество с трансильванским князем с целью оторвать его от союза с Б. Хмельницким. Молдавский господарь не сумел, таким образом, заручиться союзниками и, когда отряды запорожцев подошли к границам княжества, был вынужден согласиться на выполнение данного гетману обещания ⁸.

Осенью 1652 г. в Яссах состоялось бракосочетание дочери молдавского господаря Роксанды с Тимофеем Хмельницким ⁹. Этот брак должен был укрепить положение запорожского гетмана и придать больший вес его переговорам с Москвой о помощи против Речи Посполитой и вступлении в русское подданство ¹⁰. Важна была для гетмана и возможность посредничества В. Лупу в переговорах с польскими властями ¹¹.

Молдавско-казацкий союз был встречен настороженно в соседних Польше, Валахии и Трансильвании. Было ясно, что молдавский господарь воспользуется союзом для укрепления своих позиций в княжестве и обеспечения его безопасности от нападений татар. Валашский посол Константин Мануйлов, доставивший царю грамоту господаря Матвея Басараба, на расспросе в Посольском приказе летом 1652 г. рассказывал, что по пути в Москву имел беседу с Хмельницким, который говорил ему о подготовке совместного с молдавским и валашским господарями похода против крымских татар ¹². Матвей Басараб сообщал русскому царю, что «...писал- де к нему, воеводе, и к Василию, воеводе молдавскому, гетман Богдан Хмельницкий, чтоб он с ним, сложась, ударили войной на крымских татар нынешним летом. И он-де Матвей и Василий воеводы против того отписали к нему гетману, что они с ним на татар тотчас идти готовы» ¹³.

Это намерение молдавского господаря после установления осенью 1652 г. союзных отношений с запорожским гетманом, как представлялось соседям Молдавии, могло быть реализовано. В то же время и валашский господарь, и трансильванский князь опасались враждебных действий со стороны В. Лупу. Чтобы избежать такой возможности, они установили связи с оппозиционно настроенными молдавскими боярами во главе с логофетом Георге Стефаном, выступавшими против союза господаря с запорожским гетманом. Используя военную поддержку извне, Г. Стефан попытался свергнуть В. Лупу с молдавского престола. Когда трансильванские и валашские отряды вступили на территорию Молдавии, В. Лупу был вынужден отступить из Ясс. Местное боярство, недовольное внутренней политикой господаря, перешло на сторону Г. Стефана.

Такое развитие событий не устраивало запорожского гетмана. Ему важно было сохранить в Молдавии господаря-союзника. Поэтому в ответ на просьбу В. Лупу о помощи в апреле 1653 г. он послал в княжество войска во главе с сыном Тимофеем. В результате совместных успешных действий казаков и молдавских отрядов Г. Стефан был вынужден отступить из Ясс и укрыться в Валахии. Вернувшись на молдавский престол, В. Лупу решил расправиться с Г. Стефаном, а заодно и со своим давним соперником валашским господарем М. Басарабом. В. Лупу уговорил Т. Хмельницкого предпринять поход в Валахию.

О событиях, связанных с этим походом, сам Богдан Хмельницкий рассказывал при встрече жителям Путивля С. Яцыне и Д. Литвинову, расспросные речи которых излагали в донесении в Разрядный приказ путивльские воеводы П.Д. Протасьев и Ф.А. Хилков-Стародубский¹⁴. Поход в Валахию оказался безуспешным. Потерпев поражение от войск М. Басараба в битве у валашского села Финта весной 1653 г., молдавско-казацкие отряды отступили к Яссам. Г. Стефан с помощью валашских сил вновь вступил на территорию Молдавии и при поддержке трансильванского отряда занял господарский престол. Попытка Т. Хмельницкого утвердиться в древней столице княжества крепости Сучаве также была безуспешной. Г. Стефан окружил Сучаву силами намного превосходившими 9-тысячное войско Т. Хмельницкого. Два месяца выдерживали казаки изнурительную осаду, но после гибели сына гетмана в начале октября сдали крепость и отступили на Украину¹⁵. В. Лупу нашел приют сначала у Б. Хмельницкого, затем переехал в Крым, откуда по приказу султана был доставлен в Стамбул и заключен в Семибашенный замок.

Не только исход военных действий казаков в Молдавии решил судьбу В. Лупу. Неблагоприятно складывалась для него и международная ситуация. Порты непосредственно не вмешивались в события в Молдавии,

но была недовольна активностью правителей вассальных княжеств в регионе, и противники господаря могли добиться у султана утверждения на молдавском престоле Г. Стефана. Враждебную позицию в отношении В. Лупу занял крымский хан Ислам-Гирей. Изменилось и отношение Речи Посполитой, обеспокоенной союзом молдавского господаря с запорожцами.

Таким образом, союз с Б. Хмельницким не принес выгоды В. Лупу, а привел к его изоляции и как следствие к потере им престола в Молдавии. Запорожцы не сумели помочь ему, т. к. сами нуждались в помощи извне. План Б. Хмельницкого сделать Молдавию своим союзником не осуществился.

Между тем еще с осени 1652 г. стало ясно, что Речь Посполитая, следуя планам силового разрешения украинского вопроса, решила предпринять новый крупный поход против восставшего запорожского казачества. Переговоры Б. Хмельницкого с Россией о помощи и о вступлении в ее подданство делали неизбежным русско-польский конфликт.

Появление нового опасного соперника в борьбе за Украину — России заставляло Речь Посполитую искать союзников. Общие интересы и союзнические отношения, сложившиеся в ходе проведения военных действий против казаков, в том числе и в Молдавии, создавали предпосылки для ведения в 1653 г. переговоров о блоке с Трансильванией, Валахией и новым молдавским господарем Г. Стефаном. Но возникшее на этой основе единение не привело к союзу¹⁶. Речь Посполитая была заинтересована главным образом в совместных действиях против казаков, в то время как правители Валахии, Трансильвании и Молдавии хотели иметь с польской стороны гарантию помощи в случае татарских нападений на их территорию или возможного вмешательства Порты.

Складывавшаяся в Юго-Восточной Европе ситуация настораживала османов. В условиях тяжелой и неудачной войны с Венецией Порты опасалась превращения блока Речи Посполитой с правителями подвластных ей княжеств в антиосманский и стремилась предотвратить такую возможность, внимательно отслеживая действия польских властей в регионе. Одновременно султан поспешил утвердить Г. Стефана на молдавском престоле, чтобы подчеркнуть вассальную зависимость княжества от османов и отвлечь господаря от союзников по планируемому блоку. Будучи заинтересованной в ослаблении Речи Посполитой, Порты проявляла благосклонность к казакам, рассчитывая на возможность подчинения себе запорожского гетмана. Тем более, что после заключения в декабре 1653 г. под Жванцем польско-крымского мирного соглашения Б. Хмельницкий одновременно с переговорами с Москвой просил султана о помощи. Воз-

можно, что обращение к Порте использовалось гетманом для оказания давления на русское правительство, чтобы склонить его к более решительным действиям в оказании поддержки запорожцам.

В то же время Б. Хмельницкий не оставлял мысли о союзнике в лице молдавского господаря и пытался установить контакт с новым правителем Молдавии. Г. Стефан опасался мести запорожского гетмана, который в ходе безуспешных военных действий против него потерял сына. Поэтому Б. Хмельницкий, руководствуясь прежде всего своими стратегическими планами, говорил прибывшим в Чигирин молдавским послам, «...чтобы Штефан-воевода от него ни в чем не опасался, хотя сын его в Сучаве убит... и ему-де, гетману, хотя бы и всю молдавскую землю разорить и людей погубить, а однако уже сына своего не воротить. И Штефан бы-де воевода был с ним в союзе и держал во всем дружбу»¹⁷. Чувствуя неустойчивость своего положения на молдавском престоле, Г. Стефан, со своей стороны, видел выгоду в установлении дружественных отношений с запорожским гетманом, а через него и с Россией.

Решение Переяславской рады в январе 1654 г. о вступлении Запорожского войска во главе с Б. Хмельницким в подданство России привело к поляризации интересов стран, вовлеченных в польско-русско-украинский конфликт, и к оформлению двух блоков. России и Украине противостояли Речь Посполитая и Крым, имевшие поддержку Порты. В этих условиях Дунайские княжества и Трансильвания становятся объектом соперничества враждующих сторон за укрепление влияния в них и использование в своих внешнеполитических планах. Речь Посполитая стремилась получить военную помощь княжеств, и Порты требовала от них активно содействовать польским властям в противостоянии России и Украине. Русская и украинская дипломатия, со своей стороны, предпринимали шаги, направленные на то, чтобы отвлечь княжества от возможной поддержки ими Речи Посполитой.

В этом контексте понятно стремление Б. Хмельницкого к установлению контактов с молдавским господарем Г. Стефаном, который не только был готов урегулировать свои отношения с запорожским гетманом, но и при его посредничестве установить отношения с Москвой. В январе 1654 г. господарь направил к Б. Хмельницкому посла Троескула, который вернулся с вестью о том, что «гетман учинился под государевою высокою рукою»¹⁸. Еще до прибытия в Яссы Г.Ф. Самарина с царской грамотой, извещавшей о принятии Б. Хмельницким русского подданства, Г. Стефан отправил в Чигирин своих послов Ивана Григорьева и Троескула. После переговоров гетман вернул Троескула к Г. Стефану, а Ивана Григорьева с господарской грамотой к царю Алексею Михайловичу¹⁹ отпустил в Мос-

кву. На расспросе в Посольском приказе в начале апреля 1654 г. молдавский посол сообщил, что устно государь поручил ему «государю бити челом тайно, что государь... принял бы ево под свою государскую высокую руку так же, как и гетмана Богдана Хмельницкого»²⁰. По словам посла, об этом поручении государя в переговорах с гетманом он не объявлял²¹. Такая осторожность была вызвана непрочным положением Г. Стефана на молдавском престоле и недоверием к нему со стороны Порты и Крыма, а также правителей Валахии и Трансильвании. В то же время молдавский посол в ходе переговоров особо подчеркивал общую заинтересованность Молдавии и Валахии в принятии русского подданства. В расспросных речах И. Григорьев говорил: «...будет государь над Стефаном воеводою милость свою государскую покажет, велит ево принять под свою государскую высокую руку, и мутьянской-де Матвей воевода от Стефана воеводы не отстанет, тотчас вместе с Стефаном воеводою под государевою рукою учинятца...»²². Русское правительство положительно отозвалось на инициативу молдавского государя. В ответной царской грамоте от начала апреля 1654 г. говорилось: «что ...нашие государские милости и под нашу государскую высокую рукою под христианския быть желаешь, жалуем, милостиво похваляем и под нашу царского величества высокую руку тебя, Стефана воеводу и владетеля Молдавские земли, со всею Молдавскою землею принять велим»²³.

В феврале 1654 г. в Молдавию и Валахию из Москвы был послан дворянин Г.Ф. Самарин с царскими грамотами государям, извещавшими о принятии запорожскими казаками русского подданства. Задача посольства заключалась в том, чтобы для начала добиться хотя бы нейтралитета княжеств на случай войны России с Речью Посполитой. Поэтому в грамотах содержалась просьба не оказывать помощи польскому королю и о его планах сообщать в Москву. «А будет Ян Казимер, король польский и великий князь литовский, — говорилось в царской грамоте валашскому государю Матвею Басарабу, — учнет к тебе присылати просити помочи на наших царского величества подданных, на гетмана Богдана Хмельницкого и на все войско Запорожское... и ты б, памятуя единую с нами, великим государем, истинную православную христианскую веру, ... ничем не помогал. И про замыслы их нам, великому государю, ведомо чинил и к нашим царского величества бояром и воеводам и к Богдану Хмельницкому, гетману войска Запорожского, о том писал»²⁴. Такая же просьба была отправлена и к молдавскому государю Г. Стефану²⁵.

Прибытие в Яссы русского посла вдохновило правителя Молдавии. В переговорах с ним молдавский государь проявлял готовность вступить в русское подданство. По словам Г.Ф. Самарина «обещал-де он, Стефан,

ему Гаврилу, наодине с клятвою, взирая на образ божий не по одно время, что под государевою царского величества высокою рукою со всем своим владением быти желает»²⁶. Однако в ответной грамоте царю Алексею Михайловичу от 30 марта 1654 г. молдавский господарь ничего не говорит о подданстве. Жалуясь на тяжелое положение княжества и угрозу татарских нападений, он объясняет невозможность оказания кому-либо военной помощи²⁷.

Такая непоследовательность в политике Г. Стефана была вызвана, как уже отмечалось, его непрочным положением на молдавском престоле ввиду натянутых отношений с правителями соседних стран, а также изменениями, происходившими в международной ситуации в регионе в связи с началом в феврале 1654 г. военных действий Речи Посполитой против запорожцев и установлением польско-крымского союза.

Русскому правительству не удалось установить отношения с валашским господарем. М. Басараб не допустил в Валахию Г. Самарина. После возвращения русского посла с валашской границы в Яссы Г. Стефан задержал его в молдавской столице и, чтобы выгородить себя, сообщил о его прибытии султану, крымскому хану и трансильванскому князю, как это сделал М. Басараб²⁸. Такое поведение молдавского господаря не могло не вызвать сомнений у Г. Самарина, который говорил дьяку Т. Перфирьеву, направлявшемуся по указу царя в Молдавию, что «ево (господаря — Л. С.) клятвенные речи были непостоянны»²⁹.

Получаемые Б. Хмельницким сведения о перемене в политике Г. Стефана были вполне определены. Брацлавский полковник доносил гетману в сентябре 1654 г.: «...Стефан воевода шаток... королю хочет против государевых людей-де помогать»³⁰. Крымский хан, приглашая Б. Хмельницкого в «приятельство» против Москвы, также уверял, что с ними будут «венгрове, мунтяне, волохи»³¹. Действительно, Мехмед-Гирей, не без участия польской стороны, просил господарей Молдавии и Валахии оказать поддержку войскам Речи Посполитой в действиях против запорожцев и России. Г. Стефан в начале 1655 г. направил свои отряды в Подолию на помощь действовавшим там польско-татарским войскам. Молдавский летописец М. Костин писал по этому поводу в своей хронике: «в том же году зимой пошли польские гетманы против казаков и попросили от Стефана помощи. И дал им 700 служилых людей на подбор с Войцеховским во главе»³².

Участие молдавских отрядов на стороне Крыма и Речи Посполитой в военных действиях против русско-запорожских сил заставило Б. Хмельницкого по договоренности с Москвой прервать переговоры с Г. Стефаном³³. Однако усилия русской и украинской дипломатии, направленные

на отрыв Молдавии от союза с Польшей, Крымом и Портой продолжались. В конце сентября 1654 г. молдавскому господарю была послана царская грамота с предложением прислать посольство для переговоров о принятии княжества в русское подданство³⁴.

Неудача осенне-зимней 1654/55 гг. военной кампании польских войск против запорожцев, все больше проявлявшееся внутреннее ослабление Речи Посполитой, угроза вступления в конфликт Швеции и, наконец, успехи русско-запорожских сил в ходе предпринятого поляками весной 1655 г. наступления на Украину создавали предпосылки для возобновления переговоров с Молдавией. В июле-августе 1655 г. Б. Хмельницкий предпринимает шаги по привлечению Молдавии, Валахии и Трансильвании к союзу против Речи Посполитой, направив с таким предложением своих послов к правителям княжеств³⁵.

В это время Валахия и Молдавия были охвачены внутренними волнениями в связи с начавшимся в феврале восстанием валашских сейменов — наемных солдат-пехотинцев. Распространившись среди других слоев армии, оно получило широкую поддержку крестьянских масс и городской бедноты. Восстание приняло антиосманский и антифеодальный характер и продолжалось несколько месяцев. Валашский господарь Константин Шербан и бояре были вынуждены обратиться за помощью к трансильванскому князю Дьердю II Ракоци и Г. Стефану. Объединенным валашско-молдавско-трансильванским военным силам при участии войск силистрийского пашы с трудом удалось подавить восстание³⁶. Восставшие сеймены с самого начала установили связи с запорожцами, направив в конце апреля 1655 г. делегацию к Б. Хмельницкому с просьбой о военной помощи³⁷. Но отвлечение сил казаков от антипольских действий не входило в планы запорожского гетмана, к тому же настороженно относившегося к противобоярским акциям восставших, хотя в ответе посланцам сейменов он и обещал в общей форме поддержку³⁸. Прибытие посланцев из Чигирина в июле-августе вызвало иллюзии у восставших. В Валахии, Молдавии, Стамбуле распространялись слухи о приближении к княжествам Б. Хмельницкого с большим войском³⁹.

После поражения сейменов в битве при Шопле (26 июля 1655 г.) запорожский гетман вернулся к планам привлечения Молдавии и Валахии к совместным действиям против Польши. Благоприятствовали ему в этом и международные условия. Начатая Швецией летом 1655 г. война против ослабленной Речи Посполитой, успехи русско-запорожских сил в сражениях с польско-татарскими войсками вдохновили гетмана на возобновление переговоров с княжествами. В сентябре в Молдавию и Валахию прибыли послы Б. Хмельницкого⁴⁰.

Следует отметить, что в вопросе о переговорах с княжествами Москва полностью полагалась на запорожского гетмана. Реализуя планы русско-украинской дипломатии в отношении княжеств, Б. Хмельницкий не исключал при этом и собственный интерес, связанный с намерением создать свою систему союзов, которая позволила бы ему большую свободу действий в регионе независимо от Москвы ⁴¹.

Правители Дунайских княжеств в складывавшейся в то время международной ситуации, со своей стороны, были заинтересованы в переговорах с Б. Хмельницким и через него с Россией. Находясь в союзных отношениях с трансильванским князем Дьердем II Ракоци, княжества оказывались втянутыми в орбиту его амбициозных планов получения польской короны. Проводимая Ракоци с этой целью двойная политика, переговоры со Швецией и одновременно попытки договориться с Речью Посполитой, влияла, хотя и косвенно, на поведение молдавского и валашского господарей. К. Шербан, обязанный трансильванскому князю за свое «спасение» во время восстания сейменов, послушно следовал его политике. Г. Стефан был более свободен в своем поведении и, несмотря на сохранение вассальной верности князю, стремился к реализации собственных политических интересов, что диктовалось и положением Молдавии в регионе.

Постоянным внешним фактором для княжества была угроза татарских нападений, и молдавский господарь не мог не учитывать его в своей политике. В условиях начавшейся шведско-польской войны политика Ракоци в отношении Речи Посполитой вызывала беспокойство Крыма, опасавшегося ее ослабления как главного фактора противостояния России. Особенно настораживали крымского хана связи трансильванского князя с Б. Хмельницким, происходившие при посредничестве молдавского господаря. В начале 1656 г. появляются планы нападения татар на Дунайские княжества ⁴² с целью лишить Ракоци их поддержки и тем самым облегчить положение Речи Посполитой. Для Молдавии татарская угроза была наиболее реальной. Рассматривая возникшую для княжества внешнюю опасность как результат антипольских акций трансильванского князя, Г. Стефан в полной мере оценивал те пагубные последствия, к которым могло привести стремление Ракоци подчинить Дунайские княжества интересам реализации своих планов.

В этой ситуации молдавский господарь решил вернуться к переговорам о вступлении в русское подданство. В марте 1656 г. он направил в Москву своих послов сучавского митрополита Гедеона и боярина логофета Григория Нянула с грамотой к царю Алексею Михайловичу ⁴³. По поручению господаря молдавские послы подали в Посольский приказ письмо с изложением условий, на которых княжество готово было при-

знать русское подданство. Суть выдвинутых условий состояла в том, что Молдавия освобождалась от османской зависимости и от уплаты дани султану, ей возвращались захваченные османами территории. Россия должна была защищать княжество от внешней опасности, а молдавские войска обязывались участвовать в военных походах русской армии. Оговаривалось назначение господарей из местных бояр, для которых важно было сохранить свои сословные привилегии⁴⁴.

На расспросе в Посольском приказе митрополиту Гедеону и логофету Г. Нянуле напомнили об отступничестве молдавского господаря от прошлого обещания признать подданство России и посылке им военной помощи польскому королю. В ответ послы подчеркивали поддержку настоящего обращения Г. Стефана к царю и условий русского подданства Молдавии всем боярством княжества, духовными и служилыми людьми, с которыми господарь имел «думу» перед их отправкой в Москву. «И духовного де чину всякие люди и бояря, и служилые, и всяких чинов люди от мала до велика, — говорили они, — все о том придумали единомышленно, чтоб милости просить у великого государя, у его царского величества, чтоб их пожаловал, велел принять под свою государскую высокую руку в вечное подданство»⁴⁵.

Представленные молдавскими послами условия русского подданства были приняты в Москве без изменений и были зачитаны в столичных церквях. Молдавский митрополит Гедеон 7 июня 1656 г. принес патриарху Никону присягу на верность России от имени господаря и всех жителей княжества. В царской грамоте Г. Стефану от 29 июня 1656 г. выражалось согласие с предложенными молдавскими послами условиями русского подданства: «тем всем статьям велели быть во всем по вашему челобитью, неотменно». В то же время подчеркивалась необходимость соблюдения господарем важного для русской стороны условия: «А хто нам, великому государю нашему царскому величеству, учинитца недруг, и того недруга людьми и казною не подмогали и совету с ним никакова не имели по нашей царского величества воле. И где наше царского величества повеление будет, на которого неприятеля итти, и вам туды ходити и с нашими царского величества ратными людьми на всякого неприятеля стоять собча безо всякие измены»⁴⁶. В сохранившемся в материалах Посольского приказа другом варианте отпуска этой же царской грамоты от 29 июня Г. Стефану высказывалось недовольство участием молдавских войск в военных действиях 1655 г. на стороне польского короля и предложение «впредь от таких начинаний остатись». Господарю делалось жесткое предупреждение: «А буде вперед учинитесь в такой шатости и нашим царского величества неприятелем людьми или казною учнете помогати, и мы, великий госу-

дарь, наше царское величество, вам, Стефану воеводе и владетелю Молдавские земли, и подданным вашим терпети не будем, а велим ваши недружбы мстить, и то вам учинитца самим от себя»⁴⁷.

Союз с Дунайскими княжествами, в частности с Молдавией, признание которой русского подданства воспринималось в Москве как установление союзнических отношений⁴⁸, имел для России важное значение в сложившейся международной ситуации лета 1656 г. после объявления русским правительством войны Швеции. Поэтому в Посольском приказе, чтобы не осложнять отношений с молдавским господарем, предпочли более спокойный и благосклонный по содержанию вариант текста грамоты к Г. Стефану. В грамоте подчеркивалось: «И мы, великий государь, наше царское величество, по своему государскому милосердному обычаю, не памятуя ваших прежних досадительств и с неприятели нашими, с польскими людьми соединения, пожаловали, велели тебя, Стефана воеводу, с Молдавскою землею принять под нашу царского величества высокую руку в вечное подданство»⁴⁹.

Призывая молдавского господаря к совместным действиям против общих врагов, Москва не называла в грамоте кто этот враг, в отличие от переговоров 1654 г., когда русское правительство обращалось к правителям Дунайских княжеств с просьбой не оказывать военную помощь польскому королю. Во время русско-молдавских переговоров лета 1656 г. в условиях начавшейся войны со Швецией московские дипломаты вели дело к примирению с Речью Посполитой и ввиду неопределенности предпочитали ограничиться общей формулировкой о взаимном военном сотрудничестве⁵⁰. В том же 1656 г. к русскому правительству с просьбой о военной помощи обращался и валашский господарь Константин Шербан, лишившийся поддержки сейменов и чувствовавший угрозу смещения его султаном с престола⁵¹.

Царскую грамоту от 29 июня 1656 г. о принятии Молдавии в русское подданство должно было доставить Г. Стефану посольство во главе с И.И. Баклановским, которому поручалось и приведение к присяге самого господаря⁵². Но международная обстановка осложнилась. В Москве не спешили с оформлением договора о признании Молдавией подданства России. Возникшая угроза обострения отношений с Крымом и Портой из-за Молдавии вызывала беспокойство русского правительства, находившегося в состоянии войны со Швецией. Московские дипломаты сочли несвоевременным направление посольства в Яссы и миссия И.И. Баклановского не состоялась, а молдавские послы митрополит Гедеон и логофет Г. Нянул были задержаны в России до января 1657 г., когда они смогли вернуться на родину⁵³. Русско-молдавские переговоры были прерваны.

Между тем трансильванский князь Дьердь II Ракоци продолжал давление на Молдавию и Валахию, все больше вовлекая их в свои планы борьбы с Речью Посполитой для достижения польской короны. В январе 1657 г. молдавские и валахские отряды были в составе войск Ракоци, который в союзе со Швецией вел военные действия против Польши. На стороне трансильванского князя выступил и отряд запорожских казаков. Б. Хмельницкий еще в сентябре 1656 г. заключил союз с Ракоци и содействовал русско-трансильванскому сближению. Несмотря на смену внешнеполитических приоритетов России в связи с началом войны против Швеции, запорожский гетман продолжал усилия по созданию антипольского союза Украины, Дунайских княжеств и Швеции⁵⁴.

Между Б. Хмельницким и господарями княжеств поддерживались постоянные отношения. Г. Стефан и К. Шербан информировали гетмана об османско-крымско-польских взаимоотношениях, о ситуации в регионе и положении княжеств⁵⁵. При этом молдавский и валахский господари стремились привлечь внимание Б. Хмельницкого к османской угрозе и склонить его к антиосманским планам⁵⁶. В мае 1657 г., когда татарские и османские отряды начали действия по вторжению в Молдавию и Валахию, запорожский гетман оказал им помощь⁵⁷.

Порта была обеспокоена союзом Молдавии и Валахии с Ракоци и начатыми трансильванским князем в январе 1657 г. военными действиями на польской территории. Речи Посполитой османы отводили роль противовеса, хотя к тому времени и ослабленного, усиливавшейся России. Поэтому османские власти принимали меры по защите своих интересов в регионе. Новый великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю счел необходимым сконцентрировать османские войска на Дунае, а их командующему Мелек Ахмед-паше и крымскому хану поручил выступить при необходимости на помощь Речи Посполитой. Одновременно великий везир властью сюзерена пытался заставить трансильванского князя отказаться от антипольских военных действий, а Г. Стефану и К. Шербану было приказано явиться к султану для объяснения⁵⁸.

Крым усилил давление на Молдавию и Валахию, готовясь к нападению на них, чтобы оторвать их от союза с Трансильванией. В то же время хан Мехмед-Гирей летом 1657 г. вел переговоры с Б. Хмельницким об объединении сил для вторжения в Дунайские княжества и Трансильванию. Попытки ханства втянуть Б. Хмельницкого в военные действия против княжеств и тем самым ослабить антипольскую коалицию были безуспешны. Гетман решительно отказался от участия в ханском походе на княжества и потребовал возвращения татарских войск в Крым⁵⁹.

Запорожские казаки, как и молдавские и валахские отряды, в составе объединенного войска Дьердя II Ракоци приняли участие в походе против Речи Посполитой. Несмотря на успехи на начальном этапе военных действий и вступление Ракоци в Варшаву в середине июня 1657 г., антипольское предприятие князя завершилось полным провалом. Со вступлением в войну Дании шведские военные силы оставили польскую территорию. На стороне польского короля выступили габсбургские отряды. По приказу султана крымские войска в несколько десятков тысяч человек атаковали соединения трансильванского князя. Окруженный польскими частями Ракоци 22 июня 1657 г. был вынужден пойти на соглашение и отказаться от претензий на польскую корону при условии свободного отхода своих отрядов за пределы Речи Посполитой. Но отступавшие княжеские войска подверглись нападению и часть их вместе с главнокомандующим Яношем Кеменем была пленена татарами, часть разгромлена. Самому Ракоци удалось спастись, оторвавшись с небольшим отрядом от основной группы войск⁶⁰.

В августе 1657 г. татарские отряды вторглись в Трансильванию и опустошили земли секеев. В конце октября султан потребовал от Государственного собрания княжества лишить Дьердя II Ракоци трансильванского престола. Прямая угроза нависла над Молдавией и Валахией. Их союз с Трансильванией, участие в антипольском походе Ракоци рассматривались Портой как действия, наносящие ущерб османским интересам в регионе. Еще более опасными представлялись ей отношения княжеств с запорожским гетманом и переговоры о признании русского подданства. Наряду с подготовкой Крымом военных акций против Молдавии и Валахии султан счел необходимым укрепить свою власть сюзерена над княжествами и привести к послушанию молдавского и валахского господарей. Порта вновь потребовала их личной явки в Стамбул⁶¹.

Ослушавшиеся госпдари игнорировали требования османов и стали искать союзников для антиосманской борьбы. Дьердь II Ракоци сам нуждался в поддержке. Речь Посполитая перед перспективой нового конфликта с Россией не могла пойти на осложнение отношений с Портой. В этих условиях Г. Стефан вновь обратился к России с просьбой о защите Молдавии и Валахии против османов. В грамоте царю Алексею Михайловичу от 24 февраля 1658 г. молдавский господарь сообщал о нависшей над княжествами угрозе превращения их в османские пашалыки: «... войска силние турецкие и татарские привели в Землю мултанов (Валахию — Л.С.) и тако в Мултанской, как и в Молдавской земли своя веры бисурманския и своего языка начальников и старейшину, яко же в Греции, Румелие, Болгарие постановити хоцут...» Г. Стефан просил царя, «да защи-

тит нас по обещанию своему крепкая и высока рука вашего царского величества от настоящего днес меча агарянского...»⁶². Грамота была доставлена в Москву в марте 1658 г. молдавским послом Ильей Юрьевым. На расспросе в Посольском приказе он особо подчеркивал существование для княжеств османо-татарской угрозы и передал устно просьбу господарей о помощи против османов⁶³.

Между тем в марте 1658 г. сначала К. Шербан, затем Г. Стефан были смещены султаном с валашского и молдавского престолов. Да и Россия в то время не могла оказать военной помощи господарям Дунайских княжеств. Обострение отношений с Речью Посполитой ставило русское правительство перед необходимостью сохранять мир с южными соседями, Крымом и Османской империей. Возможные осложнения в отношениях с ними из-за Дунайских княжеств были для Москвы крайне нежелательны. Кроме того, изменения во внутренней и внешней политике запорожского казачества, происходившие после смерти Б. Хмельницкого (27 июля 1657 г.), требовали новых акцентов во внешнеполитическом курсе России.

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. (Далее – ВУР). М., 1953-1954; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. (Далее – Исв). Том 2. М. 1968.

² Ермоленко А.Ф. Украинско-молдавские отношения в годы освободительной войны украинского народа // Воссоединение Украины с Россией (1648–1654). М., 1954. С. 225–228.

³ О походе татар и казаков в Молдавию см. «вестовую записку» русских послов на Украине П. Протасьева и Г. Богданова – РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1650 г. Д. 8. Л. 139–141, 149–151.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ См. статейный список А. Суханова – РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. Д. 8. Л. 16; о существующих в исторической литературе мнениях относительно похода Б. Хмельницкого в Молдавию см.: Семенова Л.Е. Молдавия и Валахия в отношениях Порты со странами региона в середине XVII века // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 1. М., 1998. С. 235-236; Исв. Т. 2. С. 380, прим. 157.

⁶ ВУР. Т. II. С. 460, 461.

⁷ Там же. С. 461.

⁸ См. Семенова Л.Е. Молдавия и Валахия... С. 236–237.

⁹ Исв. Т. 2. С. 232–233.

¹⁰ ВУР. Т. III. № 128, 130, 133, 134, 138.

¹¹ См.: Documente privitoare la istoria Românilor. Culese de E.Hurmuzaki (Далее – DR). Buc., 1880. Vol. III/1. P. 33; ВУР. Т. III. С. 264–266.

¹² РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1652 г. Д. 3. Л. 6–11.

¹³ Там же. Ф. 124. Малороссийские дела. 1652 г. Д. 3. Л. 6.

¹⁴ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стлб. 246. Л. 366–369.

¹⁵ Семенова Л.Е. Молдавия и Валахия... С. 238.

- ¹⁶ *Заборовский Л.В.* Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.) // *Карпато-Дунайские земли в средние века*. Кишинев, 1975. С. 250–252.
- ¹⁷ См. расспросные речи в Посольском приказе в Москве молдавского посла И. Григорьева – РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–4.
- ²⁰ Там же. Л. 6.
- ²¹ Там же. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 10.
- ²³ Там же. Л. 35.
- ²⁴ Там же. Д. 1. Л. 4–6.
- ²⁵ См. грамоту царя Алексея Михайловича молдавскому господарю Г. Стефану: Там же. Л. 8–13.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 9. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 14–16.
- ²⁸ Там же. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 9. Л. 8–9; см. также: *Шульман Е.Б.* Русско-молдавские дипломатические сношения в 1654–1656 гг. // *Ученые записки Бельцкого гос. пед. Ин-та*. 1958. Вып. III. С. 34.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 9. Л. 7.
- ³⁰ Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 21. Л. 9.
- ³¹ Там же. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 28. Л. 31.
- ³² *Costin M.* Opere. Buc., 1958. P. 174–175; см. также: *Nistor I.* Contribuții la relațiunile dintre Moldova și Ucraina în veacul XVII-lea // *Analele Academiei Române. Mem. sect. ist. Seria III. T. XIII.* Buc., 1932–1933. P. 24.
- ³³ См. грамоту Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу от 10 ноября 1654 г.: РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 28. Л. 20–25.
- ³⁴ Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 8–17.
- ³⁵ См. об этом: *Грушевский М.С.* Исторія України – Руси. Київ, 1931. Т. IX. Ч. 2. С. 1105–1109.
- ³⁶ Подробно о восстании 1655 г. в Валахии см.: *Demény Lidia, Demény L., Stoicescu N.* Răscoala seimenilor sau răscoala populară? 1655. Țara Românească. Buc. 1968.
- ³⁷ *Demény Lidia.* Relațiile seimenilor cu cazacii în timpul mișcării populare din 1655 în Țara Românească // *Studii privind relațiile romîno-ruse.* Buc., 1963. P. 6.
- ³⁸ Ibid. P. 7.
- ³⁹ Ibid. P. 10–11.
- ⁴⁰ DR. Vol. V/2. P. 19–20.
- ⁴¹ *Gemil T.* Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Buc., 1979. P. 159–160.
- ⁴² DR. Vol. IX/1. P. 72–73.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1656 г. Д. 28. Л. 1–2 об.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 60–69; сравнительный анализ выдвинутых молдавской стороной условий с последующими проектами вступления Молдавии в русское подданство см.: *Советов П.В.* Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши, Австрии) // *Карпато-Дунайские земли в средние века*. Кишинев, 1975. С. 125–196.
- ⁴⁵ См. расспросные речи в Посольском приказе митрополита Гедсона и логофета Нянула от

- 11 и 21 мая 1656 г.: РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 2. Л. 29–30; Д. 1. Л. 70–100.
- ⁴⁶ Грамота царя Алексея Михайловича Г. Стефану от 29 июня 1656 г. – Там же. Д. 2. Л. 41–45.
- ⁴⁷ Там же. Л. 50–53.
- ⁴⁸ *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 42–43.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 2. Л. 42–43.
- ⁵⁰ См.: *Санин Г.А.* Отношения России... С. 180–181.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 1–3.
- ⁵² Там же. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 2. Л. 58–61; Иск. 2. С. 394–395, прим. 202, 203.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 4, 222–223; см. также: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.) Кишинев. 1987. С. 219–220; *Шульман Е.Б.* Русско-молдавские дипломатические сношения... С. 45–48.
- ⁵⁴ См.: *Санин Г.А.* Отношения России... С. 181–182.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. 1657 г. Стлб. 22. Л. 188–192; см. также: Иск. 2. С. 395–396, прим. 211–212.
- ⁵⁶ *Nistor I.* Contribuții... P. 24–28; *Gemi T.* Țările Române... P. 163–164.
- ⁵⁷ Санин Г.А. Отношения России... С. 209–211
- ⁵⁸ *Gemi T.* Țările Române... P. 164–166.
- ⁵⁹ *Санин Г.А.* Отношения России... С. 202–206.
- ⁶⁰ Подробно об этом см.: *Шушарин В.П.* Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов (1648–50-е гг.) // Османская империя и страны... С. 227–230.
- ⁶¹ *Istoriile domnilor Țării Românești de Radu Popescu* // *Cronicari munteni*. I. Бус., 1961. P. 378.
- ⁶² РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1658 г. Д. 31. Л. 1.
- ⁶³ Там же. Л. 2 об.; Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 2–11.

L.E. Semenova

(Moscow)

**DANUBIAN PRINCIPALITIES
IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS
OF THE 5TH DECADE OF THE 17TH CENTURY
(Sources from Russian State Archives of Old Acts)**

Summary

The war for independence of Ukraine started in 1648 had a major effect on the political situation in Eastern and South-Eastern Europe. Zaporozhie Cossaks' military success in their fight against Rzecz Pospolita and diplomatic activity of Bogdan Chmelnitsky became an important factor of international relations in

the region. After making allies with Crimean Khanate and starting negotiations with Ottoman Empire, Bogdan Chmelnytsky was able to concentrate on winning a support of other countries. He established relations with Russia and Transylvania and signed a treaty with Moldavia trying to make it his ally.

A decision of Pereyaslavskaya Rada (1654), which made the Cossacks of Zaporozhie headed by hetman Bogdan Chmelnytsky Russian subjects, resulted in a polarization of interests of the countries involved in the conflict between Russia, Poland and Ukraine thus shaping two political blocks. Russia and Ukraine were countered by Rzech Pospolita and Crimea backed by Ottoman Empire. This situation made Danubian Principalities and Transylvania an object of rivalry between the warring parties who did their best to strengthen their influence in these countries in order to use Principalities and Transylvania in their political schemes.

Rzech Pospolita was making its best to get a military support from the Principalities, while Ottoman Empire kept demanding their active interference in favor of Poland against Russia and Ukraine. On the other hand Russian and Ukrainian diplomacy made some steps to distract the Principalities from possible alliance with Rzech Pospolita. An embassy headed by G.F. Samarin was sent from Moscow to Moldavia and Walachia with the task of ensuring their neutrality in case of war between Russia and Poland. Bogdan Chmelnytsky, establishing his own contacts with Moldavian and Walachian rulers, was also an important part of Russian diplomacy in Danubian region.

On the other hand, the development of international situation made rulers of the Principalities interested in negotiations with Bogdan Chmelnytsky and through his mediation with Russia. It was partially due to the projects of Transylvanian prince Rakoczi II, who was looking forward to use them in his plans of acquiring Polish crown. This situation put Moldavia under a menace of Tartar attack and in March 1656 Moldavian gospodar G. Stefan sent an embassy to Moscow asking to accept him and his subjects into Russian allegiance.

However these negotiations between Russia and Moldavia were cancelled due to the complication of international situation. Waging a war against Sweden, Russian government did not want this Moldavian connection to aggravate its relations with Crimea and Ottoman Empire. It was the same priority of keeping peace on its Southern borders, which made Russia to ignore G. Stefans' appeal for help later in 1658. Recommencement of war against Poland made keeping on good terms with Ottoman Empire and Crimea even more vital for Russia.

О.В. Хаванова
(Москва)

**ТРАНСИЛЬВАНИЯ В ПЕРИОД
РУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО
КОНФЛИКТА В 50-е ГОДЫ XVII в.**

Геополитическое положение Трансильвании на границе Центральной и Юго-Восточной Европы, особенности государственно-правового статуса (вассальная зависимость от Османской Порты при относительной самостоятельности внешней и внутренней политики) и генетическая связь с Королевской Венгрией, входившей в состав владений Габсбургского дома, открывали перед правителями княжества широкие возможности для дипломатических маневров. В числе первоочередных внешнеполитических задач, стоявших перед трансильванскими князьями в середине XVII в., было упрочение своей фактической самостоятельности путем сохранения мирных отношений с Османской Портой, усиление влияния в сопредельных державах, прежде всего, Речи Посполитой на западе и Дунайских княжествах на юго-востоке, объединение сил протестантской Европы в борьбе с гегемонией Габсбургов за освобождение и объединение Венгрии. В этой связи установление дипломатических отношений и заключение союза с казаками, восставшими в 1648 г. против власти польского короля, приобретали особое значение. Вовлечение казачества, наряду с Молдавией и Валахией, в конфедерацию под эгидой Трансильвании способствовало усилению позиций княжества в регионе.

Источники по дипломатической истории Трансильвании середины XVII в. достаточно хорошо изучены в венгерской исторической науке. Выдающийся венгерский историк и источниковед рубежа XIX—XX в. Шандор Силади опубликовал большие массивы документов, охватывающие различные аспекты истории Трансильвании периода правления князей из династии Ракоци. К таким публикациям относится фундаментальный двухтомник «Трансильвания и северо-восточная война. Письма и документы»¹, в котором собраны письма, дипломатические инструкции, отчеты послов, тексты международных договоров,

воссоздающие различные векторы международных отношений в Восточной Европе в 50-е годы XVII в.

Силади также опубликовал два тома, посвященных князю Дёрдю II Ракоци в многотомном издании *Monumenta Hungariae Historica* (серия *Diplomataria*). Том XXIII – «Архив дипломатических сношений Дёрдя Ракоци II» – содержит обширную внешнеполитическую переписку князя с Польшей и Швецией, Запорожской Сечью и кромвелевской Англией, Дунайскими княжествами и Османской Портой². В томе XXIV – «Семейная переписка двух князей Дёрдей Ракоци» – особый интерес представляют письма Дёрдя II к матери Жужанне Лорантфи, которая играла видную роль во внутренней политике, распорядилась после смерти мужа всем имуществом семьи и которую Ракоци информировал о важнейших событиях в международных отношениях³. Определенный интерес для исследователя могут также представлять протоколы заседаний Государственного собрания Трансильвании, поскольку без согласия сословий княжества Ракоци не мог объявить рекрутский набор, вступить в войну или ратифицировать мир⁴.

Из российских публикаций необходимо отметить фундаментальную многотомную публикацию «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», в которой трансильванско-украинские дипломатические отношения представлены в контексте политики России в южных и западных землях. Особый интерес представляют письма Ракоци к гетману Богдану Хмельницкому и писарю (впоследствии гетману) Ивану Выговскому по поводу заключения и возобновления союзных отношений, тексты трансильванско-украинских союзных договоров, а также донесения в Москву о совместных действиях Ракоци и Хмельницкого и сведения о реакции различных слоев казацкого войска на союз гетмана с трансильванским князем⁵. Дипломатическая переписка трансильванского князя и украинского гетмана собрана воедино из более ранних публикаций, в том числе из работ Ш. Силади, документов издания «Акты Южной и Западной России» и др., в книге «Документы Богдана Хмельницкого»⁶.

При изучении международных связей трансильванских князей необходимо учитывать, что, в отличие от дипломатии других западноевропейских государств, Трансильвания не имела постоянных послов ни при одном дворе. В Стамбуле находился постоянный поверенный в делах, именованный «капитиха» (*kapitiha*). Главы временных посольств назначались, как правило, их ближайших советников или глав административных округов, причем всякий раз для выполнения какого-нибудь конкретного поручения. В Дунайские княжества, Войско Донское, Крымское

ханство, Курляндию или в крупные государства по малозначительным поводам направлялись посланники дворянского звания из ближайшего княжеского окружения. Относительная преемственность сохранялась лишь в дипломатических сношениях с Портой, Священной Римской империей и Речью Посполитой⁷.

Особенность восприятия личности Дёрдя II Ракоци в трансильванском (и даже шире: в венгерском) общественном мнении той эпохи заключалась в том, что его с детства воспитывали для управления княжеством и с самого избрания на трансильванский престол в 1648 г. возлагали надежды как на продолжателя дела его великого отца – Дёрдя I Ракоци. И молодой князь, несмотря на известную непредсказуемость своего характера, в первые годы правления во внутренней и внешней политике следовал линии отца, старательно избегал всего, что могло спровоцировать конфликт не только с собственными подданными, но и с соседними державами. Однако стремление любой ценой заполучить польскую корону без учета или при недостаточной осведомленности о реальном соотношении сил на международной арене, помноженное на роковое для Ракоци стечение обстоятельств и усиленное его личной безответственностью в решающие моменты истории, привело к тому, что его правление стало последними годами внутри- и внешнеполитической самостоятельности княжества. Важную роль в судьбе Трансильвании сыграют взаимоотношения с Войском Запорожским, прошедшие несколько этапов: от планов совместных действий в отношении Речи Посполитой в начале 50-х гг. XVII в. до карательного похода казаков в составе татарского войска на Трансильванию в 1660 г.

Вступление Дёрдя II Ракоци на трансильванский престол совпало по времени с коренными изменениями в восточноевропейском политическом ландшафте. В 1648 г. казачество под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого восстало против польской власти. В том же году в Речи Посполитой должны были состояться выборы нового короля. В числе претендентов был младший сын Дёрдя I, Жигмонд Ракоци. Казакам была выгодна эта кандидатура, и осенью того же года Хмельницкий прислал послов к трансильванскому князю для установления дипломатических отношений. Однако смерть Дёрдя I, последовавшая 11 октября 1648 г., смешала все планы: «трансильванская» партия в Речи Посполитой лишилась поддержки и покровительства, и на выборах имя Жигмонда Ракоци даже не было упомянуто. Польским королем 17 ноября стал младший брат Владислава IV Вазы Ян Казимир.

Хмельницкий, имея союзником только крымского хана, понимал, что без влиятельного патрона, каким мог бы стать трансильванский князь,

ему будет трудно добиться независимости. Еще при жизни старого князя гетман просил поставить во главе казачьего войска Жигмонда, который был обручен с дочерью молдавского господаря Василе Лупу и был дружен с Радзивиллом, возглавлявшим партию «диссидентов» при польском дворе. Дёрдь II, в свою очередь, был заинтересован в том, чтобы вовлечь казаков в орбиту своего влияния, и Жигмонд уже склонялся к тому, чтобы принять приглашение возглавить казачье войско. Единственное, чего опасались братья Ракоци – реакции Варшавы. После того как в августе 1649 г. сейм ратифицировал Зборовский мир, Ракоци заверил Хмельницкого, что он может рассчитывать на его поддержку, но попросил подождать и тем временем прислать своего сына Тимофея к трансильванскому двору для того, чтобы воспитать юношу в хороших манерах⁸. Столь уклончивый ответ гетмана не устроил.

В углублении разногласий между Ракоци и Хмельницким роковую роль сыграла позиция Василе Лупу. Он все меньше нуждался в союзе с Трансильванией и летом 1650 г. под предлогом религиозных различий порвал помолвку своей дочери с Жигмондом. Хмельницкий, желая извлечь политическую выгоду из сложившегося положения, стал склонять господаря выдать дочь за Тимофея, но Лупу уходил от прямого ответа. Наконец, в сентябре казачье войско вторглось в Молдавию. Лупу был вынужден согласиться на помолвку, но одновременно передал Молдавию под патронат Речи Посполитой, за что получил польское дворянство.

Хмельницкий был готов на все, чтобы освободить Сечь от польского гнета. В одном только 1651 г. он дважды посылал послов к Ракоци с просьбой о помощи. Князь совсем не возражал против того, чтобы казаки снова напали на Речь Посполитую, ибо эта операция могла завершиться свержением короля. Но желая действовать наверняка, Дёрдь II в ответ на первое посольство предложил Хмельницкому послать войско под Краков, при этом сам предполагал оставаться в стороне до прояснения исхода событий. Тогда в мае Хмельницкий послал другое посольство, обещая князю верность до гроба, польскую корону и послушание.

Не забывая о щедрых посулах казаков, Ракоци готовил дипломатическую почву для своего возможного выступления. Прежде всего ему было необходимо нейтрализовать враждебные действия Порты и Священной Римской империи. Женитьба Жигмонда Ракоци на Генриетте, дочери Фридриха Пфальцского («мятежного» курфюрста, коронованного в 1618 г. чешским королем) свидетельствовала о далеко идущих планах создания широкой европейской протестантской коалиции. В качестве условий своей помощи Хмельницкому Дёрдь II Ракоци потребовал, во-первых, чтобы султан признал его выступление ответом на военные действия

со стороны императора, а во-вторых, чтобы Трансильвания выступала одной из сторон при заключении союза между казаками и Крымским ханством. Столь трудновыполнимые условия не устраивали гетмана, и между Ракоци и Хмельницким так и не было заключено никакого союза⁹.

В октябре 1651 г. к Ракоци прибыл посол шведской королевы Кристины Б. Шютте, который привез письма от наследника шведского престола Карла Густава. Шютте провел в Трансильвании три месяца, изучал обстановку, неоднократно обсуждал с князем перспективы укрепления шведско-трансильванского союза, заключенного в 1644 г. Ракоци просил прислать к своему двору постоянного посла, что стало бы противовесом не только Речи Посполитой, отношения с которой были весьма непростыми, но и Священной Римской империи. Если бы возник союз Швеции, Бранденбурга и Трансильвании, то император, опасаясь нападения со стороны Порты, не смог бы помешать Ракоци завладеть польской короной. Однако практических шагов со стороны Швеции так и не последовало. Кристина уже готовилась к отречению¹⁰.

В 1652 г., поняв, что от Ракоци ждать помощи бессмысленно, Хмельницкий обратился за помощью к русскому царю Алексею Михайловичу, но тот, не желая осложнять отношения с Речью Посполитой, не решался оказать содействие казакам. Тогда Хмельницкий вновь стал торопить Василе Лупу с помолвкой, однако господарь, надеясь выдать дочь за Вишневецкого, разместил на южном берегу Буга польский корпус. Тимофей с отрядом татар и казаков разбил поляков. Наблюдая за событиями в соседней Молдавии, Ракоци решил вмешаться, и в марте 1653 г. в союзе с валашским господарем Матвеем Басарабом организовал военную экспедицию против Лупу. Давний союзник Ракоци – молдавский боярин Георге Стефан использовал внутренние волнения и внешнеполитическую поддержку трансильванского князя для того, чтобы сместить Лупу. В одном из сражений был смертельно ранен Тимофей Хмельницкий.

Участие Ракоци в изгнании Лупу из Молдавии и усиление зависимости Дунайских княжеств от Ракоци принесло немалую экономическую и внешнеполитическую выгоду. Казна Трансильвании пополнилась 100 тысячами гульденов и 25 тысячами серебряных талеров. Продукция трансильванского мануфактурного производства получила надежные рынки сбыта¹¹. Столица княжества Дюлафехервар превратилась в место паломничества дипломатических миссий восточноевропейских государей. Внешне между Хмельницким и Ракоци сохранились сердечные отношения. Ежегодно при трансильванском дворе один или два раза появлялся посол гетмана, не только просивший о военной помощи, но и заверявший в вечной дружбе. Но этим свидетельствам нельзя верить, по-

скольку до конца своих дней Хмельницкий продолжал винить князя в безвременной гибели своего сына.

В конце 1653 г. Хмельницкий разочаровался в большинстве своих прежних союзников, — писал Ш. Силади в комментариях к «Северо-восточной войне», — он уже не мог рассчитывать на Молдавию, с татарами гетман был в напряженных отношениях, войска Ракоци сражались вместе с поляками, и только со стороны русского царя он не чувствовал подвоха. Однако, в отличие от российской историографии, Силади склонен считать союз Хмельницкого с Москвой тактическим ходом: «Четыре года Хмельницкий не думал о союзе с Москвой и испробовал все, чтобы избежать разрыва с поляками, и только на пятый год он обратился к русскому царю, а на седьмой — 8 января 1654 г. — ему покорился». В пользу того факта, что союз с Москвой не был раз и на всегда выбранной альтернативой говорит, по мнению венгерского историка, тот факт, что в 1654 г. неоднократно послы Хмельницкого просили у Ракоци военной помощи против польского короля¹².

Ракоци, абсолютно ошибочно оценивая ситуацию, думал, что пришло его время стать посредником между казаками и поляками. Поэтому когда от Хмельницкого прибыло очередное посольство с предложением о возобновлении отношений, Ракоци дал им успокаивающий ответ. Для того, чтобы получить санкцию другой стороны, было решено направить посла на польский сейм. Только в Варшаве трансильванский посол узнал о том, что Хмельницкий заключил союз с русским царем и поспешил проинформировать об этом Ракоци. В условиях надвигавшейся русско-польской войны договориться об оборонительном союзе, суть которого — взаимные обязательства Ракоци выступить с польскими войсками против русского царя, а польского короля поддержать Ракоци против османов — так и не удалось.

Внешнеполитическая активность Ракоци в 1655 г. свидетельствовала о том, что он не упускал из вида решения двух взаимосвязанных стратегических задач — дальнейшего укрепления позиций Трансильванского княжества, которому предстояло стать ядром в будущем объединении Венгрии, и создания на международной арене широкой антигабсбургской коалиции. Первой цели служила военная операция по подавлению народного восстания в Валахии, второй — дипломатическая миссия К. - Шаума по странам протестантской Европы.

К середине 50-х гг. экономическая зависимость Валахии от Трансильвании начала ослабевать. Воевода Матвей Басараб с помощью системы протекционистских мер стремился превратить экономику княжества в самодостаточную, не нуждающуюся в трансильванском импорте. Одна-

ко, когда в 1655 г. в Валахии вспыхнуло восстание наемного войска, переросшее в мощное народное движение, ни у Матвея, ни у его преемника Константина Шербана не оказалось достаточно сил для его подавления. Ракоци использовал свое вмешательство во внутренние дела Валахии для восстановления зависимости Дунайских княжеств от Трансильвании. Сначала Ракоци послал в Валахию отряд под командованием Я. Бороша, но летом 1655 г. лично возглавил войско, к которому присоединился молдавский господарь Г. Стефан. Восстание было подавлено, зачинщики заговора пленены и отправлены в Трансильванию.

В конце 1654 г. Ракоци направил своего секретаря Константина Шаума с дипломатической миссией в Швецию, Голландию и Англию для переговоров о возможном создании антигабсбургской коалиции. К этому его, прежде всего, подталкивали представители придворных кругов, обладавшие, как например Ян Амос Коменский, широкими связями в западноевропейском протестантском интеллектуальном мире. Эмиссар трансильванского князя повсюду встретил радушный прием. При дворе нового шведского короля Карла X, наследовавшего Кристине после ее отречения, Шаум пробыл до середины марта, оттуда направился в Данию, в середине марта встретился с английским посланником в Гамбурге, затем отправился в Голландию, а оттуда, в конце мая – в Англию. О. Кромвель принял его исключительно любезно, но сам Ракоци старался дистанцироваться от цареубийцы. О том, что не все правители были с ним до конца откровенны, свидетельствует тот факт, что лишь на обратном пути в Трансильванию Шаум с удивлением узнал, что Карл X начал войну против Речи Посполитой.

Ракоци не был чужд идее вмешательства в войну, но за свою помощь полякам хотел потребовать не менее, чем польскую корону. По семейным связям, по политическим традициям он был тесно связан с протестантской Швецией. Но в августе 1655 г. к его двору прибыл шведский посол Готхард Веллинг и заявил, что Карл X не желает его вмешательства в вооруженный конфликт и просит лишь о добровольном нейтралитете. Ракоци дал вежливый благожелательный ответ, но отказался размещать шведские войска на территории княжества под предлогом ведения военной кампании в Валахии.

Тем временем прибыли польские послы: Козаковский от Потоцкого и Шумовский от самого Яна Казимира. Если через Шумовского Ракоци выразил польскому королю вежливые соболезнования, то в ответ на предложение польской короны от Потоцкого князь решил направить в Варшаву своего посла. Поляки могли стерпеть то, что шведы разорили страну, но с торжеством протестантизма они смириться никак не могли,

поэтому, как писал Ш. Силади, «чем дальше развивались события, тем меньше в них вписывался Ракоци»¹³. Главным препятствием была вера. За освобождение от шведов корону предлагали императору Священной Римской империи, русскому царю, но особенно серьезно — Ракоци. За военную и финансовую помощь было обещано, что Ян Казимир усыновит его сына, а если князя это не устроит — юного Ференца Ракоци изберут королем на ближайшем сейме. Тогда мальчик должен будет принять католичество и жить при польском дворе. Наконец, если Ракоци все-таки сам захочет стать королем, то, будучи протестантом, он сможет стать только избранным, а не коронованным королем. Требование перемены веры было воспринято Ракоци как оскорбительное, и он отказал польским послам.

Весной 1656 г. Ракоци вновь посетил посол Хмельницкого. Причиной сближения с ненавистным трансильванским князем была озабоченность гетмана возможностью избрания Ракоци польским королем и желание отговорить его от этого шага. Князь принял послов гетмана 3 июня, а не ранее 12 июня отправил послов — Дёрдя Раца и Даниэля Тёвиши — к русскому царю предложить дружбу и выяснить, как долго он намерен продолжать войну с поляками и в каких отношениях находится со шведами, казаками, татарами. Когда Рац добрался до Москвы, война со шведами, которой руководил лично Алексей Михайлович, была в разгаре. Царь принял посла в своей ставке, но дал ответ, содержащий лишь общие слова¹⁴.

Тогда же был назначен посол к казакам Ференц Шебеши, который получил поручение заключить с гетманом оборонительный и наступательный союз, причем Хмельницкий должен был издать соответствующую грамоту и принести клятву, Ракоци же — только грамоту, без клятвы. 4 июля 1656 г. Шебеши прибыл в Чигирин, но поскольку достичь согласия по пунктам не удалось, договорились, что послы гетмана отправятся в Трансильванию, где продолжат переговоры, по результатам которых будет заключен союз.

При анализе причин и побудительных мотивов принятия трансильванским князем того или иного внешнеполитического решения необходимо учитывать степень его информированности о скрытых пружинах европейской дипломатии. У Ракоци не было надежных информаторов при европейских дворах, сообщавших бы ему о тайных переговорах. Так, направляя Раца к Алексею Михайловичу, он, вероятно, догадывался о начале русско-шведского сближения, но наверняка не мог знать о начале переговоров в Вильно о союзе между царем и посланцами Яна Казимира. Не было у Ракоци и достоверных сведений о договоре, заключенном 25 мая

в Мариенбурге между Карлом X и бранденбургским курфюрстом Фридрихом Вильгельмом. Даже о победе под Варшавой, одержанной шведско-прусским войском, князь узнал спустя недели. Наконец, Ракоци не подозревал о том, в каком затруднительном положении оказался сам победитель Карл X, которому дома грозило восстание и который находился в состоянии войны с Россией.

Летом 1656 г. Ракоци одновременно вел переговоры с послами шведского короля, гетмана и своими сторонниками в Речи Посполитой. Карл X собирался расчленить ее территорию, оставив себе львиную долю добычи. Поначалу он и не помышлял о том, чтобы предлагать трансильванскому князю польскую корону. В мае король направил к Ракоци своих эмиссаров, Целестина Штернбаха и Готарда Веллинга, чтобы уговорить князя присоединиться к шведскому войску в обмен на Спиш (Сепеш), Галич, Львов и часть Подолии. Послы добрались до Коложвара только в середине августа. Князь, во-первых, потребовал детального перечисления территорий, которые он получит в случае вооруженной поддержки шведского короля, а во-вторых, хотел быть уверен, что у Карла достаточно сил его защитить, если против него объединятся и нападут турецкий султан и германский император, а русский царь и крымский хан одновременно выступят против шведского короля. Наконец, князь не устраивала скромная цена вознаграждения за военную поддержку, поэтому он уехал в Дюлафехервар, куда за ним последовали и шведские послы.

Начался период одновременных переговоров Ракоци с посланцами гетмана и княжеского поверенного Яноша Кемени с представителями шведского короля. Шведы, в соответствии с последними инструкциями, полученными от Карла X, шли на все большие территориальные уступки, а вскоре были вынуждены открыто признать, что их государь не претендует на польскую корону. В то же время к Ракоци прибыл гонец из Варшавы от Любомирского, который торопил с предоставлением помощи. Скорее всего именно в этот момент, в начале сентября 1656 г., Ракоци решил в пользу, как ему казалось, более легкого решения — вооруженного вторжения в Польшу на стороне Швеции при условии, что за это он получит обещанные территории.

Однако необходимо было заключить союз с казаками, тем более что во время пребывания Шебеши в Чигирине гетман неоднократно ссылался на свои дружеские отношения со шведским королем¹⁵. Теперь у послов Хмельницкого были полномочия принести клятву в том случае, если князь и Государственное собрание поклянутся на тексте договора. 2 сентября князь и казачье посольство договорились об условиях оборонительного и наступательного союза, но Ракоци, исходя из того, что он —

суверенный государь, гетман же — вассал русского царя, составил два текста: пункты общего содержания и пункты, относящиеся к запорожскому войску. Именно в такой форме 7 сентября 1656 г. документ был торжественно подписан князем, его советниками и послами казаков¹⁶.

Кстати, принимая окончательное решение о том, каким путем идти к своей главной цели — польской короне, князь обратился за советом к сословиям, чью сторону предпочесть, поляков или шведов, и Государственное собрание, принимая во внимание, что союз с Швецией сулил корону без отказа от веры, проголосовало за этот вариант. Карл же, как только до него дошла весть о том, что давние соперники — Ракоци и Хмельницкий — заключили союзный договор, он спешно послал к гетману Якоба Тёрншёльда, убедить того присоединить свое войско к шведскому и намекнуть, что таким образом он сможет добиться независимости. Одновременно Веллинг получил наказ направиться в Чигирин, укрепить союзные отношения, возникшие между князем и гетманом.

Правда, заключение союзного договора с Трансильванией было неоднозначно встречено в ставке гетмана. Когда Хмельницкий и его окружение узнали, что было составлено два документа — собственно грамота и особые пункты, касающиеся запорожского войска, и по этим пунктам нужно принести присягу (словно они, казаки, вассалы Ракоци) это вызвало неслыханное возмущение в рядах казацкой старшины. Когда же казаки узнали, что их послы Ковалевский и Груша уже принесли клятву по этим пунктам, их чуть не убили. В конце концов послу Ракоци Ласло Уйлаки пришлось согласиться с тем, что клятва будет принесена на Библию только по тексту диплома. После этого Хмельницкий объявил мобилизацию¹⁷.

Пребывание шведских и казацких послов в Трансильвании беспокоило поляков, и Любомирский попытался через свое доверенное лицо Яна Вояковского передать, что ради отказа от союза со шведами готовы пойти на уступки, в том числе в религиозном вопросе, получил достаточно жесткий ответ Ракоци, что у него нет союзных обязательств перед Швецией, но условия, которые были ему предложены, князь считает неприемлемыми. Так был отрезан путь к дальнейшему торгу с польским королем.

Грядущая польская война не была популярна в Трансильвании. Мать князя Жужанна Лорантфи, его жена Жофия Батори, ближайшее окружение, протестантское духовенство всячески противились идее вторжения в Польшу. Чем ближе было подписание договора с Швецией, тем меньше воодушевления выказывала аристократия. Ракоци не понимал, почему от короля уже несколько месяцев нет никаких вестей, и успокаивал себя

тем, что из Пруссии через вражескую территорию письма приходят с большим опозданием. Шведские послы Ц. Штернбах и Г. Веллинг понимали, что требования Ракоци выходят за рамки данных им полномочий, но, с другой стороны, не противоречат намерениям их государя. Поэтому 6 декабря 1656 г. послы шведского короля и доверенные лица трансильванского князя Кемень и Микеш подписали, так и не дожидаясь ответа от Карла, договор, обозначивший цели будущего союза.

Позднее Штернбах приписывал успех шведского посольства своим талантам дипломата. Зная желание Ракоци во что бы то ни стало завладеть Краковом и что у шведов не было сил удерживать, Штернбах посулил Ракоци Краков в обмен на обещание выступить в поход не позднее начала будущего 1657 г. Ракоци хотел, чтобы поляки видели в нем не захватчика, а освободителя, поэтому были составлены обращение к польским сословиям и письма к отдельным магнатам с разъяснениями целей вторжения в Польшу. Был разработан детальный план совместных действий трансильванских, молдавско-валашских, казацких частей. 22 декабря Веллинг отправился к гетману официально — поторопить того с приготовлениями, неофициально — выяснить, согласятся ли казаки на то, что во главе страны встанет Ракоци, или они предпочтут независимость от Речи Посполитой.

Дипломатическая активность Хмельницкого не на шутку взволновала Москву. В ноябре 1656 г. житель Путивля Алексей Мисков, посланный из Киева в ставку гетмана доносил, что «с Рокоцим, венгерским князем, договор учинен и меж себя присягали, что быть в соединеньи на том». Далее Мисков писал о планах Хмельницкого: «Только де будет на них какой государев гнев, и ему де гетману со Свейским королем и с Венгерским князем и с Молдавским и с Мунтянским владетели и с Крымским ханом идти на государевы города»¹⁸.

6 января 1657 г. в роскошном, привезенном из Турции кафтане, с дорогим оружием, на коне в богато украшенной сбруе Ракоци выступил в поход на Польшу. Казалось, что момент выбран удачно, потому что Речь Посполитая еще не оправилась от потери Малороссии и только-только заключила мир с Россией. Если политическая элита Трансильвании не испытывала восторга по поводу предстоявшей войны, то в Венгрии шаг Ракоци был с воодушевлением встречен той частью господствующего класса, которая связывала с трансильванским князем надежды на объединение политически раздробленной Венгрии. Известно, что виднейший идеолог «национальной» партии, венгерско-хорватский аристократ Миклош Зрини посвятил свой политический трактат «Размышления о короле Матяше» (короле, при котором Венгрия во второй половине XV в. дос-

тигла пика своего политического могущества и культурного расцвета) именно князю Дёрдю II Ракоци.

Весть о скором вторжении привела в ужас даже бывших сторонников Ракоци. Поляки обратились к султану с просьбой отговорить трансильванского князя от этого шага. 14 января 1657 г. Ракоци принял казацких послов, сообщивших, что к Хмельницкому приезжали послы крымского хана с предложением вступить в переговоры, а 15 января прибыло пышное посольство от русского царя с просьбой расторгнуть соглашение со шведским королем. Но Ракоци им ответил, что всего лишь возобновил старый договор со шведами¹⁹. Русское правительство также использовало связи с Дунайскими княжествами для того, чтобы передавать предложения трансильванскому князю. М. Грушевский пишет, например, о миссии Г. Самарина в Молдавию и Валахию, что, возможно, посол имел письмо и для Ракоци²⁰.

Вообще, весь 1657 год русские будут внимательно следить за успехами и неудачами Ракоци в Польше, за действиями его союзника Хмельницкого и стремиться предугадать подлинные цели и возможные последствия союза гетмана с князем. Окольничий Федор Бутурлин и дьяк Василий Михайлов сообщали о своей поездке на Украину: «В дороге многие люди сказывали, что гетман Богдан Хмельницкий послал к Ракоце Венгерскому войско запорожское с полковником Онтоном Ждановичем для того, чтобы Поляков сбить, а на коруне Польской быти Венгерскому Ракоце. И будет Ракоца за помощью царского величества ратных людей Поляков собьет и учинится на коруне Польской королем ... И для чего такое доброхотенье гетман Богдан Хмельницкий учинил Ракоце Венгерскому, и что ему за тот посилек Ракоца обещал дати, и по какой мере чинено без воли и повеленья царского величества, а на коруну Польскую брали великого государя нашего, его царское величество?»²¹

Ракоци считал, что как только Краков будет в его руках, большинство поляков само перейдет на его сторону. Даже когда пришло известие, что в лагерь Ракоци направляется турецкий посол, князь приказал задержать его до того момента, когда Краков окажется в его руках. 18 апреля трансильванское и шведское войско соединились под Краковом. Встал вопрос о том, чьи части будут размещены в городе. Князь хотел, чтобы в городе остались шведские части, но Карл под предлогом, что собственные войска ему будут нужны в Швеции, сказал Ракоци: «Если Твое Величество хочет быть королем, охраняй и свои города». В результате в город были введены венгерские части²².

В мае, поняв, что поляков не вынудить на генеральное сражение, венгры и шведы приступили к осаде Бреста. Именно там Карл получил извест-

тие, что датчане напали на его страну. Именно тогда, 19 мая 1657 г. Карл ратифицировал шведско-трансильванский договор, подписанный его представителями 6 декабря прошлого года. Король уговаривал Ракоци сделать то же самое, но князь проигнорировал предложение и тем самым упустил возможность связать свою судьбу с судьбой Карла. Возможно, пишет Ш. - Силади, так он надеялся добиться расположения польских патриотов²³.

23 мая капитулировал Брест. Ракоци хотел, чтобы в нем, как и в Кракове, были размещены смешанные венгерско-шведские части, но король отказался. Карл скрыл от Ракоци, что выводит свои войска из Польши, а князь все еще не верил, что союзник оставит его здесь, на чужбине одного. 9 июня, когда Ракоци во главе венгерского войска торжественно вошел в Варшаву, шведы, получив известие о том, что датский король подстрекаемый Леопольдом I (тогда еще венгерским королем), напал на Швецию, панически покинули своего трансильванского союзника. Пункты шведско-трансильванского договора позволяли королю сделать это, но моральный аспект его решения сомнителен.

Против Ракоци постепенно объединились Порты, Священная Римская империя, и Крымское ханство. Султан требовал, чтобы Ракоци примирился с поляками и заключил союз с Москвой. Польский посол в Стамбуле Яскольский испугал османов тем, что Ракоци хочет побудить греческое население империи к восстанию, и трансильванских послов бросили в тюрьму. Польскому послу Лещинскому в Вене удалось добиться выгодных условий заключения австро-польского союза, направленного не столько против шведов, сколько против Ракоци. Леопольд I обязывался предоставить 12 тыс. войска и послать к казакам послов, чтобы уговорить их вернуться под сюзеренитет польского короля. Наконец, татары, не желавшие нарушать союза с поляками, готовились к нападению на Трансильванию.

Между венгерским и казацким войском не было согласия. Солдаты обеих армий все чаще ссорились из-за добычи. Казацкие генералы жаловались в своих донесениях Хмельницкому, что венгры обижают казаков. Посол Ракоци при гетмане писал: «Казаки темнят по отношению к князю, как будто хотят сохранить Польшу для себя. Им не понравилось, что князь занял Брест, потому что считают, что все, что находится за Вислой, принадлежит им»²⁴. Та же информация содержится в донесении Бутурлина и Михайлова: «А договоренося де у гетмана у Богдана Хмельницкого на том: города по Вислу реку и в которых жили руские люди благочестивые и церкви были, и тем быти к городом его царского величества войска Запорожского». ²⁵ 21 июля 1657 г. казаки, в том числе под давлением Порты и крымского хана, вышли из войны.

Уже с весны 1657 г. столица Богдана Хмельницкого превратилась в центр дипломатической активности. Польский посол Беньовский неоднократно повторял свои предложения о заключении мира. Татарский посол склонял Хмельницкого к совместному нападению на Дунайские княжества и Трансильванию. Царский посол Бутурлин отговаривал гетмана соблюдать пункты договоров с Трансильванией и Швецией. Гетман со всеми вел переговоры, всех заверял в дружбе, но ни с кем не был искренен. С одной стороны, он обещал полякам послать им на помощь 10-тысячное войско во главе со своим сыном, с другой стороны — на просьбу венгерского посла о помощи ответил, что войско уже отправилось в путь. Каждая из сторон думала, что помощь отправлена именно ей. На самом деле Хмельницкий приказал, чтобы войско шло как можно медленнее, чтобы затем присоединиться к победителю²⁶.

Для Ракоци самым страшным было не фактическое предательство союзников, а та партизанская война, которая развернулась против его изрядно измотанного войска по всей стране. Князь был вынужден просить мира у поляков, и те продиктовали ему самые унижительные условия: расторгнуть союз со шведами и казаками, в будущем оказывать Польше союзническую помощь, отпустить всех пленных и заплатить контрибуцию в 1,2 млн. форинтов, вернуть все захваченные территории. Ракоци начал отступление, но боясь нарваться на татар, петлял по стране, окончательно изматывая остатки деморализованного войска. Когда же столкновение с татарами стало неизбежно, Ракоци оставил войско на Я. Кеменя и бежал.

В России продолжали внимательно следить за развитием событий на Юго-Востоке Европы. 14 августа в Посольском приказе со слов посла гетмана Павла Тетери было записано, что «Ракоца Венгерский взят у польских людей и выпросился на откуп, и Поляки его провожали. И послыша то крымские люди, пошли за ним в погоню, и что у них учинилось, про то им ведома нет»²⁷. 28 августа Иван Выговский писал киевскому воеводе А. Бутурлину о том, что бежавший из Речи Посполитой Ракоци добрался до своей столицы, а все его войско поляки сдали крымскому хану. «Имею ведомость подлинную, — продолжал Выговский, — ко мне писанную что Ракоца не хочет денег дать ляхом за их измену, а хан ... всех венгров в неволю побрал»²⁸.

Весть о поражении Ракоци деморализовала Трансильванское княжество. На Государственное собрание, открывшееся 25 сентября, явились османские послы с требованием отречения Ракоци. По результатам выборов новым князем стал Ференц Редעי. Однако Дёрдь II не отказался от попыток реванша. Он еще мог рассчитывать на исполнение союзничес-

кого долга Валахией и Молдавией, на возрождение союза с казаками, на помощь Карла X. Тем временем казаки, поняв, что ставка на Ракоци в борьбе за самостоятельность Войска Запорожского не оправдалась, отвернулись от него. В инструкции казацким послам, направлявшимся в ноябре 1657 г. в Москву, говорилось: «Ныне подлинную ведомость вся чернь войска Запорожского узнали о том, что ещо при животе умершего Богдана Хмельницкого, гетмана войска Запорожского, вся старшина, гетман и все полковники тайно всею чернью присягу учинили неведомо для чего с князем Семиградским с Юрием Ракоци и с королем Свейским, и с обоими воеводы с Валашским и с Молдавским, и к царю Крымскому листы шлют, а то все для измены против вашего царского величества»²⁹.

Тем временем в Трансильванское княжество, фактически оставшееся без войска, вторглись татары вместе с частями молдавского воеводы и казаков. Ракоци не стал оборонять столицу, и Дюлафехервар подвергся методичному и жестокому разграблению. В надежде предотвратить катастрофу один из приближенных Ракоци, Акош Барчай, отправился в ставку великого везира и договорился о тяжелых условиях капитуляции: уплата 40 тыс. форинтов годового налога, 50 тыс. талеров контрибуции, передача османам Лугоша и Караншебеша, пленение Ракоци. В октябре неприятельское войско ушло из Трансильвании. В условиях, когда войско находилось в татарском плену, страна была полностью разорена, а великий везир ждал выплаты огромного долга, началась ожесточенная борьба за власть между Ракоци, на помощь которому пришел валашский господарь, и Барчай в союзе с будайским везиром.

В ноябре 1659 г. находящийся в Вараде Ракоци обратился за помощью к Алексею Михайловичу: «И понеже ныне вашему цесарскому величеству запорожские подалися и счастливым вашим цесарского величества ружьем татары побиты и разорены ... хотенья наши совершим и безспрестанное на неверные грубиянского недруга впредь одоления жалаем и нашего доброжелательного хотенья из пресветлейшего вашего величества против опчего недуга заодно стояти с ним объявляем и надеемся, что ваше величество как любезно изволит принять сие наше желанье»³⁰. Письмо было получено в Посольском приказе в начале 1660 г., а в апреле османы, уставшие ждать обещанную дань, вновь направили в Трансильванию войско. Намерение Ракоци вступить в прямые переговоры с Москвой («о сих и иных делах божиею помощью нашего посла к вашему величеству, послать думаем вскоре, сколь скоро получитьи услышим, что в тех во всех землях без опасенья проехать можно»³¹) не осуществились, т. к. 7 июня 1660 г., после поражения в битве у Сасфенеша, князь скончался от ран.

Поражение в войне за польскую корону имело катастрофические последствия для Трансильванского княжества. Снизилась его роль в международных отношениях. Потерпела неудачу попытка создать конфедерацию из малых восточноевропейских государств. Рухнули надежды венгерской политической элиты сплотиться вокруг Трансильвании и объединить Венгрию. Во взаимоотношениях с Войском Донским Дёрдь недооценил дипломатических талантов Хмельницкого, его умение играть на интересах разных сторон, поэтому провал вовлечения казачества в сферу влияния Трансильвании представляется закономерным. Попытки установления дипломатических отношений с Россией были скорее поиском сиюминутных тактических союзников, чем стремлением к стратегическому партнерству на основе реальных или мнимых общих интересов. Не случайно, что эти попытки так ни к чему не привели.

¹ Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok / Közzétette S. Szilágyi. Bp., 1890. I. köt.; Bp., 1891. II. köt.

² Okmánytár II. Rákóczi György diplomáciai összeköttetéseihez / Szerk. S. Szilágyi. Bp., 1890–1891 (Monumenta Hungariae historica. I. Diplomataria. Vol. 23).

³ A két Rákóczi György fejedelem családi levelezése / Kiad. S. Szilágyi. Bp., 1875 (Monumenta Hungariae historica. I. Diplomataria. Vol. 24).

⁴ Erdélyi országgyűlési Emlékek. Monumenta comitialia regni Transsylvaniae, 1540–1699 / Szerk. S. Szilágyi. Vol. 11. Bp., 1875–1898.

⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб, 1863–1892. Т. 3, 4, 7, 11. (далее – Акты Южной и Западной России).

⁶ Документи Богдана Хмельницького, 1648–1657. Київ, 1961.

⁷ Szilágyi S. II. Rákóczi György, 1621–1660. Bp., 1891. 57–58. old. (Magyar történelmi életrajzok. 19).

⁸ Ibid. 62–64. old.

⁹ Szilháyi S. II. Rákóczi György. 68. old

¹⁰ Ibid. 71–72. old.

¹¹ Erdély története / Szerk L. Makkai, Z. Szász. Bp., 1986. II. köt.: 1606-tól 1830-ig. 712. old.

¹² Erdély és az északkeleti háború. I. köt. 284. old.

¹³ Ibidem. II. köt. 5. old.

¹⁴ Ibidem. 15–16. old.

¹⁵ Перевод письма Карла X к Б. Хмельницкому от 11. II. 1656 см.: Акты Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. 3. С. 516–518.

¹⁶ Перевод текста договора Дёрдя II Ракоци с запорожском гетманом от 7. IX. 1656 см.: Акты Южной и Западной России. Т. 3. С. 546–547.

¹⁷ Okmánytár II. Rákóczi György diplomáciai összeköttetéseihez. 485., 489. old.

¹⁸ Акты Южной и Западной России. Т. 3. С. 549.

¹⁹ Erdély és az északkeleti háború. II. köt. 230. old.

²⁰ Грушевский М. История України-Руси. Т. IX. Ч. 2. Роки 1653–1657. Київ, 1931. С. 900.

²¹ Акты Южной и Западной России. Т. 3. С. 555.

²² Erdély és az északkeleti háború. II. köt. 237. old.

²³ Ibidem. 240. old.

²⁴ Okmánytár II. Rákóczi György diplomáciai összeköttetéseihez. 546. old.

²⁵ Акты Южной и Западной России. Т. 3. С. 557.

²⁶ Erdély és az északkeleti háború. II. köt. 246. old.

²⁷ Акты Южной и Западной России. СПб., 1879. Т. 11. С. 761.

²⁸ Там же. Т. 4. С. 6.

²⁹ Там же. Т. 7. С. 184.

³⁰ Перевод письма Ракоци к Алексею Михайловичу от 01.XI.1659 см.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в тех томах. М., 1968. Т. 2. 1633–1673. С. 314–315.

³¹ Там же.

O.V. Khavanova

(Moscow)

THE FOREIGN POLICY OF THE PRINCIPALITY OF TRANSYLVANIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY

Summary

The article is focused to the foreign policy of the Principality of Transylvania in the 5th decade of the 17th century with a special attention to its Polish and Ukrainian dimensions. Due to its geopolitical position on the crossroads of European diplomacy Transylvania played an important role in Central- and East-European region. Its political weight has grown during the Thirty Years War due to the flexible and determined policy of Gyorgy Rakoczi I. His son Gyorgy Rakoczi II, basing on the achievements of his predecessor made an attempt to acquire the crown of Poland and thus turn the Principality into the center for the future reunification of the lands of Hungarian Crown.

Rakocsi's diplomatic activities were focused mainly on influential Polish aristocracy dissatisfied with the policy of king Kazimir, on the Bogdan Chmelnitsky's capital Sech, and on the court of Swedish king Carl Gustav. Rakoczy tried to win a wider support for his project sending envoys to Cromwell's Britain and to Russian tsar Aleksei Mikhailovich. Transylvania did not keep regular representative at the majority of European courts. Therefore the prince was not informed about the state of European diplomacy. In the long run he failed to estimate balance of powers and made several wrong steps. Thus he concluded a treaty with the Swedish king (who was his natural

ally as the most powerful Protestant ruler) on the partition of Poland and blindly trusted Bogdan Chmelnitsky, whose alliance with the prince of Transylvania was a tactical move, aimed at reaching full independence from Russia.

After the pompous start of the Polish campaign in January 1657 and successful siege of Krakow and Warsaw the fortune has changed. Carl Gustav had to withdraw his troops from the Polish theater of war because of the invasion of the Danish king in Sweden. At the same time there was an escalation of contradictions between the between Transylvanian and Ukrainian troops, and by the June 1657 Rakoczy was abandoned by both his Ukrainian and Swedish allies. Infuriated by unauthorized activity of his vassal Ottoman sultan launched a punitive war against Transylvania. As a result the Transylvanian army was defeated, most of its soldiers were captivated by the Tartars, the Principality lost its role in the European diplomacy and its plans of a closer confederation with Danubian principalities and reunification of Hungary remained unfulfilled.

В.Г. Ченцова
(Москва)

**ИСТОЧНИКИ ФОНДА
«СНОШЕНИЯ РОССИИ С ГРЕЦИЕЙ»
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ДРЕВНИХ АКТОВ ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В
50-е гг. XVII в.**

50-е гг. XVII в. стали временем кардинального изменения международной обстановки в Восточной Европе, связанного с разрешением затянувшейся проблемы установления юрисдикции над украинскими землями и подданства запорожских казаков, вызвавшей долгую и кровопролитную войну. Вступление Запорожского Войска во главе с гетманом Богданом Хмельницким в подданство России привело к существенным сдвигам в расстановке сил, затронувшим интересы не только Речи Посполитой, которая потеряла контроль над запорожским казачеством, но и сохранявшей еще в то время свое могущество Османской империи, где правящие круги питали определенные надежды на укрепление союза казачества с вассалом Высокой Порты крымским ханом и на возможное вступление гетмана Богдана Хмельницкого в подданство султану.

Сложные переплетения различных политических интересов не могли не затронуть также православное население Балкан и Великую церковь – важнейший институт, являвшийся выразителем его этнических и конфессиональных интересов. Греки были в числе основных информаторов русского правительства относительно событий, происходивших на Украине, в Молдавском и Валашском княжествах и в самой Османской империи, и, таким образом, играли весьма значительную роль в их подготовке. Не менее важна их роль и в качестве прямых участников дипломатических связей между всеми заинтересованными сторонами. Именно греки, среди которых были и купцы, и представители православного духовенства, стали также и дипломатами, через посредство которых вели

переговоры русское правительство и гетман Богдан Хмельницкий. Активное участие греческих купцов и церковных иерархов в разведывании новостей и их хорошая информированность не случайны: ведь для путешественников было насущной необходимостью хорошо знать, где что происходит, чтобы не попасть в области, где идут военные столкновения, не быть ограбленным и убитым. Их расспросы выглядели естественно, а поездки, осуществлявшиеся подчас отнюдь не только для торговли или для сбора милостыни, но и с дипломатическими поручениями, не вызывали особых подозрений.

В связи с важной ролью греков в дипломатических связях и в передаче информации особенное значение приобретает изучение материалов фонда «Сношения России с Грецией» (ф. 52) РГАДА («Греческие дела») ¹, представляющего в настоящее время огромный резерв малоизученных и неопубликованных документов, относящихся к истории международных отношений в Европе, русской и украинской дипломатии, греческо-русских и греческо-украинских связей ². В этом фонде собрано большое число русских документов, связанных с приездом греков и других православных подданных Османской империи в Россию, переводы греческих грамот, в том числе вестовых писем, содержащих информацию о политической ситуации и событиях в Османской империи и соседних с ней государствах. Особый интерес представляют записи «расспросных речей» — допросов в русском пограничном городе Путивле или в Посольском приказе в Москве, во время которых путешественники рассказывали самые свежие новости, которые они смогли узнать, часто уже находясь на пути в Россию. В описях 2 и 4 фонда собраны подлинные греческие и славянские грамоты, доставлявшиеся в Посольский приказ (в том числе и оригиналы вестовых писем). Вестовые письма и другие документы частично сохранились в греческих подлинниках, а также в сделанных сотрудниками Посольского приказа русских переводах. Однако порой либо перевод, либо греческий текст оказались утрачены, и, таким образом, изучение обеих частей фонда, русской и греческой, позволяет свести воедино ту информацию, которая содержится в переписке, а подчас дополнить ее и выявить интересные и важные детали, характеризующие процесс ее поступления в Посольский приказ, уточнить биографии действующих лиц, принимавших участие в дипломатических связях и переписке.

Какая информация содержится в вестовых письмах, патриарших грамотах и в записях «расспросных речей» и какие данные можно извлечь из этих источников для изучения тех политических процессов, которые происходили в Восточной и Юго-Восточной Европе? Это, в первую оче-

редь, — сведения об участии греков в подготовке вступления Запорожского войска в подданство России, о посольствах, направляемых казацким гетманом Богданом Хмельницким в Стамбул, данные о передвижениях войск, о прибытии послов в Яссы и в Чигирин. Помимо сведений, непосредственно относящихся к политическим событиям и их дипломатической подготовке, документы «греческих дел» содержат многочисленные данные, характеризующие самих греков — участников этих событий, их биографии, их связи не только с Москвой, гетманом, молдавскими и валашскими господарями, но и с константинопольским и иерусалимским патриархатами, а также друг с другом. Это позволяет выявить круг лиц, занимавшихся дипломатическим посредничеством в важных международных переговорах, преследуя в то же время и собственные политические цели.

Среди тех, кто играл особенно значительную роль в идейной и дипломатической подготовке вступления Войска Запорожского в подданство России, следует прежде всего назвать иерусалимского патриарха Паисия, назаретского митрополита Гавриила, коринфского митрополита Иоасафа и бывшего константинопольского патриарха Афанасия III Пателара. Фонд «Сношения России с Грецией» содержит большое количество документов, проливающих свет на участие в переговорах гетмана Хмельницкого с московским правительством патриарха Паисия. Особенный интерес представляют дело о пребывании иерусалимского патриарха в Москве (декабрь 1648 — 28 июля 1649 г.) и статейный список сопровождавшего его на обратном пути из русской столицы келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова (9 мая 1649 — 8 декабря 1650 г.). Оба эти документа позволяют охарактеризовать важную роль патриарха Паисия в дипломатической деятельности украинского гетмана Богдана Хмельницкого.

Паисий Иерусалимский оказался в ставке Богдана Хмельницкого в 1648 г., сразу после начала войны против Речи Посполитой. В соответствии с записями, сделанными со слов Паисия в Посольском приказе в Москве, еще в то время, когда иерусалимский патриарх находился в Молдавии, Хмельницкий начал с ним переписку и прислал свое посольство к господарю Василию Лупу, предложив Паисию приехать к нему в Киев, а затем выслал для сопровождения патриарха полковника Силуана Мужилковского³. Как сообщил в Москве сам патриарх, с Хмельницким велась переписка по поводу возможности вступления гетмана в подданство русского царя, причем гетман настаивал на военной помощи со стороны Москвы против Речи Посполитой, выражая неудовольствие промедлением и объясняя вынужденность союза с крымским ханом (чем был край-

не недоволен Паисий) необходимостью сражаться с поляками и отстаивать православную веру⁴. Возможно, Хмельницкий надеялся задержать Паисия при Войске Запорожском, т.к. вначале предложил ему ехать «в нижние их казацьи городы», но затем патриарх отправился в Москву, дав обещание вернуться⁵.

Такого уровня ходатай о переходе запорожских казаков под «высокую государскую руку» придавал особое значение переговорам. Не случайно сопровождавший патриарха полковник Силуан Мужилковский, несмотря на полученное им от гетмана тайное поручение и, видимо, определенные полномочия, не желал говорить иначе, чем в присутствии иерусалимского патриарха⁶. Патриарх Паисий вел переговоры с большой настойчивостью, стараясь в то же время соблюдать секретность. Не получив ответ на выдвинутые предложения о переходе Войска Запорожского в подданство русского государя, уже после отпускной аудиенции он еще раз просил принять его для окончательного ответа. Но русская сторона твердо придерживалась мирного договора с Речью Посполитой («вечно-го докончанья»)⁷. Несомненно, хотя Паисий и сказал во время последнего обсуждения вопроса о возможности перехода казаков в московское подданство, что для русского царя «того вечного утверженья по делу нарушить немочно» и что ему самому тот факт, что «у царского величества с короли польскими и великими князи литовскими... вечное докончанье... было не ведомо», впоследствии выражал недовольство неудачей своей миссии⁸. Не случайно, по сообщению Арсения Суханова, назаретский митрополит Гавриил, также осуществлявший переговоры с гетманом и Москвой в роли посредника, передавал слова патриарха, сказанные по поводу заключения Хмельницким мира с Польшей и взятия крымцами большого числа пленников: «есть истинна, и патриарх то ж говорит, что та кровь и полон взыщется на государе, что государь не помог вам. А патриарх, у себя будучи, те речи многожды Арсению говорил, что для чего государь казаков не примет»⁹. Надо отметить, впрочем, что до своей поездки в Москву, по донесению одного из московских политических агентов (молдавского боярина и купца Исаяи Остафьева (Евстафьева)), сам Паисий по прибытии в Киев рекомендовал Хмельницкому договориться о мире с новым польским королем Казимиром¹⁰, поскольку, как видно, не вполне надеялся на успех московских переговоров.

Данные имеющихся документов об энергичной поддержке, которую иерусалимский патриарх Паисий оказал гетману в его сношениях с московским правительством, свидетельствуют и об определенных политических планах самого патриарха, направленных на объединение православных¹¹. Паисий Иерусалимский после своего возвращения из Москвы

не прекращал принимать участие в казацко-московских дипломатических сношениях, стремясь к их улучшению. Новый случай представился в связи с делом самозванца Тимошки Анкудинова, назвавшегося сыном царя Василия Шуйского и претендовавшего на русский престол. Прием Хмельницким Тимошки было одним из проявлений ухудшения его отношений с Москвой, не пожелавшей предоставить ему помощь для ведения войны из-за «вечного докончания» с Речью Посполитой. Паисий, узнав о том, что Тимошка принят Хмельницким, отправил к нему грамоту, переданную с сопровождавшим патриарха троицким старцем Арсением Сухановым¹². В статейном списке Арсения Суханова говорится о составлении сразу трех документов, относящихся к делу Анкудинова. Сам Арсений по просьбе патриарха подготовил первоначальный проект обращения к гетману о выдаче самозванца, затем были сделаны греческий и латинский переводы («а з грецкаго патриарх велел написать к гетману по-латыне, и с теми грамоты послал строителя Арсения к гетману наскоро»). Арсений выехал 30 сентября 1650 г. и 4 ноября был у Хмельницкого в Чигирине.

Сохранились две греческие грамоты патриарха Паисия, касающиеся Анкудинова. Одна из них от 30 сентября (составленная в самый день отъезда Арсения) была отправлена с Арсением Сухановым в Москву. В ней сообщалось, что Тимошка скрывается у Хмельницкого и что патриарх просил гетмана выдать его России¹³. Другая, обращенная к гетману, написана, судя по дате, днем раньше, и в ней патриарх просит о высылке в Москву самозванца, объявившего себя сыном царя Василия Шуйского¹⁴. В статейном списке Арсения Суханова говорится, что Хмельницкому были переданы лишь русский и латинский варианты послания патриарха: «Потом строитель Арсений дал писарю свой лист малой от патриарха за малую печатью, писан по-русски вкратце. И как прочел писарь малой лист патриарш, и строитель Арсений подал большую грамоту, писана на александрейском листу по-латыни за великою печатью, в нем же писано патриарше прошение подробну и тимошкино воровское странство потонку»¹⁵. Московская греческая грамота подписана патриархом Паисием, но не имеет печатей, что, видимо, свидетельствует о том, что она рассматривалась как подготовительный вариант к основному тексту¹⁶. В архиве Посольского приказа греческий вариант, видимо, оказался не случайно, а был приложен к грамоте, обращенной к Алексею Михайловичу (отосланной тогда же с Арсением) с тем, чтобы в точности проинформировать его о тексте послания, отправленного Хмельницкому, и о новых попытках иерусалимского патриарха посредничать ради улучшения отношений между Россией и гетманом¹⁷.

Арсений прибыл к Хмельницкому вместе с назаретским митрополитом Гавриилом и переговоры вел в его присутствии (за исключением той части, которую он провел, уединившись с гетманом, относительно возможности нарушить договор царя с Речью Посполитой и по поводу поездки польского посольства к хану)¹⁸. Гавриил, как свидетельствует в своем статейном списке Арсений Суханов, был прислан иерусалимским патриархом Паисием с просьбой, «чтоб гетман отписал об нем государю»¹⁹. Гавриил собирался в Москву за милостыней. Однако, судя по тому, что назаретский митрополит принял активное участие в обсуждении дела Анкудинова и во всех попытках убедить русскую сторону (представленную пока лишь Арсением Сухановым) принять запорожцев в подданство, а также и то, что сам гетман должен был «отписать об нем» в Москву, можно предположить, что уже в Тырговиште патриарх Паисий решил, что новая попытка переговоров с Москвой о подданстве запорожцев будет осуществлена во время поездки Гавриила Назаретского. Таким образом, представляется, что патриарх Паисий стремился продолжить свою инициативу и убедить обе стороны в необходимости союза: царя уговорить отказаться от поддержания мира с Речью Посполитой, а гетмана — не оставлять попыток установления более тесных союзнических отношений с Россией, укротив свою гордость и ничем не раздражая Москву (и тем более не подавая поводов к разногласиям делом Тимошки Анкудинова).

По-видимому, Хмельницкий разделял позицию иерусалимского патриарха. Это подтверждают и документы, сохранившиеся в фонде «Сношения России с Грецией». 11 ноября 1650 г., через неделю после прибытия Арсения Суханова и назаретского митрополита к гетману, Богдан Хмельницкий подписал два «листа» к царю Алексею Михайловичу. В одном из них говорилось о полученном от иерусалимского патриарха и отца Арсения сообщении о «бездельнике Тимушце» и о распоряжении, отданном гетманом, высылать самозванца из всех подвластных Войску Запорожскому мест (выдать самозванца он отказался). Во втором — об «изустном научении», порученном Хмельницким назаретскому митрополиту, который отправляется в Москву ради милостыни²⁰, но, безусловно, в первую очередь для продолжения переговоров с царем. К сожалению, часто документы содержат лишь глухие упоминания о неких «устных поручениях» и тайных переговорах, хотя и эти данные позволяют частично реконструировать ход переговоров. Постоянные упоминания о подобных «изустных приказах», всякий раз огорчающие историков, надеявшихся на более подробные свидетельства современников о ходе переговоров, тем не менее, весьма красноречивы. Они указывают на то, что любое сообщение о переговорах по поводу возможного союза с запорожцами в услови-

ях мира между Россией и Речью Посполитой компрометировало русскую сторону, но, тем не менее, сношения продолжались благодаря посредничеству греческого духовенства.

«Греческие дела» могут служить и чрезвычайно важным источником для изучения отношений Богдана Хмельницкого с османским правительством. Выражая недовольство отказом России оказать ему поддержку, но настоятельно продолжая переговоры через греческих духовных лиц, Хмельницкий в то же самое время регулярно посылал посольства к султану в Стамбул²¹, о чем греки не переставали информировать русскую сторону. Одно из таких посольств прибыло в османскую столицу в сентябре 1650 г. и, по сообщению купца и московского политического агента грека Фомы Иванова (Бобаляриса), пользовалось там большим почетом²². Однако послы Хмельницкого нашли нужным встретиться и с константинопольским патриархом Парфением II, о чем сообщает Фома, бывший к тому же очевидцем приема: «Патриарх, де, того посла есть к себе звал и честь ему воздал большую, а он, де, Фома Иванов, в те поры у патриарха был же и говорил ему, чтоб он того посла спросил тайно, куда ныне Хмельницкой хочет итти войною. И тот, де, посол сказал патриарху про т[о], д[е], он подлинно ведает, что Хмельнитцкой хочет итти войною на московское государство. И патриарх, де, встав, выслал всех людей вон, а для толмачества оставил с собою одного архимарита Амфилофия. И говорил послу: «За что, де, Хмельнитцкой на государеву землю хочет войною итти?» И посол сказал: «За то, де, Хмельнитцкой имеет недружбу, что к нему, благочестивому царю, присылал бити челом с своими грамоты о помочи на недруга своего, на польского короля, и он, де, государь, не токмо что помочь изволил ему подать и грамоты, де, его х королю отослал». И патриарх, де, говорил: »Мы, де, молим и просим у Господа Бога о многолетном здравии благочестивого царя, чтоб он, великий государь, избавил нас от нечестивых рук. А вам, де, достойно быть подданными у него, благочестивого царя, и помочь всякую ему, государю, чинить, чтоб все православные христиане были в соединении». И приказывал, де, с тем послом изустно, чтоб он сказал Хмельнитцкому, только, де, он такое дело учинит, пойдет на государеву землю войною, и он, де, Хмельнитцкой, да не будет христианин, и милость Божия не будет на нем в сем веце и в будущем. Али, де, ещо мало того на душу его, что он в полской и в волоской землях погубил столь многое множество православных христиан, и как, де, о том ответ воздати будет пред Богом? И писал, де, к нему патриарх от себя с тем послом грамоту»²³. Таким образом, несмотря на известную вражду патриархов Парфения Константинопольского и Паисия Иерусалимского²⁴, они занимали одинаковую позицию по вопросу

союзе казаков с русским царем и энергично стремились убедить обе стороны в необходимости такого объединения.

Константинопольский патриарх Парфений давал свои рекомендации не только казацкому посольству в Стамбуле. Еще в то время, когда иерусалимский патриарх вел переговоры в Москве, в русскую столицу прибыл другой представитель Восточной православной церкви с «тайным словесным приказом» от патриарха Парфения — коринфский митрополит Иоасаф, уже успевший побывать у Хмельницкого и имевший при себе лист от гетмана с просьбой о его незамедлительном пропуске в Москву²⁵. В одном из документов, касающихся его приезда, указано также, что он имел и какое-то письмо к иерусалимскому патриарху Паисию, которое, вероятнее всего, было из ставки украинского гетмана. К сожалению, нам мало известно о том, какие переговоры Иоасаф вел в Москве. Но в дальнейшем коринфский митрополит возвратился к Хмельницкому и оказывал ему деятельную поддержку, находясь постоянно при войске и продолжая сношения с московским двором²⁶. В начале 1651 г., в трудное для гетмана время, когда казаки терпели тяжелые поражения от польского войска, Иоасаф пишет незадолго до своей смерти все новые обращения к царю о переходе казаков в подданство русского государя²⁷. 20 июня 1651 г. коринфский митрополит героически погиб во время битвы под Берестечком. Красноречив документ о приеме обратно в Сибирский приказ соболей (всего на сумму в 170 рублей), которые так и не были переданы коринфскому митрополиту и старцу Павлу из-за гибели обоих под Берестечком во время разгрома войск Хмельницкого²⁸, случившегося как раз в тот момент, когда в Москве было получено письмо старца Павла о союзе с гетманом.

Греческий монах, известный по документам Посольского приказа как старец Павел или Павел Федоров, также как и коринфский митрополит, почти постоянно находился при Хмельницком²⁹. К сожалению, данных о его деятельности в фонде «Сношения России с Грецией» очень мало (несколько больше сведений имеется в фонде «Малороссийские дела»), хотя известно, что украинский гетман также пользовался его услугами в качестве дипломатического агента³⁰. 23 ноября 1650 г. Павел прибыл в Россию с «листами» от Хмельницкого (в деле они не сохранились) в сопровождении некоего Микиты Петрова, «которой приезжал наперед сего от коринфского митрополита о милостыне». Павел Федоров не сообщил в Путивле никаких вестей и не имел никаких товаров (кроме двух лошадей для царского двора), но был сразу пропущен к Москве. Очевидно, незадолго до начала новой войны с Польшей Хмельницкий еще раз обратился к помощи грека-дипломата для установления контактов с русским

правительством. Особенно активные усилия Павел предпринимает весной трагического для казаков 1651 г., когда он отправляет в Москву послание, в котором просит прислать Хмельницкому военную помощь, сообщая, что вместе с Иваном Петровым они очень желают «соединения» запорожцев с Россией и делают для этого все возможное³¹.

Имеются данные о том, что Павел писал не только в Москву, но и в Стамбул, информируя тех, кто, как можно предположить, разделял его взгляды на события в Восточной Европе. Исаяя Остафьев в письме, написанном 10 ноября 1651 г. уже после гибели Павла в битве под Берестечком, сообщает о том, что получил от него послание, в котором тот писал о приготовлениях казаков к войне. Сам же Исаяя молит московского царя не ждать, когда казаки перейдут в подданство султана, посылающего к гетману свои посольства, не отвергать христиан-единоверцев, но принять их под свое покровительство³².

Помимо представителей греческого духовенства, чей сан должен был придавать особый вес и значение переговорам, важную роль в дипломатических связях украинского гетмана с Москвой играли и некоторые светские лица. Самым известным среди них, бесспорно, является Иван Петров (Иоанн Варда Тафрали)³³. Иван Петров на протяжении многих лет был тесно связан с константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом, казненным за сношения с Россией в 1638 г. Он также порой подолгу жил у Хмельницкого, постоянно совершал поездки в Россию и в другие государства, осуществлял посредничество в переговорах с царем, подробно извещая Москву о приходе к гетману османских и татарских послов и сношениях самого Хмельницкого с Портой. В день битвы под Берестечком (20 июня 1651 г.) в Москве было получено послание Ивана Петрова (от 8 мая), который убеждал царя предоставить военную помощь Богдану Хмельницкому, а также сообщал, что гетман очень обеспокоен ведением Россией переговоров с Речью Посполитой³⁴. В фонде «Сношения России с Грецией» имеется несколько греческих оригиналов писем Ивана Петрова (являющихся его автографами)³⁵, а также многочисленные переводы его посланий и документы, относящиеся к его приездам в Москву. Вестовые письма Ивана Петрова, отправленные им в Москву в 1649–1651 г. полны сведений о ситуации на Украине и в Крыму. Он сообщает о победе казаков над польским войском под Зборовом в 1649 г., о намерении татар напасть на русские земли, предупреждает о недружественной по отношению к России позиции молдавского господаря Василия Лупу. В битве под Берестечком Иван Петров, незадолго до того вернувшийся к Хмельницкому после безуспешной попытки просить помощи у молдавского господаря для совместной борьбы с Речью Посполитой³⁶,

был захвачен поляками в плен, где находился до 1654 г., несмотря на усилия сразу нескольких правительств выкупить пленника³⁷, оказывавшего услуги в роли гонца и дипломатического агента-посредника и молдавскому господарю, и крымскому хану, и гетману Хмельницкому, и русскому царю, и османскому султану.

Видимо, поездка самого Паисия Иерусалимского и ее совпадение с началом военных действий и первыми победами Богдана Хмельницкого, отправка назаретского митрополита в Москву для дальнейших переговоров (хотя и под предлогом поездки за милостыней), деятельность коринфского митрополита Иоасафа, монаха Павла Федорова и Ивана Петрова не были случайны и соответствовали, прежде всего, надеждам самих греков на объединение всех православных во имя освобождения от османского владычества. Эти надежды укрепились, когда Порта оказалась в трудном положении после начала долгой войны с Венецией (1645–1669 гг.). Именно этим можно объяснить тот поток информации о событиях Кандийской войны, который поступал с Балкан в Москву в конце 40-х – начале 50-х гг. Сообщения о победах «венецейского князя» над могучими османскими армадами должны были указать на слабость Порты и подвигнуть Алексея Михайловича к вступлению в войну. Именно этим объясняются и те энергичные протесты, которые вызывали у греков союзнические отношения Хмельницкого с крымским ханом-«бусурманином», а также попытки гетмана заручиться поддержкой со стороны султана. Надежды на возможное скорое освобождение православных от власти султана нашли свое выражение в деятельном участии целого ряда греков в дипломатической подготовке объединения православных – принятия Войском Запорожским русского подданства. Чрезвычайно показательны то, что большая часть греков, трудившихся во имя русско-украинского союза, имея в виду перспективу объединения всех православных народов и освобождение от власти султана, были так или иначе связаны между собой и сотрудничали при ведении переговоров или передаче писем. Прослеживаются и их тесные связи с молдавским двором, где при господаре Василии Лупу делались попытки обрести некоторую независимость от Порты и велась широкая поддержка Восточной православной церкви. Не случайно, например, иерусалимский патриарх Паисий, принявший столь активное участие в переговорах между Хмельницким и Москвой, до того, как занял иерусалимский патриарший престол, был игуменом в Яссах³⁸, а после своего избрания подолгу жил при молдавском правителе.

Яркий пример заинтересованности связанных с Молдавией греков в московско-украинских переговорах являет собой деятельность митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия. Будучи еще с 40-х гг. корреспон-

дентом московского царя, он сообщал ему о военных поражениях османской армии и флота, настойчиво убеждал освободить христиан от агарянского ига, став новым Константином Великим³⁹, а в 1652 г. митрополит Гавриил Власий был посредником в переговорах Богдана Хмельницкого с Москвой. Документы, относящиеся к поездке митрополита Навпакта и Арты в Москву, свидетельствуют о том, что она была осуществлена в рамках дипломатии гетмана Хмельницкого и молдавского господаря Василия Лупу после того, как 31 августа 1652 г. браком Тимофея Хмельницкого и дочери Василия Лупу был закреплен союз Молдавии с казаками. Примечательно, что именно этим числом — 31 августа — помечена одна из грамот господаря, привезенная Гавриилом Власием в Москву (приветствие царю Алексею Михайловичу и просьба об открытии пути из Молдавии в Россию). Гавриил Власий прибыл в Чигирин из Ясс, где почти постоянно находился при господаре, вместе с сыном Хмельницкого Тимофеем, а затем, получив грамоты гетмана и его «изустной приказ», отбыл в Москву в сопровождении толмача Войска Запорожского Якова⁴⁰. Обе стороны соблюдали строгую секретность (поездка митрополита Гавриила Власия официально также имела целью получение милостыни по жалованной грамоте). Россия весьма благосклонно относилась к идее союза: не случайно все греки-посредники, деятельно участвовавшие в его подготовке, получали щедрую «милостыню» от царя.

Парадоксально, но именно лучше всех информированные участники событий подчас писали о происходившем меньше, чем их современники, которые были лишь сторонними наблюдателями или расспрашивали очевидцев. Исключением, пожалуй, является только Иван Петров, постоянно извещавший Москву о политических новостях, но при этом его собственная роль в событиях остается неясной. Кроме него о польско-казацких войнах и о переговорах, которые Хмельницкий вел с возможными союзниками, Россию информировали несколько политических агентов-греков. Кондрат Юрьев (Георгиев) из Красного еще в 1645 г. предложил русскому царю свои услуги по сообщению новостей о польских делах⁴¹. Письма Кондрата часто отправлялись в Москву через двоюродного брата Ивана Петрова — Юрия Константинова (Карапиперова), который, в свою очередь, также писал в Россию о событиях в Речи Посполитой (прежде всего, о военных действиях)⁴². Вынужденный скрываться, поскольку у его переписки с Москвой стало известно Хмельницкому, в 1653 г. Кондрат бежал и укрылся в России, в Путивле, а в марте 1654 г., уже после заключения русско-украинского союза, перебрался на жительство в Москву⁴³.

Митрополит халкидонский, а позже тырновский Даниил (Дионисий?)⁴⁴, также начавший переписку с Москвой еще в 40-е гг. XVII в., со-

общал прежде всего о событиях, происходивших в Стамбуле, в том числе о контактах Богдана Хмельницкого с Портой и совместных военных действиях украинского гетмана с татарами. Он, пожалуй, был наиболее критичен по отношению к казацкому гетману, и постоянно предупреждал царя Алексея Михайловича, что, хотя Хмельницкий и христианин, но ему не следует доверять («никому не доверяй, в том числе и соседям, даже если они и христиане, но хорошо охраняйте свои земли. Несмотря на то, что Богдан Хмельницкий и христианин, и заключил договор с воеводой Василием, но напал на его земли и сжег Сучаву»⁴⁵). Он указывал, что «из-за посла Хмеля» в Молдавии произошли осложнения для тех людей, которые брали на себя риск доставки писем в Россию. Посол сказал, что некие враги господаря, находившиеся в его землях, пишут про него враждебные грамоты. Из-за этого некоторые купцы были задержаны, а переписка перехвачена. Не сторонников ли промосковской ориентации имел в виду в данном случае Даниил под «врагами воеводы»? В последнем из сохранившихся писем Даниила Халкидонского (июнь 1653 г.) подробно сообщается о прибытии в марте и в июне в Стамбул двух посольств от казаков и их приеме. В связи с этим Даниил передает любопытные подробности о восприятии казацкого гетмана в османской столице. Он отмечает, что послов принимают с большим почетом, делая это, с одной стороны, от страха, «слыша о подвигах Хмеля, которому Бог помогает», с другой же стороны, поскольку «все восхищаются Хмельницким, у всех не сходят с уст его подвиги»⁴⁶.

Большая группа документов «греческих дел», касающихся попыток привлечь внимание русского правительства к сотрудничеству с другими государствами, в том числе с запорожскими казаками, ради победы над Османской империей, связана с деятельностью бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара, его перепиской с Москвой и приездом в апреле 1653 г. в русскую столицу. Приезд бывшего патриарха Афанасия совпал по времени с военными действиями войска Чарнецкого на Украине и новыми обсуждениями в Москве возможности принять казаков «под высокую государеву руку». Тогда же, в апреле в Москву прибыло и посольство от Хмельницкого с просьбой о подданстве и оказании помощи в войне против Речи Посполитой⁴⁷. Эти совпадения представляются совсем не случайными. Не удивительно, что в своем стремлении к широкой коалиции для борьбы с Портой Афанасий Пателар, проезжая через Украину, вел переговоры с гетманом Богданом Хмельницким и также попытался выступить в роли посредника между гетманом и Москвой.

К делу о приезде Афанасия Пателара в Москву приложена собственноручная рекомендательная грамота Богдана Хмельницкого (с русским

переводом). В ней говорится о тайных поручениях «некоторых дел», полученных бывшим патриархом, который «из челюстей бусурманских вырвавшись, едет до его царского величества» от гетмана. Эти дела он должен изложить лично: «А про вести, государь, он, патриарх, в розговоре сказал, что... те вести скажет на Москве сам, кому ты, государь, укажешь»⁴⁸. Кстати, коринфский митрополит Иоасаф в 1649 г. приехал в Москву с рекомендательной грамотой бывшего патриарха Афанасия Пателара, что указывает на связь, существовавшую между этими двумя иерархами Восточной православной церкви при осуществлении контактов с Россией⁴⁹.

Одновременно с бывшим патриархом в апреле 1653 г. в Москву прибыло посольство от Хмельницкого (Кондрат Бырляй и Силуан Мужилковский), вновь повторившее просьбы о принятии казаков в подданство и об оказании военной помощи. А 24 апреля во Львов для переговоров с польской стороной отправилось посольство князя Б.А. Репнина, боярина кн. Ф.Ф. Волконского и дьяка Алмаза Иванова⁵⁰. Хотя имеющиеся документы дают лишь какие-то глухие намеки на деятельность Афанасия Пателара в Москве и при Богдане Хмельницком, он, видимо, мог сыграть важную роль на завершающем этапе переговоров⁵¹. Представляется, что именно успешным продвижением переговоров с Хмельницким, в первую очередь, можно объяснить тот почетный прием, который был оказан Афанасию Пателару в Москве, несмотря на то, что он был к тому времени уже бывшим патриархом, и поначалу это обстоятельство вызывало некоторое недоверие русского правительства⁵².

В России бывший патриарх пишет «Слово понуждаемое» (сохранившееся лишь в русском переводе), в котором советует царю вступить в войну с Османской империей и, исполнив древние пророчества, занять константинопольский престол⁵³. Русские и греческие документы фонда свидетельствуют о том, что в Москве Афанасий Пателар приложил все усилия для того, чтобы убедить царя Алексея Михайловича обратить внимание на благоприятный момент, складывавшийся для врагов Высокой Порты в результате поражений, которые она несла в ходе Кандийской войны⁵⁴. Как представляется, написание «Слова» совсем не случайно совпадает по времени с окончательными переговорами о вступлении Войска Запорожского в подданство московского государя⁵⁵. «Слово» было подано царю накануне отъезда Афанасия 13 декабря 1653 г.⁵⁶ и составлялось, очевидно, осенью (в ноябре?)⁵⁷. Обращает на себя внимание то, что в тексте «Слова» уже говорится о добровольном переходе казаков под власть московского государя почти как о свершившемся факте⁵⁸. Афанасий Пателар также передает слух, будто турки го-

товы бежать из Царьграда, лишь только до них дойдет известие, что Хмельницкий перешел Дунай ⁵⁹.

После своего пребывания в Москве Афанасий Пателар добрался до города Лубны и остановился во Мгарском монастыре, находившемся на землях, контролируемых запорожцами ⁶⁰. О том, что он намеревается остановиться на обратном пути у казаков, бывший патриарх писал еще в своей челобитной. В ней он просил дать ему возможность напечатать 500 разрешительных грамот для тех из казаков, кто придет к нему на исповедь ⁶¹. Из Мгарского монастыря он отправил русскому царю написанную незадолго до смерти грамоту (22 марта 1654 г.), в которой он вновь призывает к освобождению православных, томящихся под мусульманским игом, упоминая и о необходимости вместе с Хмельницким помочь вернуть трон молдавскому господарю Василию Лупу ⁶².

Переяславская рада 18 января 1654 г., окончательно скрепившая союз Войска Запорожского с Россией, оправдала ожидания греков, ориентированных в своих политических проектах на Россию и ее поддержку. По словам иерусалимского протосинкела Дионисия (письмо от 12 декабря 1654 г.), османскую столицу охватил страх при виде «льва, который топчет Лехию», все говорят «аллах, аллах, пришло время гяурам захватить наши земли ⁶³. Ему вторит и вифлеемский митрополит Неофит, вновь подробно сообщая о критских событиях, о предложении, сделанном польскими послами, заключить союз между Османской империей и Речью Посполитой и о страхе османского правительства, не готового к войне с Россией ⁶⁴. Об ожидании скорого прихода русской армии в Молдавию писал и бывший архидьякон иерусалимского патриарха Феофана архимандрит Макарий ⁶⁵.

Учитывая постоянный и деятельный интерес греков к созданию союза государств, выступающих против Порты, представляется не случайным, что и после Переяславской рады украинский гетман не перестал пользоваться услугами агентов-греков. Но в это время он стремился в своих контактах с зарубежными странами сохранять некоторую независимость от Москвы, хотя по договору с Россией ему запрещалась самостоятельная внешнеполитическая деятельность.

В начале 1654 г. Речь Посполитая пыталась воздействовать на османское правительство и через него на Бахчисарай для заключения союза с Крымом, направленного против русских и казаков. Сближение Порты с Речью Посполитой, намерения хана Ислам-Гирея вернуть гетмана к союзу с поляками, вызвали обеспокоенность и России, и Богдана Хмельницкого. Сложная политическая ситуация привела к попыткам гетмана (начатым еще ранее, в 1650 г. ⁶⁶) установить отношения со Швецией в на-

дежде на поддержку. Положительно к такому союзу относилась и Россия, ведшая в то время победоносную войну с Речью Посполитой. В качестве посланца Хмельницкого в Швецию отправился грек Даниил Афинянин (Даниил Калугер, Даниил Оливерберг), один из самых известных дипломатов середины XVII в., получивший за свои заслуги на дипломатическом поприще дворянский герб от шведского короля Карла X Густава⁶⁷.

Сохранились документы, свидетельствующие о том, что в июле 1654 г. «свийския королевы чернец Данила» вместе с «черкашенином» Иваном Макаровым прибыли в Москву проездом от Хмельницкого в Швецию⁶⁸. Отец Даниил продолжил свой путь в Стокгольм лишь в сентябре 1654 г. Некоторые материалы из архивных фондов Швеции, связанные с его миссией, уже были опубликованы⁶⁹. В фонде «Сношения России с Грецией» хранится неизвестный греческий автограф Даниила⁷⁰, представляющий описание его прибытия в Швецию и первого приема у шведского короля. Этот документ весьма интересен, учитывая, что по другим источникам нам сравнительно мало известно о том, как вначале шли переговоры между гетманом, Швецией и Россией. Послание, видимо, ошибочно датировано автором 4 октября 1654 г. Верной датой должно быть 4 ноября 1654 г., поскольку Даниил прибыл в Стокгольм лишь 10 октября. Как сообщается в письме Даниила, уже 31 октября состоялась аудиенция у Карла Густава, прошедшая один на один и даже без переводчика, т. к. разговор шел по-французски и по-итальянски (присутствовал лишь королевский секретарь). Вопросы, задаваемые королем, касались, прежде всего, военных сил возможных союзников⁷¹ и установления союзнических отношений против общего врага — Речи Посполитой. Уже через четыре дня после аудиенции Даниил подробно изложил суть состоявшихся переговоров в письме к царю⁷².

Дальнейшее развитие украинско-шведских контактов также нашло отражение в фонде «Сношения России с Грецией». Известно, что Хмельницкий считал необходимым продолжать войну с Речью Посполитой. Он резко отрицательно отнесся к заключению русско-польского мира в октябре 1656 г. и к вступлению России в войну со Швецией⁷³. В начале 1657 г. гетман заключил тайный договор со шведским королем Карлом X Густавом (о шведском после в лагере Хмельницкого в начале 1657 г. сообщал грек Дмитрий Остафьев) и с трансильванским князем Ракоци о разделе Речи Посполитой. В то же самое время представители Речи Посполитой вели переговоры о совместной борьбе против России и запорожцев с крымским ханом и Австрийской империей. Надо отметить, что благодаря деятельности, в том числе и греческих, информаторов, в России было хорошо известно о новых политических альянсах и об интригах, которые могли привести к разрыву русско-украинского содружества⁷⁴. О движениях войск гетмана

на соединение с новыми союзниками для войны против Речи Посполитой греки донесли в Москву уже в феврале 1657 г. Если верить Дмитрию Остафьеву, который, впрочем, по его же словам, передает лишь дошедший до его отъезда из Стамбула слух, то Хмельницкий начал готовиться к войне с Польшей в союзе с молдавским и валашским правителями и Ракоци еще с осени, производя перегруппировку своих войск⁷⁵. Любопытно, что в тот момент в Молдавии существовали прошведские настроения, связанные с надеждами на помощь Швеции в освобождении от власти султана. Во всяком случае писарь молдавского господаря, с которым вел беседу некий учитель Николай Марицис, сказал ему следующее: «Мы, де, не чаем свободы себе от московского царя, только б у нас здорово был поп Данил да шведцкой король: он, де, будет взять Царьград и освободит род греческий»⁷⁶. Отметим, что при этом вновь упоминается и «поп Данил» — Даниил Афинянин, — чьи услуги опять могли понадобиться европейским политикам. Характерно, что представители Восточной православной церкви также стремились вновь направить русскую внешнюю политику в антипольское русло, надеясь подтолкнуть Россию к военным действиям против Османской империи⁷⁷. Об этом прислал особый наказ (1658 г.) александрийский патриарх Иоанникий с Исаем Остафьевым, приводя в качестве аргумента лживость поляков, которым римский папа заранее простил все возможные клятвopеcтyпления⁷⁸.

Политическая позиция России далеко не всегда устраивала казачество, что выражалось, в первую очередь, в тайных пересылках с другими государствами, и, прежде всего, с Османской империей и Крымом. Об этих секретных шагах украинских дипломатов во времена гетманства Ивана Выговского, которые могли привести к расколу союза с Россией, о его сношениях с султанским двором и внутренних противоречиях в стане казаков и сообщали верные царю греки-агенты⁷⁹. Причем, как свидетельствует Исай Остафьев, проезд греков через казацкие земли оказался чрезвычайно затруднен из-за противодействия со стороны гетмана Выговского, доносившего в Стамбул о переписке через посредство греков патриархов с Москвой⁸⁰. В числе других документов фонда «Сношения России с Грецией» имеется письмо Исая Остафьева 1659 г. с изложением по-гречески отрывков из листов, рассылаемых по Украине сторонниками единства с Россией, а также его русский перевод⁸¹. Любопытный документ, сохранившийся только в русском переводе (греческий оригинал, по-видимому, утрачен), представляет собой и письмо царю дочери молдавского господаря Василия Лупу Роксанды, вдовы Тимофея Хмельницкого, в котором выражается радость по поводу принятия русского подданства и просьба о предоставлении ей Тырговища «на прокормление»⁸².

Переяславская рада способствовала переменам в политике господарей Молдавии и Валахии. Уже в конце 1653 г., по сообщению сербского митрополита из Требина Арсения, валашский господарь Матвей Басараб обратился к посредничеству печского патриарха Гавриила для того, чтобы патриарх «помирил ево, Матвея воеводу, з гетманом и со всем войском запорожским»⁸³. Печский патриарх первоначально собирался отправиться к Хмельницкому, но узнав о переходе запорожского гетмана в подданство России, вместе с антиохийским патриархом Макарием прямо поехал в Москву⁸⁴. Через митрополита Арсения, прибывшего русскую столицу в феврале 1654 г., патриарх Гавриил не преминул уведомить русские власти о переговорах, которые вела Речь Посполитая с Портой о возможной поддержке ее борьбы с казаками, но заверял, что оказать такую помощь Османская империя не в состоянии, т.к. ведет войну с Венецией⁸⁵. Посланец его преемника Константина, Павел Кондратьев, также сообщал о том, что православное население готово к объединению с Россией и очень этого желает⁸⁶.

Греки сообщали и о сношениях молдавских и валашских правителей с Речью Посполитой, причем имеющиеся документы позволяют проследить, какие изменения претерпевала позиция правящих кругов Дунайских княжеств. Если Арсений Суханов писал в Москву о всеобщей радости в Молдавии по поводу принятия Войском Запорожским подданства России и о высказываемых надеждах на объединение всех православных⁸⁷, то приехавший в Россию в марте 1654 г. грек Степан Иванов предупреждает о том, что реакция Георгия Стефана и Матвея Басараба была вовсе неоднозначной, так как оба ожидали возможного нападения казаков на их земли, и лишь Арсений сумел убедить Георгия Стефана, что ему нечего опасаться московского царя⁸⁸. По мнению Степана Иванова, впрочем, позиция молдавского князя объяснялась лишь его страхом: «А ко государю, де, гонца Стефан воевода отпустил с тем, что он бьет челом под ево государеву высокую руку после того, как ево розговорил строитель Арсений, и боясь на себя приходу от гетмана Богдана Хмельницкого, а правды в том никакие от него нет и вперед не чаять, хотя де и вперед учнет присылать, и тому верить нечему... и то он делает боясь на себя приходу чем бы которое время проманить»⁸⁹. Валашский же правитель Константин, как предупреждал доброжелатель России приконийский митрополит Даниил, мог выдать русских посланников в руки султана или хана⁹⁰.

В документах имеются и данные о реакции населения на переход казаков «под высокую руку московского царя». Показания многих греков, проезжавших через Украину, свидетельствуют о радости населения, видимо, ожидавшего в связи с этим окончания военных действий и свобод-

ного исповедания православия⁹¹. Степан Иванов, хотя и высказывал подозрения в адрес молдавских и валашских правителей, которые лишь от страха готовы на союз с Россией, отметил, тем не менее, что «мутьянские... и волоской земли всякие люди» не хотят оказывать помощь полякам против казаков, и «как, де, они услышали, что запорожские казаки поддались под государеву высокую руку, так, де, и они обрадовались все и хотят быть под государевою ж высокою рукою»⁹².

В фонде «Сношения России с Грецией» хранится ряд документов, связанных с переговорами об установлении русского протектората над Дунайскими княжествами. Так, в августе 1655 г. иерусалимский патриарх Паисий, который столь деятельно способствовал русско-украинскому объединению, обратился к царю с собственноручно написанной грамотой, в которой выражал похвалы молдавскому господарю Георгию Стефану, готовому перейти под покровительство русского царя⁹³. Весной следующего года в Москву прибыло посольство во главе с молдавским митрополитом Гедеоном и логофетом Григорием Нянулом для ведения переговоров о переходе Молдавии в русское подданство⁹⁴. Переговоры о подданстве и участие в них греков в конце 50-х гг., несмотря на соблюдение строгой тайны, нашли отражение в целом ряде греческих и русских документов. В их числе грамоты 1656 г. Паисия Иерусалимского и Макария Антиохийского⁹⁵, в которых патриархи ходатайствуют о защите молдавских земель от «агарян» и достойном приеме в России посла — митрополита Гедеона⁹⁶, послания грека Мануила Константинова (также принявшего активное участие в переговорах России с Хмельницким) и никейского митрополита Григория⁹⁷ патриарху Никону и царю с той же просьбой (1658 г.)⁹⁸, письма самого митрополита Гедеона (1659 г.)⁹⁹. В фонде «Сношения России с Грецией» имеются и материалы, относящиеся к отзыву молдавских послов в конце 1656 г.: грамота Макария Антиохийского с просьбой о скором отпуске митрополита Гедеона, поскольку иначе и его самого, и господаря Георгия Стефана может ждать суровое наказание («Ей сиче прошаем отпущению сиче быти тайне, да не будет слух о Стефане и о митрополите его турком, и татаром, и оунгуром; яко да не и оумирению нашему приключитсе некое претыкание, еже не мощити проити и досязати престола моего, аще оный митрополит не приидеть») ¹⁰⁰.

Попытки перехода молдавских и валашских правителей в русское подданство¹⁰¹ вызвали немедленное смещение этих непокорных вассалов Высокой Портой и суровые репрессии по отношению к духовенству, справедливо подозреваемому в пособничестве антиосманскому объединению православных. 24 марта 1657 г. был казнен константинопольский патриарх Парфений III, письмо которого в Москву было перехвачено. В

письме, от которого сам патриарх пытался отречься, сообщалось о событиях Кандийской войны, неудачной для османской армии, и содержались призывы к московскому царю об освобождении православных¹⁰². Никейский же митрополит Григорий в письме к патриарху Никону сообщил, что казнь Парфения III в Стамбуле состоялась после того, как молдавский господарь отказался выдать никейского митрополита, антиохийского патриарха Макария и молдавского митрополита Гедена. Данные вестовых писем и расспросных речей из документов этого времени свидетельствуют о жестоких наказаниях тех, кто побывал в России и был заподозрен османскими властями в связях с Москвой¹⁰³.

В Посольский приказ поступали многочисленные сведения и слухи о распространявшихся в Стамбуле панических настроениях и страхе, что после победоносной войны с Речью Посполитой русские войска пойдут на османские земли¹⁰⁴. Как свидетельствуют документы, планы похода московского царя на Османскую империю вовсе не были столь фантастическими, как они могут казаться. Справедливость того, что Порта испытывала особые опасения после принятия Богданом Хмельницким присяги царю и взятия русской армией Смоленска, подтверждается тем, что султан настойчиво стремился к миру с Россией, запрещал хану нападать на русские «украины» (об этом свидетельствуют, в частности, письма переводчика Порты Зельфукара)¹⁰⁵. В Посольском приказе Дмитрий Остафьев еще в феврале 1657 г. передавал слух о том, что объединенные силы Хмельницкого, молдавских и валашских правителей и Ракоци могут пойти не против Речи Посполитой, а против Османской империи, и Порта принимала меры предосторожности¹⁰⁶.

Разумеется, обращаясь к «вестовым письмам» и «расспросным речам» приезжавших в Москву греков, которые, как правило, были тесно связаны с Великой церковью, следует учитывать, что они могли представлять слабость Османской империи в преувеличенном виде, питая надежды подтолкнуть русского царя к выступлению. Так, через своего посланца Мануила Константинова константинопольский патриарх Паисий I сообщал, что, принимая во внимания численность русской армии, а также готовность всего православного населения Балкан поддержать ее, в случае, если царь двинется на османскую столицу, то «на всякого турчина будет по десяти христианинов»¹⁰⁷. Его преемник Иоанникий I в послании Алексею Михайловичу чрезвычайно положительно характеризовал молдавского господаря Георгия Стефана, видимо, выражая этим свою поддержку его политическим планам¹⁰⁸, а в другой грамоте особо отмечал истощение ресурсов у агарян, вынужденных вести войну с венецианцами за Крит, и их особую лютость по отношению к христианам, кото-

рые молятся о победах русского царя¹⁰⁹. Сообщение о жестокости агарян, заставляющей вспомнить «времена императоров Диоклетиана и Максимиана», встречаются и в грамотах антиохийского патриарха Макария, стремившегося подвинуть царя к освобождению православных¹¹⁰.

Кстати, о вынашиваемых в России планах нападения на Османскую империю сообщал султанскому правительству шведский резидент, предлагая союз от имени своего государя. Он аргументировал его необходимостью противостоять возможному объединению католических государств и московского царя: «А умерший цесарь римской не для чего иного такие вымыслы и хитрости чинил, и с папезскими союзники, и с москвитинном он ничего иного не думает и дружбы его ищет только для того, но чтоб он освободил, как он говорит, утесненных гречан и болгаров и тех, которые есть греческие ж веры вашего величества подданные»¹¹¹.

Почти все постоянные агенты-информаторы России и дипломаты, осуществлявшие политическое посредничество, были выходцами из кругов, близких к константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису и к иерусалимскому патриарху Феофану, известным своей ориентацией на Россию и стремившимся к объединению православных (это и верный письмоносец Кирилла Лукариса Иван Петров, и архидиакон иерусалимского патриарха Феофана Макарий, и Фома Иванов, и Даниил Халкидонский). Отголоски планов создания широких военных союзнических коалиций, которые вынашивали два этих выдающихся деятеля православной церкви видны в выработывавшихся греками политических проектах. Так, Даниил Афинянин подготовил проект с планом коалиции Швеции, России, Войска Запорожского, Венеции, Англии и империи Габсбургов для совместной борьбы с Портой, раздела ее и освобождения православного населения, сам намереваясь принять участие в ведении борьбы на Пелопоннесе¹¹². Греческие политики 50-х гг. стали продолжателями идей своих предшественников и их политических планов, целью которых было освобождение православного населения Балкан от османской власти¹¹³. Этим проектам соответствовали объединительные и завоевательные планы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, проводимые хотя и с большой осторожностью, но достаточно последовательно. Составной их частью стала также церковная реформа, позволившая унифицировать обряды русской и греческой Церкви ввиду предполагавшегося в перспективе объединения православного населения под властью русского государя¹¹⁴. Планы России (реализовавшиеся лишь отчасти при присоединении украинских земель в победоносной войне с Речью Посполитой) готовились к выполнению, прежде всего, дипломатическим путем, что требовало и особого внимания к поступающим из-за рубежа сведениям о

развитии политической ситуации. Изучение греческих и русских документов фонда «Сношения России с Грецией» позволяет выявить целый пласт источников, которые дают возможность воссоздать более полную картину политических и дипломатических связей в Восточной и Юго-Восточной Европе в середине XVII в., по-новому представить некоторые аспекты греческо-русских и греческо-украинских связей.

¹ Далее при ссылках на документы фонда 52 РГАДА указываются номер описи, номер дела, дата и листы.

² *Tchentsova V.* Le fonds des documents grecs (f. 52. « Relations de la Russie avec la Grèce ») de la collection des Archives Nationales des Actes anciens de la Russie et leur valeur pour l'histoire de l'Empire Ottoman // *Turcica*. 1999. Т. 30. P. 383–396 (см. там же библиографию).

³ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 2 (1648–1651 годы). С. 81–104. № 46 (Далее: ВУР); Оп. 1. № 7. 1648 г. Л. 1–461. См.: *Канте-рев Н.Ф.* Приезд бывшего Константинопольского патриарха Афанасия (Пателара) в Москву в 1653 году // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. М., 1889. Год 27. Февраль. Октябрь. С. 370–376; *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Часть 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М., 1998. С. 289, примеч. 17. Небольшой общий обзор о роли греков в дипломатических переговорах гетмана с Москвой см.: *Kraft Ekk.* Moskaus griechisches Jahrhundert: russisch-griechische Beziehungen und metabyzantinischer Einfluss 1619–1694. Stuttgart, 1995. S. 69–74.

⁴ ВУР. Т. 2. С. 92. № 46.

⁵ Не исключено, что Богдан Хмельницкий хотел иметь при себе иерусалимского патриарха в противовес планам Адама Киселя, рассчитывавшего на поддержку папы по учреждению патриаршества в Киеве. – ВУР. Т. 2. С. 96. См. также: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. М., 1891. Ч. I. С. 165–244.

⁶ ВУР. Т. 2. С. 94–95.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 100–102.

⁹ Там же. С. 186.

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ Эти планы, как представляется, разделял и Богдан Хмельницкий, выражавший надежду на объединение всех православных, ведь «все благочестиви того желают, – греци, и сербы, и болгары, и волохи, и мутьяны, – чтоб нам всем в соединении быть» (ВУР. Т. 2. С. 189.).

¹² ВУР. Т. 2. № 76. С. 182–186; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Ч. I. С. 194–199, 228–239; Т. 2. С. 8–10; *Фонкич Б.Л.* Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому // *Florilegium*. М., 2000. С. 417–430.

¹³ Оп. 2. № 374.

¹⁴ Там же. № 373. 29.09.1650 г.; Оп. 1. № 22. 7157/1649, мая 9 – 24 февр. 7159/1651 г. Л. 69–75. См. также: *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII вв. (Греческие документы московских хранилищ). Каталог выставки. М., 1991. № 41; *Он же..* (состав. и отв. ред.) Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. М., 1995. С. 60. № 38); *Он же.* Две греческие грамоты к Богдану

- Хмельницкому. С. 417—430 (издание греческого текста грамоты и русского перевода).
- ¹⁵ ВУР. Т. 2. С. 186; Б.Л. Фонкич определил, что грамота к гетману Хмельницкому была написана Паисием Лигаридом (*Фонкич Б.Л. Греческо-русские связи...* № 41). Он также высказал предположение, что, учитывая блестящее знание латинского языка Паисием Лигаридом, который учился в Коллегии св. Афанасия в Риме, скорее всего, перевод грамоты на латынь был сделан тем же газским митрополитом Паисием. См.: *Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч. 1.* С. 194, 215, 231, LXVII—LXXI; *Фонкич Б.Л. Две греческих грамоты Богдану Хмельницкому.*
- ¹⁶ *Фонкич Б.Л. Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому. С. 417—430.*
- ¹⁷ Б.Л. Фонкич особо отмечает, что доставленная Арсением Сухановым грамота о Тимошке была сочтена настолько важной, что ее перевод был подготовлен в тот же день. — Там же.
- ¹⁸ *Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч. 1. С. 233—236.*
- ¹⁹ ВУР. Т. 2. С. 185; *Кантерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский Сборник. СПб., 1895. Вып. 43. Т. 15 (1). С. 158—159.*
- ²⁰ ВУР. Т. 2. № 190—191. С. 464—465.
- ²¹ *Lemercier-Quelquejey Ch. Les relations entre la Porte Ottomane et les cosaques Zaporogues au milieu du XVIIe siècle. Une lettre inédite de Bohdan Hmelnickij au Padichah ottoman // Cahiers du monde russe et slave. 1970. Vol. XI. N 3. P. 454—461.*
- ²² Оп. 1. № 8. 20.11.1650 (7159) г. (описано на 1651 г.). Л. 11—12.
- ²³ Там же. Л. 12—14. По версии халкидонского митрополита Гавриила, убийство патриарха Парфения также было связано с его поддержкой Хмельницкого: «А в грамоте написано, учинилася патриарху Парфению смерть от двух владетелей, от молдавского и от мутьянского, за то, что он их воли не творил и Хмельницкого послов к себе ко благословиению призвал, и молебен им пел, и у себя их накормил. И по той недружке послали они во Царьгород 50 тысяч ефимков, чтоб ево извести. И по их наученью греченин, Михайлом зовут, за тем ходил и промышлял, и его, патриарха, извел, а после того и самого его, Михайла, повесили перед патриаршими воротами». — Оп. 1. № 21. 09.04.1652 г. Л. 29.
- ²⁴ *Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII века. СПб., 1882. (Оттиск из журн. «Христианское чтение». 1882. № 1—6.) С. 20—23; Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч. 1. С. 242, 250, 254.*
- ²⁵ Оп. 1. № 25. 12.05.1649 (7157) г. Л. 1. Оpubл.: ВУР. Т. 2. № 72. С. 174—175 (Л. 23—24; 01.05.1649 г. Проезжий лист, выданный Богданом Хмельницким в Чигирине коринфскому митрополиту Иоасафу); *Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты...* С. 301—302. Примеч. 68. Среди документов архива Посольского приказа имеются и собственноручные греческие автографы коринфского митрополита: Оп. 1. № 25. Л. 63 об., 70 (расписки о получении царской милостыни). В фонде содержатся и другие документы, в частности, касающиеся первого приезда в Москву Иоасафа, бывшего тогда архиепископом Елассонским в октябре 1646 г. (Оп. 1. № 3. 11.10.1646 (7155) г.).
- ²⁶ Так, в одном из документов встречается сообщение о приезде в Москву «гончиков» от митрополита Иоасафа. См.: Оп. 1. № 2. 13.10.1651 (7160) г. Л. 2.
- ²⁷ Там же. № 19. 12.01.1651 (7159) г. Л. 13; № 28. 06.04.1651 (7159) г. Л. 1—4. Оpubл.: ВУР. Т. 3. М., 1953. № 10. С. 19—20.
- ²⁸ Оп. 1. № 2. 13.10.1651 (7160) г. Л. 1—2.
- ²⁹ Там же. № 10. 23.11.1650 (7159) г. (описано на 1651 г.).
- ³⁰ Важную роль монаха Павла среди других дипломатов на службе украинского гетмана отмечал С.М. Соловьев: «Павел в июне 1651 года писал государю: „28 марта пришел из Царяграда посол к гетману в Животово с тем: если ему, гетману, надобна рать, и ему султан пишет сколько нужно. Гетман отказал: «Есть у меня много своего войска, а на султановой

любви бью челом и благодарю». И так их места разорены; в Константинополь гетман отправил своего посла, а с им Ивана Петрова, а перед этим Иван Петров был послан в Молдавию для вестей. Великое ваше царствие, ...послал бы вскоре гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и без того войска много, но надобно, чтоб славилось имя великого вашего царствия, что он имеет помощь от вас. А если теперь помощи не пришлете, то буди ведомо вашему царствию, что будет вам война; татары давно было его подняли, только война ему теперь помешала. Какими трудами потрудились мы с Иваном Петровым, о том богу известно. Если бы мы с Иваном тут не случились, то он непременно бы пришел внезапно на ваши украинны войною. Не думайте, что ляхи одолеют: хотя они и вздумают биться, но их против ста человек и по одному человеку не будет. Мы с Иваном Петровым желаем, чтоб было единое державство, гетману говорили, и он был очень рад, но посылает он к великому вашему царствию о соединении, а великое ваше царствие то ставите в посмех. Если вы изволите быть соединению, то извольте писать к писарю Выговскому, но имянно к нему писать о том не велите, только воздавайте ему свое царское благодарение и ведомость чините, а подлинно велите писать к Ивану Петрову, и как Иван Петров приедет сюда, то мы будем совершать головою своею и всею душою». — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 5 (Т. 10). М., 1990. С. 551–553.

³¹ Там же. С. 552–553.

³² «А отселе писали х крымскому хану, чтоб он шол с ними войною и обманул черкас, и взял бы с ляхов казны, и сказал им, чтоб они турецкому поклонились, а как они турецкому поклонятца, и тогда им даст ратных людей, чтоб им управитца с своими недруги. И тако молим Господа и великому вашему царствию, да не отверзеши их от себя, единовверных своих крестьян. А ко мне пришло писмо ис под Белой Церкви от посла Павла, которой был от гетмана, что де у черкас здумано и на мере поставлено, как воды станут, и в те поры хотят в войну итти, а куды итти, и того не ведомо». — Оп. 1. № 10. 29.01.1652 (7160) г. Л. 13–14.

³³ *Заборовский Л.В.* Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 170–174; *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. С. 8–42; *Фонкич Б.Л.* Греческие документы и рукописи... С. 20, 24.

³⁴ Оп. 1. № 36. 20.06.1651 (7159) г.

³⁵ См. оригиналы писем Ивана Петрова Тафрали: Оп. 2. № 153. 04.12.1638 г. (*Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи... № 26); № 176. 01.06.1641 г.; № 178. 09.07.1641 г.; № 219. 15.11.1644 г.; № 350. 27.08.1649 г.; № 356. 02.12.1649 г.; № 365. 08.01.1650 г.

³⁶ Оп. 1. № 32. 01.06.1651 г. Л. 7.

³⁷ ВУР. Т. 3. № 82. С. 175–178.

³⁸ *Соколов И.И.* Святогорбское братство в Иерусалиме // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1906. С. 1–22; *Кантерев Н.Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов... С. 116–186.

³⁹ См.: Оп. 2. № 172. 17.01.1641 г. (*Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи... № 27); № 184. 02.02.1642 г.; № 203. 30.08.1643 г.; № 209. 02.02.1644; № 265. 21.10.1646 г. (*Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи... № 35; *Он же.* Греческие документы и рукописи... С. 37. № 16. См. также: Там же. № 42 (ноябрь 1651 г.) (рекомендательная грамота константинопольского патриарха Иоанникия царю Алексею Михайловичу о Гаврииле Власии, который намеревается отправиться в Москву); № 319. 26.09.1648 г. (Грамота иерусалимского патриарха Паисия); № 320. 27.09.1648 г.; № 384. 04.01.1651 г. (См. также: № 419. Сентябрь 1651 г. Грамота константинопольского патриарха Иоанникия; *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи... № 42).

⁴⁰ Оп. 1. № 5. 04.10.1652 (7161) г. Л. 2–3; л. 11–12, 37–46 (грамоты Богдана Хмельницкого);

- л. 13–14 (грамота писаря Ивана Выговского о скорейшем пропуске митрополита в Москву и об «устном розговоре», который он должен передать царю).
- ⁴¹ Греческие оригиналы грамот Кондрата Юрьева: Оп. 2. № 207. Январь 1645 г. (В описи Н.Н. Бантыша-Каменского указана дата 13.01.1644 г.); № 246. 01.10.1645 г.; № 247. 11.10.1645 г. (Фонкич Б.Л. Греческо-русские связи... С. 31. № 33); № 323. 15.12.1648 г. (Перевод: Оп. 1. № 10. Декабрь 1648 (7157) г. (описано на 1649 г.) (См. частичную публ. дела: ВУР. Т. 2. № 48. С. 123–126); № 396. [(апрель-начало мая?) 1651 г.?] (Перевод: Оп. 1. № 32. 01.06.1651 (7159) г. Л. 13–16). Переводы грамот № 207, 246 и 247, возможно, содержатся в столбцах дел: Оп. 1. № 15. 27.12.1644 (7153) г., описано на 1645 г.); № 5. 12/14.10.1645 (7154) г. К сожалению, точно это установить не удалось, т. к. в РГАДА дела не выдаются как ветхие. Подробнее о деятельности Кондрата Юрьева см.: Ченцова В.Г. «Вестовые письма» Кондрата Юрьева из Красного в документах Посольского приказа (40-е–50-е гг. XVII в.) // Российская дипломатия: история и современность. К 450-летию создания Посольского приказа (1549 г.). Сборник статей. (В печати).
- ⁴² Подлинное греческое письмо Юрия Константинова (автограф), также сохранилось в архиве Посольского приказа: «Письмо (в столбце) к царю Алексею Михайловичу от некоего грека сообщающего о бывшей у поляков с казаками украинскими и крымскими татарами войне». Оп. 2. № 654 [середина мая 1648 г.?].
- ⁴³ Оп. 1. № 10. 01.03.1654 (7162) г. Л. 1–3.
- ⁴⁴ См. о нем: Ченцова В.Г. Халкидонский митрополит Даниил и его послания из Константинополя в Россию: греческие и русские документы РГАДА (40-е–50-е гг. XVII в.) // Россия и христианский Восток. Вып. 2. (В печати).
- ⁴⁵ Оп. 2. № 379. 16.12.1650 г., стк. 3–11 (см. перевод: Оп. 1. № 23. 07.02.1651 (7159) г. Л. 5–11).
- ⁴⁶ Оп. 2. № 503. 02.06.1653 г. (Фонкич Б.Л. Греческо-русские связи... № 49. С. 42–43.). Об этих же посольствах идет речь в донесении Фомы Иванова: РГАДА. Ф. 89. «Сношения России с Турцией». Оп. 1. 21.08.1653. (7161) г. № 1. Л. 1–3.
- ⁴⁷ Соловьев С.М. История России... С. 563–565.
- ⁴⁸ Оп. 1. № 27. Л. 3, 7–10.
- ⁴⁹ Оп. 2. № 362. 1649 г.
- ⁵⁰ Соловьев С.М. История России... С. 565–568.
- ⁵¹ Кроме обычного указания грамоты Богдана Хмельницкого на какое-то устное поручение, которое Афанасий Пателар должен был передать в Москве, известно и о том, что уже на первом приеме у царя он подал царю особую записку на греческом языке (это не то сочинение Афанасия, которое известно как «Слово понуждаемое», представленное бывшим патриархом лишь в декабре, и, видимо, не простая челобитная с просьбой о милостыне). В этом известном лишь по упоминанию документе Афанасий Пателар, как можно предположить, излагал свои взгляды на некоторые политические вопросы: «161 г. апреля в 22 день государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал быти у себя, государя, на дворе на приезде цареградскому бывшему патриарху Афанасию..., а после того патриарх говорил государю речь и подал, написав по гречески». — Оп. 1. № 8. 20.11.1650 (7159) г. (описано на 1651 г., содержит листы документов, относящихся к 1653 г.). Л. 154.
- ⁵² Каптерев Н.Ф. Приезд бывшего Константинопольского патриарха Афанасия (Пателара)... С. 360–361.
- ⁵³ Фонкич Б.Л. Греческие документы и рукописи... С. 30–33; *Он же*. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 28–30.
- ⁵⁴ Не случайно и Гавриил Власий в своей поданной в Посольский приказ грамоте еще раз подробно останавливается на критских событиях, а в последнем своем послании уже при

- отъезде из Путивля пишет, что надеется вновь увидеть русского царя, но уже в Царьграде, куда он войдет как новый Константин Великий. — Оп. 1. № 5. 04.10.1652 (7161) г. Л. 47—107, особ. 124—127.
- ⁵⁵ Соловьев С.М. История России... С. 568—571.
- ⁵⁶ В одном из документов, связанных с приездом бывшего патриарха указано: «а письмо греческое, что государю патриарх подал, велел перевесть тотчас». — Оп. 1. № 8. 20.11.1650 (7159) г. Л. 277 об. (1653 г.).
- ⁵⁷ Фонкич Б.Л. Греческие документы и рукописи... С. 27—29, 78; *Он же*. Греческое книгописание... С. 28—30.
- ⁵⁸ «... и поклонишася самохотением великие два государства, грузинское, и мелетинское; и благословенный и мужественный православный род казацкий, Малыя Росии запорожскаго воинства; прочее, прииде время, да восприимет царствие ваше самодержавствие». — Российская Национальная Библиотека (Далее — РНБ). Ф. 310 (собр. В.М. Ундольского). № 712. Л. 186. Сравн. также другой отрывок: Государственный Исторический Музей. Собр. Уварова. № 1755. Л. 273 об.
- ⁵⁹ РНБ. № 712. Л. 190—190 об.
- ⁶⁰ В этом же монастыре некоторое время прожил и нашедший убежище у Хмельницкого самозванец Тимошка Анкудинов. К нему, видимо, от самого гетмана был приставлен переводчик Григорий Крыницкий, ездивший впоследствии в Москву вместе с Иваном Петровым. См.: Оп. 1. № 19. 12.01.1651 (7159) г. Л. 2—3.
- ⁶¹ Оп. 1. № 8. 20.11.1650 (7159) г. Л.226. (на челобитной 1653 г. имеется собственноручная греческая подпись Афанасия Пателара); *Лихачев Н.П.* О разрешительных грамотах восточных патриархов. М., 1893. Впоследствии греки сообщали в Москву, что бывший царградский патриарх опасался возвращаться в Молдавию, а украинский гетман даже предлагал предоставить ему для жительства монастырь в Чигирине. — Оп. 2. № 7. 17.02.1654 г. Л. 7 (Опубл.: ВУР. Т. 3. № 238. С. 551—552).
- ⁶² Оп. 2. № 513. 22.03.1654 г. (*Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи... № 53. С. 46).
- ⁶³ Оп.2. № 532. 12.12.1654 г.; Оп. 1. № 18. 24.05.1655 (7163) г. Л. 3.
- ⁶⁴ Оп. 1. № 2. 17.09.1655 (7164) г. (описано на 1656 г.). Л. 3—8.
- ⁶⁵ Там же. № 25. 01.07.1655 (7163) г. Л. 12—16; Оп. 2. № 536. 28.03.1655 г. (письмо архидиакона Макария).
- ⁶⁶ *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 684—685. На отправке в Стокгольм посланника, знающего греческий язык, пытался настаивать перед Хмельником польский подканцлер Радзевский (это предложение не дошло до гетмана, т. к. посол был перехвачен).
- ⁶⁷ *Knös V.* Un délégué grec au service de la diplomatie suédoise au XVIIe siècle // *L'Hellénisme Contemporain*. 2ème série. 1956. Т. 10. Р. 418—454; *Крип'якевич І.* Данило Олівєберг де грекані дипломат часів Хмельниччини // *Доба Богдана Хмельницького (До 400-річчя від дня народження великого гетьмана)*. Збірник наукових праць. Київ, 1995. С. 243—253; *Степанков В.* Розвідувальна служба української держави в роки Хмельниччини (1648-1657) // *Доба Богдана Хмельницького...* С. 40—61; *Владимирский-Буданов М.* О взаимоотношениях Богдана Хмельницкого с Швецией в 1655—1657 гг. // *Доба Богдана Хмельницького...* С. 253—265; *Матях В.* «Шведська карта» у політичних комбінаціях Богдана Хмельницького (з приводу неопублікованих праць І.П.Крип'якевича та М.Ф.Владимирського-Буданова // *Доба Богдана Хмельницького...* С. 235—242.
- ⁶⁸ В отписке из Путивля говорится: «Писали к нам, холопом твоим, ис Киева бояре и воеводы князь Федор Семенович Куракин с товарищи и прислали в Путивль свийския королевы чернда Данила з гетманским листом, да людей иво дву человек, да черкашенина Ивана Макарова» (королева к тому времени, впрочем, уже отреклась от престола, (это случилось 1 июня), и шведским королем стал Карл X Густав). — Оп. 1. № 20. 13.07.1654 (7162) г. Л. 1—5.

- ⁶⁹ Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 6. Акты Шведского государственного Архива, относящиеся к истории Малороссии (1649–1660 гг.). Киев, 1908. № XVIII–XIX, XXX–XXXI (Далее – АЮЗР).
- ⁷⁰ Определение почерка по: *Knös B.* Un délégué grec ...
- ⁷¹ Интересно, что на вопросы о численности русского и запорожского войск Даниил отвечал с безусловным завышением цифр: он сообщил королю, что русский царь имеет 800-тысячную армию, гетман Хмельницкий – 270 тысяч, и еще 60 тысяч охраняют Украину от татар. В то же время, другие документы свидетельствуют о том, что взаимное соглашение России с гетманом Хмельницким определило казацкую армию в 60 тысяч человек. См.: *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. С. 652.
- ⁷² Документ и комментарий к нему готовятся к публикации.
- ⁷³ Оп. 1. № 11. 17.02.1657 г. Л. 24.
- ⁷⁴ Там же. Л. 20–24; № 10. 25 и 15.02.1657 (7165) г. Л. 11–20, 46; Ф.89. № 1. 19.04.1657 г. Л. 1–7.
- ⁷⁵ Оп. 1. № 11. 17.02.1657 г. Л. 21–23.
- ⁷⁶ Там же. № 10. 15 и 24.02.1657 г. Л. 15.
- ⁷⁷ Документы Богдана Хмельницкого. 1648–1657. Киев, 1961. № 444–445, С. 582; Оп. 1. № 11. Апрель 1658 (7166) г. Л. 1–6; см. также: № 10. 15 и 24.02.1657 г. Л. 11, 15–16, 19.
- ⁷⁸ Оп. 1. № 11. Л. 4–6.
- ⁷⁹ Оп. 2. № 538. 09.05.1655 г. (перевод: Оп. 1. № 13. 29.04.1655 (7163) г.); Оп. 1. № 8. 09.11.1655 (7164) г. Л. 19–24; № 13. 18.05.1658 (7166) г. Л. 13–14; № 18. 14.07.1658(7166) г. Л. 1–3; № 3. 01.11 и 07.11.1658 (7167) г. (описано на 1659 г.). Л. 2–5, 10.
- ⁸⁰ Оп. 1. № 2. 09.09.1659 (7168) г. (описано на 1660 г.). Л. 1–4, 19–25.
- ⁸¹ Там же. Л. 37–39.
- ⁸² Там же. № 14. 11.01.1660 (7168) г. Л. 7–11 (01.01.1660 г.).
- ⁸³ Там же. № 8. 28.02.1654 (7162)–1657 (7165) г. Л. 2–3.
- ⁸⁴ Там же. № 15. 01.05.–14.03.1656 (7164) г. О деятельности печского патриарха Гавриила см.: *Димитријевич С.* Одношаји пећских патриарха с Русијом у XVII в. // Глас Српске Краљевске Академије. К. LVIII/37. Београд, 1900. С. 226–251; *Достян И.С.* Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. С. 255.
- ⁸⁵ Оп. 1. № 8. 28.02.1654 (7162)–1657 (7165) г. Л. 5–6.
- ⁸⁶ «А руменская, де, страна, все Бога молят, чтоб Бог дал государю на неприятелей победу. А толко, де, государь изволит хоти малых людей прислать к ним для славы, и они б, де, все тому обрадовались и на турков востали з государевыми людьми собча. А болгары, де, и серби все того желают же и на турков учнут стоять собча. А венгерской, де, Ракоц с волоским воеводу в дружбе. А молдавской, де, владетель поневоле с ними в дружбе, потому что перед ними безсилен». – Там же. № 17. 17.02.1656 (7164) г. Л. 3.
- ⁸⁷ Там же. № 9 1654 г. Л. 1.
- ⁸⁸ Там же. № 14. 24.03.1654 (7162) г. Л. 3–7.
- ⁸⁹ Там же. Л. 4.
- ⁹⁰ Там же. № 11. 05.01.1656 (7164) г., Л. 3–6, 13–15. Известно и о переговорах Константина Басараба с императором Фердинандом III о возможном ведении совместной с Венецией борьбы против Османской империи: *Tamborra A.* Problema turco, unione delle Chiese e diluvio polacco nella seconda metà del Seicento: l'azione diplomatico-religiosa di Petar Parcevic // Filologia e letteratura. Studi in onore di S.Graciotti. Estratto. P. 780.
- ⁹¹ Оп. 1. № 7. 17.02.1654 г. Л. 4.

- ⁹² Там же. № 14. 24.03.1654 (7162) г. Л. 11.
- ⁹³ Оп. 2. № 541. 1655 г. (Фонкич Б.Л. Греческо-русские связи... № 58. С. 49); № 542. 20.08.1655 г.
- ⁹⁴ См.: Письмо молдавских послов сучавского митрополита Гедеола и боярина логофета Григория Нянула в Посольский приказ с изложением условий перехода Молдавии в русское подданство. 16.03.1656 г. // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — нач. XVIII в. М., 1968. Т. 2. С. 273—275; Семенова Л.Е. Статус Молдавского княжества в системе Османской империи (XV—XVIII вв.) // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 11.
- ⁹⁵ Не случайно известный документ с изложением условий возможного перехода Молдавии в подданство русского государя, составленное от имени молдавских послов митрополита Гедеола и логофета Григория Нянула было подписано и патриархом, находившимся тогда в княжестве. См.: Письмо молдавских послов... // Исторические связи... С. 273—278; Семенова Л.Е. Статус... С. 47.
- ⁹⁶ Оп. 2. № 560. 08.10.1656 г. (Возможно, автограф иерусалимского патриарха Паисия?); № 565. 01.11.1656 г. (Грамота к царю Алексею Михайловичу от антиохийского патриарха Макария).
- ⁹⁷ О приезде никейского митрополита из Молдавии в Москву сообщал Фома Иванов: «Потом ведомо даем великому вашему царствию, едет митрополит никейский Григорей поклонится великому вашему царствию и имеет изустно сказати тайные слова великому вашему царствию». — Оп. 1. № 13. 29.04.1655 (7163) г. Л. 8.
- ⁹⁸ Оп. 2. № 588. 27.02.1658 г.; № 589. 01.03.1658 г.; № 591. 25.05.1658 г.; № 592. 28.05.1658 г.
- ⁹⁹ Оп. 4. № 47. 06.01.1659 г.
- ¹⁰⁰ Оп. 4. № 46. 12.12.1656 г. См.: Ф. 68. Оп. 2. № 30. 1656 г.; оп. 1. № 1. 09.01.1657 (7165) г.
- ¹⁰¹ Но в документах отразились и свидетельства существования противоположных тенденций. Так, Фома Иванов писал: «И еще ведомо чиню великому царствию твоему, грамоты приходят царствия твоего к Стефану воеводе, а он те все послал к турецкому салтану и пишет к салтану то, смотрите, де, какие грамоты пишут ко мне, чтоб ему тем себе добро получить. И он... великой недруг царствию твоему, и сколько грамот к нему гетман ни посылает, а он те грамоты посылает в турки, а я то видел сам,... как те грамоты подаваны в диване. И он недруг веры христианские, великого царствия твоего и иконоборец, которой божественное Евангелие кладет под себя и сидит на нем, и Честный и Животворящий Крест кладет на месте под ноги». — Оп. 1. № 16. 05.05.1655 (7163) г. Л. 46—48.
- ¹⁰² «А прежнему, де, Парфению патриарху от турков казнь учинена на Страсной неделе Великого поста за то, написал, де, некто, неприятель ево, лист на имя царского величества, а в листу написано, что, де, им, православным христианом, от нечестивых турков утеснение, а война, де, у турецкого с виницеяны беспрестанно, и немцы турков побивают, и турки от них погибают, и чтоб царское величество изволил итти на Царьград войною, а они, де, ему, великому государю, все ради. И укратчи, де, у патриарха печать, тот лист запечатали патриаршею печатью, и неведомо, де, какими мерами тот лист крымские татарова на дороге переняли и отдали во Цареграде везирию». — Там же. № 3. 18.09.1657 (7166) г. (описано на 1658). Л. 14. В этой связи следует обратить внимание на грамоту, сообщающую о политических новостях в Османской империи: «Грамота к царю Алексею Михайловичу от антиохийского патриарха Макария с греком Иваном Анастасовым» — Оп. 2. № 547. 04.04.(1656) г. Подпись на грамоте явно не принадлежит антиохийскому патриарху, а в *intitulatio* документа значится имя константинопольского патриарха Парфения. Может быть, эта подделка с опасным содержанием является аналогом той грамоты, которую перехватил крымский хан? См. также: Кантрев В.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. Изд. 2. С. 293—296.
- ¹⁰³ См., например, письмо к царю Алексею Михайловичу от константинопольского архи-

- мандрита Дионисия: «и хотим писать обо всем, сколько видим и слышим, к великому вашему царствию, только не смеем и великий страх имеем от нечестивых агарен, потому что многия за такая дела погибли. И только услышат или проведуют, кто ездит к Москве, или кто с Москвы приедет из черныцов, в тот час его на кол посадят, потому некоторой чернец ездил к великому вашему царствию, к Москве, от страны Костентинна воеводы, и как он возвратился назад в Молдавскую землю, и в тот час его поймали нечестивые и отослали его к везирию, и везирь тот час его казнил. И сего ради и мы пишем с великим страхом». — Оп. 2. № 601. 30.05.1660 г. Л. 1—1 об., русск. пер. Л. 2—3. См. также: Оп. 1. № 3. 01.11 и 08.11. 1658 (7167) г. (описано на 1659 г.). Л. 16—20; № 4. 15.12.1657 (7165) г. Л. 40.
- ¹⁰⁴ Оп. 2. № 329. 01.1649 г.; Оп. 1. № 14. 01.05. 1655 (7163) г. Л. 8; № 25. 10.07.1656 (7164) г. Л. 29—31. Постоянно передаются и слухи о том, что агарянам недолго осталось владеть Царьградом (см. «расспросные речи» Ивана Анастасова: там же. Л. 36.); № 16. 05.05.1655 (7163) г. Л. 96, 98 (послание Фомы Иванова, который сообщает, что в Стамбуле готовят флот против венецианцев, но еще больше страшатся московского царя).
- ¹⁰⁵ Там же. № 25. 10.07.1656 (7164) г. Л. 4, 9—10; сравн. Л. 38.
- ¹⁰⁶ Там же. № 11. 17.02.1657 г. Л. 22.
- ¹⁰⁷ Там же. № 14. 01.05.1655 г. Л. 11
- ¹⁰⁸ Там же. № 16. 05.05.1655 (7163) г. Л. 26.
- ¹⁰⁹ Там же. № 24. 01.05.1656 (7164) г. Л. 7—8.
- ¹¹⁰ Там же. № 24. 16.06.1657 (7165) г. Л. 4—5.
- ¹¹¹ «Перевод с двух писем (одно без начала) шведского в Царьграде министра, поданных в Диван, с предложением совета, дабы султан соединил военную силу свою с общими Англическими, голландскими и французскими силами против их неприятелей, римскую и греческую веру исповедующих». — Ф.89. Оп. 1. 19.04.1657. № 1. Л. 1—8. Любопытно, что перевод поданных в диван предложений шведского резидента оказался в Москве. Видимо, он также был передан через греков.
- ¹¹² АЮЗР. Ч. 3. Т. 6. № XXXII (12.11.1655 г.). С. 94—96.
- ¹¹³ Кантерев Н.Ф. Характер... С. 350—353, 364.
- ¹¹⁴ Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 280—281.

V.G. Tchentsova
(Moscow)

**SOURCES FROM THE GREEK COLLECTION
OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF OLD ACTS
ON THE INTERNATIONAL RELATIONS
IN EASTERN AND SOUTH EASTERN EUROPE
THROUGH THE 5TH DECADE OF THE 17TH CENTURY**

Summary

The 5th decade of the 17th century brought a radical change of the international situation in Eastern Europe. Unification of Russia and Ukraine shifted the balance of powers which effected not only the interests of Russia, Ukraine and Rzech

Pospolita who lost its control over the Cossacks of Zaporozhie, but the interests of still powerful Ottoman Empire as well. Its government circles cherished some hopes for a union of the Cossacks of Zaporozhie with khan of Crimea who was an Ottoman vassal, and for hetman Bogdan Chmenitsky's entering the Ottoman allegiance.

Orthodox population of Balkans and the Great Church, which was the only official spokesman of its ethnic and confessional interests, were also involved in this complicated tangle of political interests. Being among the main informers, who provided Russian government with the information on events in Ukraine, Principalities of Moldavia and Walachia and Ottoman Empire, the Greeks inevitably contributed to the development of these events. They also played an important role being used directly in the diplomatic contacts between the countries involved. Greek merchants and clergymen were among the diplomats whose mediation was used in the negotiations between Russian government and hetman Bogdan Chmelnsky. Among these Greek diplomats were patriarch Paisios of Jerusalem, metropolitan Gabriel of Nazareth, ex-patriarch of Constantinople Athanasios Patelaros, Ivan Petrov (Ioannes Bardas Taphrali) metropolitan Ioasaph of Corinth, father Daniel of Athens and others.

It is this role, played by the Greeks in the diplomatic relations and information gathering, that determines the importance of the study of the «Contacts between Greece and Russia» series (f. 52) of Russian State Archives of Old Acts («Greek Acts»). This series provides a huge resource of barely studied and unpublished documents on the history of international relations in Europe, Russian and Ukrainian diplomacy, Greek-Russian and Greek-Ukrainian relations, etc. The series accumulated a quantity Russian and Greek documents containing an information on the developments of political situation in Ottoman Empire and neighboring countries. The protocols of interrogations of Greek merchants and clergymen, who were put through it in the border town of Putivl or at Foreign Office in Moscow, are of special interest for the study. During these interrogations the travelers were telling the news they picked up on the way. The other important source is Russian versions of Greek diplomatic relations made by Greek travelers. Inventories No2 and 3 of the «Greek Acts» series of the Archives contain originals of the Greek and Slavic diplomatic correspondence delivered to Russian Foreign Office. That includes «News Letters» («vestovye pis'ma») with important political news and messages from Oriental patriarchs and high Greek clergy to Russian tsar. A detailed study of these sources is extremely important for understanding of international politics in South-Eastern Europe through the 5th decade of the 17th century.

С.Ф. Фаизов

(Москва)

**ПОСЛАНИЕ ХАНА МУХАММЕД-ГИРЕЯ
ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ
О СВОЕМ ВОСШЕСТВИИ
НА КРЫМСКИЙ ПРЕСТОЛ В КОНТЕКСТЕ
РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1654 г.
(Перевод и комментарии)**

Русско-крымские отношения 1654 г. и последующих лет сравнительно неплохо изучены историками, но после известной монографии В.Д. Смирнова¹ освещение их опиралось в основном на источники на русском, украинском, польском и иных европейских языках². Несмотря на обстоятельный анализ широкого круга документов в монографиях Л.В. Заборовского, Г.А. Санина и А.А. Новосельского, продолжает ощущаться недостаточность характеристик двусторонних связей только лишь через документы, исходившие из европейских канцелярий. В связи с этим сохраняется большая потребность в том, чтобы, понять, в какой мере татароязычные тексты, имеющие своим происхождением бахчисарайскую и иные крымские канцелярии, близки к своим русскоязычным дубликатам в смысловом отношении, во-вторых, каким образом соотносятся их протокольные и литературно-лексические свойства.

Предлагаемая ниже публикация имеет своей целью проведение сопоставительного анализа оригинального текста послания хана Мухаммед-Гирея IV от 16 зу-ль-хиджжа 1064 г. по хиджре (19 октября 1654 г. по юлианскому календарю) и его перевода-дубликата, осуществленного в Посольском приказе. Инструментальной базой сопоставления является перевод оригинального текста, осуществленный автором публикации.

Выбор именно этих документов мотивирован тем обстоятельством, что именно с них начинается отсчет переписки хана Мухаммед-Гирея, назначенного на престол после смерти Ислам-Гирея III, с царем Алексеем Михайловичем. (Смерть Ислам-Гирея наступила 30 июня 1654 г., Мухаммед-Гирей прибыл в Крым 6 октября того же года, обе даты указаны

по юлианскому календарю, по нему же — дальнейшие даты христианского летоисчисления.) Первое послание хана, ставшего заметной личностью в истории Крымского юрта, было в то же время первой письменной репликой Бахчисарая на вступление Запорожского войска во главе с гетманом Б. Хмельницким в подданство России и носило в известной степени программный характер.

Вторая мотивация связана с объемом документа и его информационной насыщенностью. Третья — с неординарным отражением его в переводческой практике Посольского приказа и неординарными событиями, этому сопутствовавшими.

Тексты переводов разбиты на статьи, совпадающие с элементами условного формуляра (в областях начального протокола, *sanctio* и конечно-го протокола) и законченными по смыслу словосочетаниями — в области *narratio*. Нумерация статей проведена автором.

Перевод Посольского приказа приведен в соответствии действующими правилами археографической обработки текстов. Границы предложений указаны в большинстве случаев автором публикации. Мягкий знак, краткий «и», дефисы и знак вопроса включены в текст во всех случаях, когда этого требуют правила современной орфографии и синтаксиса.

В повторном переводе все знаки препинания принадлежат автору. Написание местоимений, относящихся к первым лицам государств, в текстах обоих переводов с прописных букв, проведенное автором, отвечает принятым нормам перевода и археографической обработки ранних текстов. Местоимение «их» в статье 33, относящееся к донским казакам и указанное в квадратных скобках, подразумевается смысловым контекстом статьи, но не имеет лексико-грамматической матрицы в тексте оригинала.

1654 г. октября 19. — Мохаббат-наме хана Мухаммед-Гирея к царю Алексею Михайловичу.

Подлинник: РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 3. № 139.

Перевод Посольского приказа: Там же. Оп. 1. 1654 г. Д. 11. Л. 41–44 (беловик). Л. 21–28 (черновик).

Прислан с гонцом Шабаном 29 декабря 1654 г.

Опубликован без перевода: *В. В. Вельяминов-Зернов, Х. Фаизханов*. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864. С. 483–485. № 160.

Упоминание: *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 73.

Перевод С. Ф.	Перевод Посольского приказа. Беловой (окончательный) вариант.
1. Он.*	
2. Слово Наше — хана Мухаммед-Гирея, сына хана Саламат-Гирея.**	Магамет-Гиреево-царево слово.
3. Благословением Тенгри***, милостью и милосердием Всевышнего брату Нашему великому падишаху, царю и великому князю Алексею Михайловичу, оберегателю всех русских, и падишаху, и государю многих государств, многократное приветствие.	Божиею милостью брату Нашему великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, Всеа Великия и Малыя России самодержцу и многих государств государю и облаадаателю, ото многа много поклон.
4. С приязню спрашиваю Вас о Вашем благополучии,	Как Вас бог милует, здорово ли,
5. а затем следующее ханское извещение и уведомление.	а после поздравленья объявляем.
6. Покойному и достойному прощения старшему брату Нашему хану Ислам-Гирею, да пребудут над Ним милость и довольство, прислали Вы с Вашими достойными служилыми людьми Тимофеем Гавриловичем Хатунским и подъячим Иваном Фоминым Ваше письмо с любовью.	Прислали Вы славные памяти к брату Нашему, к Ислам-Гирееву-цареву величеству с любительными своими грамоты дворянина своего Тимофея Гавриловича Хатунского да подъячево Ивана Фомина. С тех мест и по се время задержены они в Крыму.

* Он — «Ху», «Хуа», местоимение, подразумевающее Аллаха. *Invocatio*.** Ст-я 2, объединяющая *promulgatio* и *intitulatio*, представлена в виде тугры, выполненной золотом.

*** «Тенгри» (букв.: «Небо») — традиционно переводится как «Всевышний», «Бог», слово, происходящее из китайского языка. Употребление его составляет специфическое свойство крымских, ордынских грамот, посланий российских самодержцев восточным владетелям, и в силу этого обстоятельства автор перевода счел целесообразным оставить его в тексте, не подвергая обезличиванию через перевод.

7.	С того времени, сев на престол Нашего данного халифата, воцарившись в Крымском юрте, стал ханом и обладателем юрта я, великий хан Мухаммед-Гирей, Их величество, да продлится Его царствование до Судного дня.	И ныне, как Мы, великий Магамет-Гирей-царь, на Крымском юрте учинилися царем,
8.	Присланное Нашему старшему брату Ваше письмо удостоилось Нашего внимания, и все написанное Вами стало Нам известно.	а что в Вашей, брата Нашего, грамоте написано, и про то Нам ведомо учинилось.
9.	Затем. Как напоминают беи и уважаемые люди всего Крыма, раньше сколько раз писали письма в Москву, и, помимо этого, наказывали также через послов идти на земли короля,	И мы с крымскими князи и с старыми людьми против Вашей грамоты подумали. И брат Наш Ислам-Гиреево-царево величество о том к Вам преж того к Москве писал и с посланники Вашими приказывал многижды, чтоб Вам итти войною на польского короля,
10.	в то время Вы не ходили.	и в то время Вы на польского короля походу не учинили.
11.	Тогда покойный Наш старший брат пошел на земли польского короля с войском,	А как брат Наш ходил войною на польского короля
12.	осадил Его, близко подступив,	и польского короля осадил, и к себе Их приклонил,
13.	и в связи с обещанием о даче залога проявил к Нему милость, взял залог и,	и польский король у Ислам-Гиреева-царева величества упросил, чтоб Он, Ислам-Гирей-царь, с своими ратными людьми пошел назад и оманатов брату Нашему дал, что ежегод давать Ему казна. И брат Наш Ислам-Гирей-царь, желеючи Их,

14.	заклучив договор и мир, вернулся в Крым.	с Ними помирился и оманатов у Них взял, и промежу себя шертью укрепились, договораяся с ними, и в Крым приехал.
15.	После чего, когда московское войско, объединившись с запорожскими казаками, ходило на польские земли, у этой стороны стали тоже просить войска и помощи, направив посла.	А Вы в те поры с московскими ратными людьми и с запорожскими черкасы заодно на польского короля не шли, а к брату Нашему, к Ислам-Гирею-царю, прислали посла просити помочь спустя времени после миру.
16.	Ответили ему по существу: когда столько походов и сто наступлений было, Вы оставались недвижимы;	И для того брат Наш на Них войною не пошел, потому что у Него утвержено шертью.
17.	после договора Нашего покойного старшего брата Вы, заклучив союз с запорожскими казаками, хотите ходить вместе с Нами,	
18.	если бы Вы ходили до Нашего договора, то оказали бы помощь этой стороне.	А только бы Вы ходили на Них до миру и договору, и Вы б тем Нам учинили помочь.
19.	Договор и мир счастливейшего старшего брата Нашего — также Наш договор.	А на чом брат Наш Ислам-Гирей-царь с Ним договорился и шертовал, а Мы стоим на той же шерти.
20.	Поскольку нарушения договора со стороны польского короля не было, то, без причины, и с Нашей стороны договор будет нерушим.	А от Него, польского короля, никакие лжи не объявлялось, потому и Нам своей правды и шерти нарушить нельзя, не видя от Них никакие неправды и хитрости.

21.	Нарушать мир с Нашей стороны — это дело не к лицу падишахам, и Всевышнему господу это не будет угодно.	И государем правда своя нарушать, и богу то не годно.
22.	Очевидно, что вследствие несоблюдения и нарушения договора с польским королем Вы, брат Наш, и другие потеряют доверие и сочтут возможным без причины и без блага нарушать договоры, что падишахам не к лицу.	И впредь Вам и иным будет не верно.
23.	И тот договор и мир, который был заключен с Вами, братом Нашим, ранее, когда Мы были ханом Крымского юрта, нет основания нарушать.	А как Мы были наперед сего на Крымском юрте царем* и Вам, брату Нашему шертовал, и ныне на той же правде и шерти стою крепко и непременно.
24.	И не должно быть причины к нарушению договора.	
25.	Мы вправду верны своей клятве.	
26.	Вы же, брат Наш, подтверждая этот договор и желая, и намереваясь с Нами быть в дружбе и братстве, отправите Нам большую Нашу казну в соответствии с тетрадью прошлых лет, как отправляли покойному старшему брату Нашему, Их величеству,	А будет Вы, брат Наш, хотите непременно, и Вам бы, брату Нашему, с Нами быть в братцкой дружбе и в любви, и Вам бы, брату Нашему, на той же на прежней шерти стоять, и большую казну к Нам присылати по той же росписи, по которой росписи в прошлом году славные памяти к брату Нашему великому царю прислали.
27.	вместе с тем, что отправляете в качестве поздравления, возда-	Да прислати б Вам против прежнего, как искони бывало, для

* Мухаммед-Гирей уже правил юртом в 1641–1644 гг.

-
вая должное законному обычному порядку.	обновленья Нашего царева величества, и прислати б для обновленья с казною вместе.
28. Оберегая старый договор, вывезите великую казну на место размена пораньше, чтобы доставить до зимы.	И паметуя прежние правды, выслати б казну на розмену до зимнего времени,
29. С этой стороны на размену пойдет бек Мухаммедшах, и как бы не было тягот из-за ожидания Вашего посла.	чтоб розменному Маметши-князю и Вашим посланником в простое нузи не было.
30. Да бывают происшествия на реке Дон, казачьи бесчинства.	Да Ваши люди, украинцы, из Вашего государства приходят на Дон, воруют,
31. Каждый год они, выходя из Вашей области на чайках, беспокоят находящиеся на берегу моря области счастливейшего, достойнейшего на лице земли падишаха, Их величества, от чего, де, они приходят в запустение.	ежелет на Черное море стругами ходят, Вселенного, благосчасного великого государя турецкого, салтанова величества, по морских мест воюют и шкоты, де, чинят без престани.
32. Если между Нами такая дружба и братство, непокорность этих незаконнорожденных к лицу ли?	А Мы с Вами в братцкой дружбе и в любви, а казаков не унимаете. Меж Нами, великими государи, чинят большие ссоры, не городоимцы они, только ссору чинят.
33. Если как-нибудь, когда разбойники выйдут в море, не поймаем /их/ в прибрежной области, то не будет усмирения находящихся близко к Нашему юрту разбойников Вашей стороны, и если не будет запретов с этой стороны, продолжится ли так Наша дружба и братство?	Вам только своих воров не унять, а Нам потому ж своих воров не унимать, какая ж меж Нами братцкая дружба и любовь?

34.	Вы скажете, что усмирить нельзя — и то великая вина падишаху, и не соответствующее его достоинству дело.	Что сказываете, унимать их бут-то нельзя, и слышать то стыдно. В том Вам некоторые прибыли нет. Только меж Нами ссаривают.
35.	Если в ближайшее время никаких результатов не будет, то, по существу, это станет причиной охлаждения между нами, и с этой стороны будут сняты ограничения для незаконнорожденных, и нанесение многого и сильного ущерба Вашим окраинным землям и границам станет неизбежным.	А Мы потому ж с сей стороны только не учнем воров унимать од-нолично, Вашим украинам разо-ренья и убытков учинят не по малу.
36.	Не приводя в этом отношении невежественных оправданий, желая дружбы и стремясь к благополучию Вашего государства, тех бродяг с Дона переместите.	Однолично казаков бы Вам унять, только похотите с Нами быть в братской дружбе и в любви.
37.	И если в дальнейшем какая-либо чайка выйдет в море, это будет нарушением договора с Вашей стороны.	А будет от нынешнего дни на море хотя один струг объявится и шерти нарушенья будет от Ва-шие стороны.
38.	Как отправите Нашу казну и переместите тех бродяг с Дона, если будет на то воля Всевышнего Аллаха, с этой стороны отнюдь не будет возможности причинять вред и ущерб Вашей области и границам.	А только будет учнете казну еже-год присылать, а з Дону тех во-ров свесть велите, и с сей сторо-ны государству Вашему, украином отнюдь никакова убытку и шкоты не будет.
39.	Да сыновьям Нашим, опоре Нашей дружбы и братства, высоко-чтимым сыновьям Нашим из де-тей наших, султану Ахмед-Гирею да султану Аваз-Гирею, да султану Джанибек-Гирею, да султану	Да чтоб Вам, брату Нашему, де-тем Нашим учинити дачи сыну Нашему Агмет-Герее-царевичю да Айвас-Гирею-царевичю, да Джанбек-Гирею-царевичю, да Тубафек-Гирею-царевичю про-

- Мубарак-Гирею – этим четверем сыновьям Нашим, султанам, каждому дачу – соболей просим.
40. И, кроме сыновей наших, султанов, также просим дачу для пяти аг из почитаемых наших слуг – с занесением всех в соответствии с обычным порядком в роспись, и отправляем гонца нашего Шабан-агу.
41. Если будет на то воля всевышнего Аллаха, и будет найдена возможность в интересах братства распорядиться отправить дачу четверем нашим сыновьям, султанам, и пятерым нашим почитаемым служащим агам в соответствии с посланной запечатанной тетрадью и не убавляя впредь, то этим создадите побуждение и начало братское, чтобы дружба и братство наше не убавлялись.
42. Написано в престольном городе Бахчисарае 1064 года месяца зи-уль-хиджа 16 дня.
43. Место: Бахчисарай хранимый.
- шу у Вас, брата нашего, чтоб Вам велети им учинити дачи в головах шубы соболями.
- Да опричь тех наших детей, нужетерпцом пяти человеком по тому ж велети дачи учинити. И роспись им послано з гонцом нашим, с Шабан-агою.
- И аже, даст бог, как до Вас дойдет, и Вы б велели четверем нашим сыновем да пяти человеком нужетерпцом против наши росписи, и прислати б без урыву ежегод, и тем бы меж нами братцкая дружба и любовь множилась.
- Писана грамота в царствующем месте, в Бакчисарае, лета от Магаметя-пророка 1064 году в октябре месяце.

Послание заверено черным оттиском миндалевидной печати с надписью «Мухаммед-Гирей-хан бин Саламат-Гирей-хан» и тамгой-грезубцем в середине печати.

Различия между двумя переводами относятся ко всем трем основным уровням внутренней стратиграфии «мохаббат-наме»: протокольной, лексической и смысловой. Различительные явления первых двух уровней подразделяются на четыре разновидности: стандартные расхождения, нестандартные расхождения (ошибки), фрагменты оригинала, исключенные из перевода, фрагменты перевода, отсутствующие в оригинале. Смысловые различия генерируются всеми четырьмя разновидностями текстуальных расхождений.

В начальном протоколе (статьи 1–5) перевода Посольского приказа расхождения выразились преимущественно в исключении из него фрагментов оригинала. Здесь отсутствуют: *invocatio*, указание на знаковую форму *promulgatio* («Слово Наше») ⁴ и *intitulatio* («хана Мухаммед-Гирея, сына хана Саламат-Гирея»), из *promulgatio* выпал элемент «Наше», из *intitulatio* — элемент «сына хана Саламат-Гирея». Формула «божьей милости» в составе *inscriptio* сократилась с шести слов до двух. В области *salutatio* опущена формула «с приязнью», в области второго *promulgatio* (статья 5) опущен элемент «ханское», формула «извещение и уведомление» сократилась до «объявляем». Все указанные расхождения являются стандартными, то есть соответствующими традиции, наблюдаемой в течение всего XVII ст. в переводческой практике Посольского приказа.

Развернутый титул крымского хана, обычно следовавший за тугрой, отсутствует в *intitulatio* самого оригинала, что являлось одним из признаков выбора бахчисарайской канцелярией репрессивной формы условного формуляра мохаббатнаме. (О других ниже.)

Элемент «Великия и Малыя», присутствующий в переводе, в ***inscriptio* оригинала** мохаббатнаме также отсутствует. Здесь наблюдается вторая в течение 1654 г. попытка русской стороны продекларировать перед Крымским юртом титульное закрепление вхождения Украины в состав России, осуществленную в этом случае неординарным способом: через вписывание «нужного» титула в чужой текст, хотя не без некоторых колебаний: в черновике перевода «Великия и Малыя» отсутствуют. Впервые элемент «Малыя» был указан в посланиях из Москвы, доставленных в Крым Т.Г. Хотунским и И. Фоминым и, безусловно, являлся репрессивным элементом условного формуляра московских посланий ⁵. Крымцы же, не признававшие в 1650-х годах за российским самодержцем «Великой», заведомо не могли признать «Малой России». Из послания Мухаммед-Гирея к Яну Казимиру, написанного приблизительно в то же время, когда был отправлен в Москву Шабан-ага, следует, что «Великую Россию» они предпочитали прописывать за главой Польско-литовского государства: «король... Великой России» = «Улуг Уруснынг... крале».

Правда, из всей Украины канцелярия Мухаммед-Гирея оставляла тогда за королем только Черниговское княжество ⁶.

Здесь же, в области *inscriptio*, наблюдаются три стандартных, но, тем не менее, лингвистически некорректных перевода компонентов титула царя Алексея Михайловича.

В формуле «великому государю, царю и великому князю» компонент «государь», по версии переводчиков Посольского приказа, является эквивалентом слова «падишах», присутствующего в предлагавшейся крымцами традиционной формуле «улул падишах, хан ве улул бий», но действительным, лингвистически корректным эквивалентом персидского слова «падишах» является отнюдь не «государь». «Падишах» — ключевой компонент титула глав ряда восточных государств в эпоху средневековья. В нем в равной степени выражены идея властного верховенства главы государства над подданными, так и независимость происхождения власти главы государства от внешних источников. Эквивалентом этого слова в русской титульной терминологии XVII в. могло выступать только слово «царь». Древний компонент титула носителей высшей власти на Руси термин «государь» никогда не имел самостоятельного титульного значения и употреблялся как дополнительный элемент титула носителей власти, но отнюдь не только высшей. Государями именовались и удельные князья, и бояре, и многие другие лица, стоявшие на более низких ступенях социальной иерархии. Очевидно, что качественная определенность титульного форманта «государь» в XVII ст. и ранее концентрировалась в признаке властвования и соотносилась с такими формантами, как «падишах», «царь», «хан», «король» как категория большей степени обобщения с категорией меньшей степени обобщения, как род и вид, и не обладала такой качественной определенностью, как независимость властителя. (Лишь в отношении неличностного субъекта-носителя политической воли г. Великого Новгорода дефиниция «государь» могла выступать как титульный атрибут независимости.) ⁷ Автор повторного перевода счел уместным, во избежание тавтологии («царю, царю и великому князю») оставить в рассматриваемой формуле элемент «падишах», имея также ввиду присутствие этого слова в русском политическом словаре XVII ст. и именование российских самодержцев падишахами в их тюркоязычных посланиях к восточным владельцам ⁸.

Формула «Всеа... Росии самодержцу» перевода Посольского приказа во всех компонентах также расходится с оригиналом. Названная формула должна была соответствовать словосочетанию «барча уруснынг панахи» оригинала. «Самодержец» русского текста имел здесь своей матрицей, источником и лингвистически зеркальной парой «панахи» крымско-татарского текста, слова, отстоящего от «самодержца» на ощутимом расстоя-

нии. Персидское слово «пáнах» = «защита», «мощь», «могущество», «защитник», «оберегатель» — в протокольной и панегирической практике мусульманских стран самостоятельно не применялось для обозначения статуса, равного самодержцу. Для того, чтобы обрести качество и смысл, аналогичные «самодержцу», оно в титулатуре восточных владык должно было дополняться терминами «шавкат» или «алам», образовав вместе с ними титулы «шавкатпанах» (букв.: «основа могущества») и «алампанах» (букв.: «могущество мира») ⁹.

Взаимное соответствие «Всеа... Росии» и «барча уруснын» также проблематично. Местоимение «барча» присутствовало и в титулатуре крымских ханов (в формуле «барча татарнын... улуг падишахы»), но применялось исключительно в качестве, аналогичном русскому местоимению «все» («всех татар... великий падишах»). Когда же крымцы допускали применение местоимения, равнозначного «Всеа» (аналога современных «вся», «всей»), они употребляли, либо татарское «бöтен», либо арабское «джöмлä». Употребление «джöмлä» перед «уруснын» было правилом крымского титулования российских самодержцев в сер. XVII ст. в тех случаях, когда крымская сторона желала выказать свое доброжелательное отношение к российской стороне или нуждалась в том, чтобы ее отношение к адресату было воспринято как доброжелательное, несмотря на излагаемые в послании претензии ¹⁰. И, напротив, во всех случаях жесткой стилистики посланий из канцелярия ханов Ислам-Гирея, Мухаммед-Гирея перед «уруснын» присутствует «барча» ¹¹.

Применение того или иного местоимения имело исключительное значение для правильного указания титула российских самодержцев: в крымско-татарском языке XVII в. понятия «Русь», «Россия» и «русский», «русские» передавались одним и тем же словом «урус» (без заглавной буквы и, в большинстве известных нам случаев передачи понятия «русские», без формального признака множественности — суффикса «лар») ¹². Ключом к смысловой и понятийной идентификации термина «урус» в этих обстоятельствах выступало местоимение. Если «бöтен» и «джöмлä» указывают на признак единственного числа определяемого слова и в силу своего собирательного качества не могут быть в смысловой связке со словом «русский», то слово «урус» в сочетании с этими местоимениями может обозначать только понятие «Русь» или «Россия». В сочетании с «барча» оно означает «русские», но некое допущение иной трактовки наименования в силу смысловой переклички местоимений (ср.: «вся» и «все») оставалось. Сама же русская сторона в *inscriptio* тюркоязычных посланий самодержцев крымским ханам и принцам, иным владельческим лицам на Востоке употребляла исключительно «джöмлä» ¹³. Только с

«джёмля» обращались к самодержцам челобитчики — подданные мусульманских владык¹⁴. Несомненный грамматический демарш крымцев не давал достаточных оснований для официального протеста со стороны Посольского приказа именно благодаря названному допущению и тому, что формально принадлежал сфере грамматики.

Выбор репрессивной формы титулования, безусловно, был ответом крымской стороны на указание «Малыя России» в грамотах, отправленных с Т.Г. Хотунским и И. Фоминым, но являлся лишь одним из элементов сравнительно жесткой стилистики рассматриваемого послания.

В следующей формуле «многих государств государю и облаадателю» = «күб мәмләкәтләрныкыда булса падишахы ве хөкемдарыга» Посольский приказ продублировал связку «падишах» = «государь», а элемент «хөкемдар» передал словом «облаадатель», что тоже следует признать некорректным. Аналогом «облаадателя» в средневековом восточном протоколе является термин «дәвләтле» («букв.: «обладающий богатством», «обладающий государством»). «Государю» же соответствует «хөкемдар» (букв.: «властитель», «обладатель права и суда»).

Область salutatio. Здесь формулу оригинала «күпдин куп салям айтеп» Посольский приказ передал словосочетанием «ото многа много поклон», выбрав, таким образом, не тождественную форму приветствия. У крымцев «поклона» нет. Они многократно говорят «салям» (букв.: «мир»), но отнюдь не выказывают «баш ору» или «рокут кылу», т. е. желания приветствовать через «поклоны». (Приказ, со своей стороны, готов был заполучить от крымцев еще более отдаленную от протокола форму приветствия — «челобитье», вписанное и зачеркнутое в черновике перевода. Нормой приветствия крымцев был «салям».)

Формула «татулык имилян хәтерегыз сораганмыздин» передан переводчиками приказа вопросительным предложением «Как Вас бог милует, здоровы ли?», но крымцы в данном случае не упоминали «божию милость» и лишь «с приязню» спрашивали царя о его «благополучии».

Область promulgatio. В оригинале мохаббат-наме объявление выражено в словах «сонгра иглам ве инхам хани» = «а затем следующее ханское извещение и уведомление». Приказ не упомянул отправителя послания, автономинацию сократил до «объявляем», прибавив, однако, отсутствующее у крымцев «поздравлень». («Объявляем» и «поздравлень» — обычные, стандартные формы перевода столь же стандартных формул объявления в мохаббат-наме.)

Область narratio, dispositio, sanctio. Расхождения между оригиналом и переводом в этой области многочисленны. Помимо неточного перевода многих слов, словосочетаний, предложений, Посольский приказ прибежал

к таким существенным искажениям первичного текста, как исключение отдельных законченных по смыслу фрагментов из него и дополнение первичного отсутствующими в нем законченными по смыслу фрагментами.

Остановимся на различиях двух текстов между собой в этой области, опустив те из них, которые заключаются в неточной, с лексикологической точки зрения, передаче отдельных слов и понятий без грубого искажения смысла слова, существенных сторон описываемого или указываемого явления.

Неточный или ошибочный перевод слов, словосочетаний и предложений.

В статье 6. «С тех мест и по се время задержены они в Крыму» — пример вероятной ошибки переводчиков. Словосочетание «Ул вакыттан бире Крымда илекенеп» = «С того времени в Крыму воцарившись» они истолковали в указанном выше смысле. Препятствием к правильному пониманию фрагмента послужило деепричастие «илекенеп», производное от древнетюркского глагола «илкенмак» = «воцаряться» (букв.: «обрести страну»), ононимичного глаголу «оставаться». Выбрав второе значение деепричастия «илекенеп», переводчики Посольского приказа придали ему форму страдательного залога, не вполне уместную, так как ни крымская, ни русская стороны в своих грамотах в прямой и безоговорочной форме не признавали случавшихся нарушений дипломатического иммунитета представителей противоположной стороны.

В статье 15. «А Вы в те поры с московскими ратными людьми и с запорожскими черкасы заодно на польского короля не шли». В тексте оригинала указывается на противоположные акции России и запорожских казаков: «шли». Отметим замену «Узи-казаков» = «запорожских (букв.: «днепровских») казаков» оригинала на «запорожских черкас». Заменой субэтнонима на этноним Посольский приказ стремился подчеркнуть общенациональные статус и идентичность нового союзника России. Обдуманность этой лингво-дипломатической акции достаточно ясно проглядывает из того, что «черкасы» появляются только в беловике перевода, после ознакомления с ним думного дьяка. В черновике были прописаны «казаки».

В статье 32. «...не городоимцы они». В тексте оригинала такого оборота нет, но включением он не является — судя по его месту в переводе 32 статьи и морфологии лексики текста оригинала. 32-ая статья оригинала заканчивается словом «лаекмыдыр» = «подходит ли», «к лицу ли». Вероятно, частицу «дыр» = «ли» переводчики приказа приняли за существи-

тельное «дар» = «местность», а следующее за «лаекмыдыр» слово «улмак-ула» = «быть может», «как-нибудь» истолковали как причастие «алмамаклы» = «не берущие», «не способные брать».

В статье 34. «Что сказываετε, унимать их бутто нельзе, и слышитть то стыдно». В тексте оригинала: «Запытына кадър төгәләм диярсеgez, ул дахи биек айбдыр, падишахлыкка лаек дөгелдер» = «Вы скажете, что усмирить нельзя, — и то великая вина падишаху, не соответствующее его достоинству дело». — Еще один пример «правки» текста оригинала. Переводчики и их кураторы не решаются сообщить самодержцу о его «великой вине» и о том, что она не соответствует достоинству «падишаха».

В статье 35. «В том Вам некоторые прибыли нет. Только меж Нами ссаривают. А Мы потому ж с сей стороны только не учнем воров унимать однолично, Вашим украинам разоренья и убытков учинят не по малу». Мохаббат-наме предлагал несколько иные формулировки: «Бер нәсенә хасыйл улмаз хаман, ма баен бер сууклыка сәбәб улыб, бу тарафдин бездаге хәрамзадега бер тәкыйид итмәеб, чит ирләрезга ве сәрхәдигызга таки чок зарар улмак мөкаррәрдер». = «Если в ближайшее время результатов не будет, то, по существу, это станет причиной охлаждения между Нами, и с этой стороны будут сняты ограничения для незаконнорожденных, и нанесение многого и сильного ущерба Вашим окраинным землям и границам станет неизбежным»¹⁵. Ультимативный тон крымской стороны в изложении Посольского приказа сменился увещательным-сослагательным. Таким образом, **статья sanctio**, сообщавшая о действиях крымской стороны при невыполнении российской стороной выдвинутого ими условия, трансформировалась в повествовательную статью, из которой можно было извлечь лишь намек на санкции. (В тексте оригинала примечательно слово «сууклык» = «охлаждение».)¹⁶

В статье 39. Имя принца Мубарека подменено несуществующим именем «Тубафек». Не исключена ошибка, но происхождение ее следует признать очень странным: в черновике перевода, документе, отмеченном ограниченным числом поправок, имя принца указано правильно и прописано отчетливо. Отсутствие имени Тубафек у крымских татар не могло не быть известно думному дьяку Алмазу Иванову, куратору перевода, знавшему турецкий язык и хорошо знакомому с восточным миром.

Исключенные из текста оригинала фрагменты

В статье 6. «...Да пребудут над Ним милость и довольство» = «алиа аль-рәхмәт ве аль-ризван». — Здесь Посольский приказ следует традиционно практиковавшемуся принципу принижения и сокращения титульных,

богословских, молитвенных и литературных (панегирических) атрибутов адресанта, членов его семьи и приближенных. (Далее такие случаи будем именовать коротко: сокращение атрибутов.)

В статье 7. «...Сев на престол Нашего данного халифата» = «мăкăрр халифатымызга джолўс гамаюнымыз улдыкта». — Сокращение атрибутов. (Крымские ханы имели обыкновение именовать себя главой халифата, имея ввиду под халифатом Крымское ханство и иногда подчеркивая это, что в данном случае проявилось в употреблении определения «мăкăрр» = «местный», «данный» перед словом «халифат». Традиция возникла из подражания султанам Османской империи.)¹⁷

В той же статье. «...Их величество, да продлится Его царствование до Судного дня» = «дам дăвлăтă али юм аль-мизан, хăзрăтлăре». — Сокращение атрибутов.

Статья 16. «Ответили по существу: когда столько походов и сто наступлений было, вы оставались недвижимы» = «джăваб вирделър хăдд затенда: бу кăдър сафърлар ве йѳз иклăклăре улдыкта, хăрăкăт итмиеб». — Основанием исключения фрагмента могло послужить напоминание о выговоре российскому послу (Т.Г. Хотунскому).

Статья 17. «...после договора Нашего покойного брата Вы, заключив союз с запорожскими казаками, хотите ходить вместе с Нами» = «мăрхум агачамыз барышдыкдин сонгра Узи казаки илă иттифак итеб, йѳримешсез бу тараф илă». Фрагмент является второй частью единого предложения, заключающего выговор российскому послу. (Обращаясь к Т.Г. Хотунскому и И. Фомину, крымская сторона напоминает здесь о посольстве С. Лодыженского и А. Огаркова, выехавшем в Крым в сентябре 1653 г.)

Статья 24. «И не должно быть причины к нарушению договора» = «Накыз гăхăде сăбăб улачак эш улмыш дѳгелдер». Косвенное отражение этой статьи, целиком выпавшей из перевода, следует видеть в конечной формуле предыдущей 23-й статьи в тексте Посольского приказа: «...и ныне на той же правде и шерти стою крепко и непременно».

Статья 25. «Мы вправду верны своей клятве» = «Инадă ул гахедемез ўзеренда йѳздер». И здесь, вероятно, Посольский приказ счел, что смысл статьи достаточно отражен в статье 23-й.

В статье 31. «...От чего, де, они приходят в запустение» = «...хали дагы-лалар, имеш». Вероятно, фрагмент сочтен переводчиками несущественным.

В статье 33. «Если как-нибудь, когда разбойники выйдут в море, не поймаем /их/ в прибрежной области...» = «Улмак-ула, ашкаия дарьяга чыгып, ялилардан бер кач тотсак улмак илă...». Выпадение из перевода этого оборота оставило царя в неведении относительно заключенного в нем предложения крымской стороны о совместной «поимке» казаков.

Оборот «если... не поймаем», безусловно относится к обоим участникам переписки. Отнесение его только к самим крымцам означало бы, что они берут на себя всю ответственность за «усмирение разбойников» — в противоречии со всей предшествующей политикой Крыма в этом вопросе, политико-правовой целесообразностью и контекстом послания. Выпадение предложения крымцев из текста, несмотря на его декларативность, нанесло ущерб смысловой тождественности оригинала и перевода.

В статье 36. «Не приводя в этом отношении невежественных оправданий...» = «Бу хосуа бер ваджхале азер итмиеб...». Надо полагать, фрагмент исключен из текста из соображений этической комфортности.

В статье 37. «...Если будет на то воля Всевышнего Аллаха» = «...Инша Аллах-Тагӗля». — стереотипное исключение молитвенной формулы.

В статье 38. «...Опоре Нашей дружбы и братства, высокочтимым сыновьям Нашим» = «...Дустлык ве кардӗшлекмезгӗ бинаи биек оглымыз». — Сокращение атрибутов.

В статье 40. «...Если будет на то воля Всевышнего Аллаха» = «...Инша Аллах-Тагӗля». — стереотипное исключение молитвенной формулы.

Отсутствующие в оригинале фрагменты

В статье 12. «...И к себе Их приклонил». Мотивация включения этого фрагмента в текст неясна. Не исключено, что переводчик, не будучи уверенным в правильном переводе выражения «якына иклеб» = «близко наступая», «осаждая», продублировал первый вариант перевода вторым (прочитав «иклеб» как «якляб» = «защитив», «приблизив») и оба варианта включил в текст. Следует считать вероятным и сугубо конъюнктурную мотивацию: желание русской стороны усилить этически невыигрышные для польского короля статьи мохаббат-наме. Во включении в следующую статью 13 эта мотивация выглядит почти бесспорной.

В статье 13. «...И польский король у Ислам-Гиреева-царева величества упросил, чтоб Он, Ислам-Гирей-царь, с своими ратными людьми пошел назад и оманатов брату Нашему дал, что ежегод давать ему казна». Оснований включения, связанных с затруднениями перевода, здесь нет. Можно предполагать, что оно преследует цель этической дискредитации Яна Казимира и польской стороны в целом. «Приклоненный» крымским ханом польский король (статья 12) теперь «упрашивает» хана и обещает ему ежегодную казну. Напомним, что ничего этого в мохаббат-наме нет.

Между 16 и 17 статьями. «И для того Наш брат на Них войною не пошел, потому что у него утвержено шертью». — Информация фрагмента

не противоречит аргументации крымцев в пользу сохранения ими верности договору с Речью Посполитой, но формулировка, аналогичная сообщению фрагмента, в оригинале отсутствует.

Apprecatio -заключительные благопожелания в оригинале мохаббат-наме крымской канцелярией опущены, хотя в дружественных своих грамотах об этой форме протокольной вежливости она не забывала¹⁸.

Область datum. В переводе Посольского приказа не приведено повторное указание места написания оригинала (статья 43).

Сопоставление оригинала мохаббат-наме с его переводом позволяет сделать два принципиальных вывода:

1. Между двумя текстами есть различия, которые выходят далеко за пределы обычных переводческих погрешностей. К таким, на наш взгляд, следует отнести: включение в титул царя элемента «Великия и Малыя», включение в нарративную часть текста фрагментов, сообщающих о том, что хан польского короля «к себе приклонил» и что король хана «упросил», исключение из текста предположения крымцев о возможности совместных действий против донских казаков, трансформацию категорического требования крымской стороны «усмирить» казаков в увещательную-сослагательную форму. Из них только предпоследнее можно отнести к ошибке переводчиков, хотя и непростительной.

2. Привнесение столь важных изменений в текст оригинала аппаратом Посольского приказа является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать перевод в двух ипостасях: а) собственно перевода — по его официальной номинации и по признаку совпадения большинства смысловых позиций двух текстов — и б) мистифицированного перевода — по наличию в нем существенных смысловых расхождений с оригиналом, имеющих своим происхождением волевые усилия (указания) кураторов перевода. Большое количество обычных расхождений в области протокола, титульных, молитвенных и панегирических атрибутов персон и молитвенных формул, относящихся к предполагаемым действиям, в данном случае придают переводу дополнительный оттенок отстраненности от оригинала.

Признание феномена мистификации является крайне важной предпосылкой для правильной оценки источниковедческой значимости перевода Посольского приказа и его места в контексте предшествующих и последующих дипломатических акций российского внешнеполитического ведомства. Формально оставаясь в категории перевода, эта двухчаст-

ная (черновик+беловик) рукопись имеет черты самостоятельного документа, созданного поочередно реализованными усилиями двух канцелярий: бахчисарайской и московской.

Перевод послания главы Крымского юрта — источник более чем скромный в сравнении со своим оригиналом, но только лишь до тех пор, пока он является переводом. Привнесение в него новой информации и существенное смысловое искажение имманентной информации делают его самостоятельным источником, ценным уже в силу экстравагантности самой процедуры переименования первичного текста.

За такой процедурой, безусловно, должны стоять экстраординарная мотивация и экстраординарные предпосылки: ведь объектом переименования являлось послание высшего лица соседнего государства, а изменение текста его послания являлось покушением на волеизъявление монарха в сфере, которая пользовалась в повсеместной дипломатической практике абсолютным иммунитетом. На предпосылки, которые питали решимость первых лиц российского внешнеполитического ведомства пойти в редактировании ханского послания дальше, чем позволяла традиция, отчетливо указывает сама фактура искажений, в первую очередь, основных.

За включением «Малой России» в текст хана виден новый комплекс ощущений и новый уровень притязаний. Алмазу Иванову с товарищами в 1654 г. уже недостаточно включения нового элемента титула самодержца в послания самого самодержца. Возрастание влияния России на международной арене и успехи российско-украинских войск на театре военных действий представляется им достаточным основанием дипломатического ангажирования «малороссийского» титула главы государства экстраординарными методами.

Включение «Малой» России в титул царя могло иметь и утилитарную подоплеку: «признание» титула бахчисарайским двором обещало стать насущно необходимым аргументом в пользу признания его европейскими правительствами, что являлось предметом особых забот русского правительства в 1654 г. и позже ¹⁹.

Вероятно, утилитарная начинка присутствовала также в 12-й и 13-й статьях перевода. Искажение соответствующих статей оригинала закладывало возможность дискредитации хана Мухаммеда, «позволившего себе» в ложном свете обрисовать поведение Яна Казимира под Жванцем, в глазах Яна Казимира. И если через псевдопризнание «Малой» России за царем скомпрометировать Мухаммед-Гирея перед Яном Казимиром было трудно (в силу тесных контактов между Бахчисараем и Варшавой и обусловленной этим возможностью оперативных консультаций), то через драматиза-

цию действительно имевшей место и невыгодной для королевского достоинства ситуации достичь этого при удобном случае было можно.

Искаженное изложение статьи 33-й в переводе безусловно снизило уровень смысловой тождественности перевода и оригинала, но в силу явной риторичности побудительной формулы крымцев оно не могло резко повлиять на содержание ответной царской грамоты.

Большую казуально-следственную значимость имели искажения, внесенные в статью 35. Жесткий тон крымской стороны должен был получить соответствующую оценку царя Алексея Михайловича и его ближайшего окружения, однако порог адекватности ответа главы государства был явно занижен Посольским приказом.

Стереотипные искажения *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio* и *promulgatio* (в том числе через исключение их элементов), удаление из текста формул возвеличивания, панегирических и молитвенных формул не отразились на смысловой близости подлинника и перевода, хотя остались препятствием к тому, чтобы признать их смысловую тождественность. Жертвуя ею, приказ следовал некоему стандарту, но какому? Здесь уместно вспомнить, что стереотипные искажения несли в себе предшествующий опыт Посольского приказа и в сфере перевода и, соответственно, в сфере обеспечения паритетности сторон, чему в значительной степени и был подчинен перевод. Удаляя элемент «Наше» из *intitulatio*, прописывая «самодержец» вместо «оберегателя», неизменно переводя «барча» как «Всеа», Посольский приказ заботился о протокольном равновесии сторон. Равновесие внешних форм взаимоотношений двух государств к сер. XVII ст. оставалось мифическим, но в то же время зафиксированные ранее формы протоколно-процессуального мифа отражали непрерывное движение России в сторону действительной паритетности, как это имело место, в частности, со словом «п̄нах», с которым Крым согласился в 1640 г. и которое с того времени трактовала как «самодержец». (Для того, чтобы понять, насколько непростым было положение России во взаимоотношениях с юртом с точки зрения их паритетности в сер. XVII ст., следует помнить, что Россия тогда продолжала соглашаться с такими формами неравенства, как ежегодная выплата дачи Крыму, ведение переписки с Крымом только на татарском языке, что царь соблюдал обязательство переписки с крымскими принцами и приема посланников от них — без аналогичного обязательства хана.) Очевидно, что за стереотипными протоколными и литературными формами, на которые ориентировалось ведомство Алмаза Иванова, переводя мохаббат-наме, стоял некий стандарт, в котором аккумулировались все основные параметры достигнутой ко времени очередного обмена посланиями модели паритетности — как

представлял себе ее Посольский приказ. Не выступали ли в качестве такого стандарта послания самодержца первым лицам Крыма? Только в этом случае паритетность протокольных и литературных форм могла подпитываться и дополняться функциональной паритетностью: царь на своей аудиенции для крымских посланников должен был слышать то, что слышал хан на своей аудиенции для русских посланников, когда перед тем и другим владетельными лицами зачитывались переводы мохаббат-наме.

Послания российских самодержцев, не избежавшие влияния крымской и турецкой дипломатики (с «Хуа» у верхнего края грамоты, ничем не заполненным полем — образом неба, между «Хуа» и тугрой, пятизнаменной тугрой самодержцев над первой строкой текстового поля, упоминанием Всевышнего как «Тенгри» и пр.), тем не менее, следовали традиции построения текста без панегирических формул и с минимальным включением в него молитвенных обращений к Всевышнему. Сходство условных формуляров и литературных черт переводов крымских мохаббат-наме и оригиналов царских мохаббат-наме, «образцовое» влияние на них оригиналов крымских мохаббат-наме и «образцовое» влияние царских мохаббат-наме на переводческую практику Посольского приказа — в таком рефлексивном круге дипломатики вращались и преломлялись тогда государственные интересы, инициативы и акции.

Из истории русско-крымских отношений известно, что Россия, стремясь привлечь Крым на свою сторону после 18 января 1654 г., в течение нескольких лет предлагала юрту большие, нежели раньше, поминки (дачу) и сулила иные выгоды от совместного с Россией и Украиной единения против Речи Посполитой. Известно также, что царь Алексей Михайлович сочетал эту линию с permanently предпринимаемыми попытками закрепить титул самодержца «Всеа Великия и Малыя Росии» в переписке и договоре с юртом²⁰. Знакомство с переводческой деятельностью крымского повьятя Посольского приказа дает основание ввести в эту коллизию еще одну принципиально важную сюжетную линию: Посольский приказ в очень непростой для России международной ситуации, когда вероятная реакция большинства государств Европы на вступление запорожских казаков в русское подданство и войну России с Речью Посполитой должна была быть либо негативной, либо неодобрительно-нейтральной, решился на ужесточение и без того напряженных отношений с ближайшим соседом. Нарушение сложившихся форм обхождения с посланием хана не позволяли приказу рассчитывать на успех основного пред-

ложения — о союзе с Россией и Украиной или отказе от союза с Речью Посполитой. Проявившееся позже ответное ужесточение позиции Крыма становится понятным только с учетом того, что мог сказать и должен был сказать Шабан-ага о ходе своей миссии в Москве по возвращении в Бахчисарай.

Москва, которую застала тогда крымская делегация, переживала не лучшие свои дни. Здесь еще не затихла свирепствовавшая с июля чума. Большая часть населения города и значительная часть людей, входивших в государственный аппарат, вымерла. Из отчета, представленного царю Алексею Михайловичу в декабре следовало, что во дворах бояр умерло не менее двух третей людей, в Посольском приказе из 60 переводчиков и толмачей умерло 30²¹. Сам Алексей Михайлович с 21 октября находился в Вязьме. Город был поручен управлению князей И.А. Хилкова, В.Г. Ромодановского и думного дьяка Алмаза Иванова²². Ни до этого времени, ни после Алмаз Иванов не имел столь больших властных полномочий. Встретить посольство и дать ему аудиенцию поручалось кн. И.А. Хилкову и Алмазу Иванову. В указе царя подчеркивалось, что его отсутствие не должно вести к умалению обхождения с крымскими представителями и что в день аудиенции их должен встречать почетный караул из детей боярских, дворян и стрельцов²³.

Умаления в обхождении с самим гонцом и его свитой могло и не быть, нам об этом ничего не известно, но для умаления ханской грамоты случай представлялся очень подходящий. Читка-«моление» мохаббат-наме в отсутствие царя имела совсем иное процедурное значение, нежели в его присутствии, и можно было ожидать, что крымская делегация предпочтет не заметить искажений в русском тексте или ограничится устным выговором в адрес представителей русской стороны, один из которых непосредственно руководил подготовкой перевода. Возможности обжаловать нарушения царю крымцы были лишены: по упомянутому выше указу Алексея Михайловича к И.А. Хилкову и Алмазу Иванову крымцы не должны были знать, что царь находится относительно недалеко от Москвы. Предписывалось говорить им, что, де, царь находится «вдалеке», в походе против польского короля²⁴.

Мог ли глава Посольского приказа решиться на корректировку официального курса, если эта корректировка (но не ее последствия) должна была по всем предпосылкам и обстоятельствам остаться незамеченной главой государства? Пожалуй, да. Условия для проведения интриги были самые благоприятные. Следует учесть также особенности самого Алмаза Иванова как человека. Он характеризуется историками как незаурядная личность, и это отвечает неординарным чертам

его биографии и карьеры. Но неординарность его жизненного пути отмечена также редкой способностью к нравственному маневру. Характерно его отношение к патриарху Никону: в лучшие годы патриарха Алмаз Иванов был одним из самых близких к нему людей, но после опалы именно думный дяк должен был допрашивать патриарха и свидетельствовать против него²⁵. Примечателен отзыв иностранного наблюдателя о думном дяке: «...Будучи знаком с иноземными краями, при исправлении многих посольств, столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом посольства, за иностранными послами и докладчика их посольств»²⁶.

Привнесение дяком и близкими ему людьми²⁷ дополнительной жесткости в российскую политику относительно Крыма делало маловероятным успех одобренной самодержцем линии на сдерживание юрта в конфликте вокруг Украины вкупе с апробацией модели дружественных отношений, но следует признать, что «маленькая политика» честолюбивого дяка имела не меньше оснований быть правомерной, нежели большая политика самодержца и Боярской думы. Процесс сближения Крыма и Речи Посполитой после 18 января 1654 г. принял необратимый характер, и думный дяк не питал относительно этого обстоятельства никаких иллюзий. Вероятно, русское правительство должно было избежать отмечаемой исследователями двойственности в линии поведения относительно Крыма и держаться более определенно. Однако приватные шажки думного дяка в пользу «правильной» линии, некорректное управление информацией и попытки влиять на принятие важнейших управленческих решений через мистификацию усиливали эту двойственность и, по большому счету, имели негативный политический результат^{28*}.

¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 530–564.

² Наиболее известные сочинения, в которых русско-крымские отношения 1654 г. и последующих лет получили развернутую характеристику: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. V (С. 635–639) и VI (С. 13–15, 132–136); Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 4. С. 565–579, 596–620; Богдан Хмельницкий; История Украинской ССР. Киев, 1983. С. 97–98; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 25–27, 39–42, 72–75, 134–139, 168–169; Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с тата-

* Автор хотел бы выразить глубокую благодарность арабисту-палеографу Дмитрию Александровичу Морозову за его консультации в переводе арабоязычных молитвенных формул.

- рами во второй половине XVII века // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 13–115. Из трудов, в которых для характеристики русско-крымских отношений 50-х годов XVII в. привлечены тюркоязычные источники, следует отметить книги И. Хаммера: *Hammer-Purgstall von I. Geschichte des osmanischen Reiches*. Pest, 1835. В. 3. С. 596–598; *Idem. Geschichte der Chane der Krim, unter osmanischer Herrschaft*. Wien, 1856.
- ³ Тугра – знак, соединяющий в себе каллиграфическую и предметную образность. Известна как герб османских падишахов, султанов-мамлюков, крымских ханов и принцев, российских самодержцев (XVII ст.). – См. об этом: *Фаизов С.Ф.* Тугра – восточный герб России // *Азия и Африка сегодня*. 1995, № 4. С. 76–80.
- ⁴ «Слово Наше» = «Сюземез» вместе с ранее употреблявшимся «Слово мое» = «Сюзем» – специфическая черта крымских, ордынских грамот (ярлыков, указов и посланий). – См. об этом: *Ivanics Maria*. *Ket krimi-tatar oklevel Bethlen Gaborhoz // Nyelvetzeti dolgozatok*. 1975–1976. № 145. 253–276.l.; *Kurtoglu F.* *Ilk Kirim hanlarinin mektuplari // Belleten*. 1937. № 1. S. 641–657.
- ⁵ *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция.... С. 41–42.
- ⁶ *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы.... С. 494.
- ⁷ См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1977. Вып. 4. С. 109.
- ⁸ Некоторые из этих посланий: царя Михаила Федоровича крымскому калге (второму лицу крымской властной иерархии) Ислам-Гирею – РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 34; Алексея Михайловича крымским калге и нуреддину (третьему лицу крымской властной иерархии) – *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы... С. 489–493. №№ 163, 164 (последние два послания представляют собой не отправленные в Крым варианты ответа Посольского приказа на грамоты, привезенные спутниками Шабан-аги, гонцами от калги и нуреддина, ничем не примечательны, но сам факт отказа внешнеполитического ведомства от отправки этих вариантов заставляет предполагать некую интригу, связанную с изложенными выше обстоятельствами); РГАДА. Ф. 134. Оп. 2. Д. 45 – послание хивинскому хану Аран-Богадьюру от царей Иоанна и Петра Алексеевичей.
- ⁹ Употребление «аләмпа́нах» в качестве естественного эквивалента «самодержцу» в челобитных представителей юргенского и бухарского владетелей в Москве описал Д.С. Кулматов: *Кулматов Д.С.* Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М., 1994. С. 80, 85. Любопытно то, как обошел необходимость обращаться к царю Алексею Михайловичу с «шăвкăтпăнах» и «аләмпа́нах» чиновник османского падишаха Зульфикар-ага, писавший из Стамбула на царское имя официальные послания (в замещение посланий султана и визиря) в сер. XVII в.. Он в соответствующем месте указывал посредством арабского алфавита: «самодержец». – *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы... С. 481. Ранее, в 1646 г., канцелярия польского короля Владислава демонстрировала свой способ одоления «самодержца»: через фиксацию его во множественном числе в титуле царя: «самодержцы». // *Соловьев С.М.* История России... Кн. V. С. 461, 469.
- ¹⁰ Там же. С. 449, 469, 475.
- ¹¹ Там же. С. 459, 461, 465, 483, 507, 513 и др.
- ¹² Народы, включаемые ханами в собственную интитуляцию, указывались без грамматического признака множественности – суффикса «лар» независимо от того, подразумевалась за ними автономность политического самоопределения или нет: «Улуг Урда ве Улуг Йортнынг, ве Дешт-Кипчакнынг, ве Тахет Крымнынг, ве барча татарнынг, ве куб нугайнынг, ве тат имилан тавгачнынг, ве тау тёрклай черкачнынг улуг падишахы...» = «Великой Орды и Великого Юрта, и Дешт-Кипчака, и Престольного Крыма, и всех татар, и многих ногайцев, и татов с тавгачами, и горных тюрков – черкесов великий падишах...» – из послания Мухаммед-Гирея IV царю Алексею Михайловичу, отправленного в апреле/мае 1656 г. (связка «тат имилан тавгачнынг» восходит к древнетюркскому словосочета-

нию «тат-тавгач» — «иноплеменники и китайцы», но в крымско-татарском языке XVII ст. она могла подразумевать те или иные народности, входившие в состав юрта или находившиеся под его влиянием: под именем таты были известны прибрежные татары Крымского полуострова).

- ¹³ См.: *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы... С. 489, 491; РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. д. 34; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2а; Ф. 56. Оп. 2. Д. 3; Ф. 77. Оп. 2. Д. 42, 75; Ф. 134. Оп. 2. Д. 45, 46; Ф. 109. Оп. 2. Д. 18.
- ¹⁴ *Кулмаматов Д.С.* Среднеазиатские дипломатические документы... С. 80, 85.
- ¹⁵ Нападения казаков на Крым имели место как в 1654, так и в 1655, 1659, 1662, 1663 и 1666 годах. — Донские дела. Кн. 4 // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 29. С. 877; Донские дела. Кн. 5 // РИБ. Т. 34. С. 46, 560–561, 949; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. I. С. 31. О поведении крымцев на границе с Россией А.А. Новосельский писал: «В годы 1648–1657 на южных границах Русского государства установилось затишье. Но затем, после смерти Богдана Хмельницкого, в 50-70 годах начался период особенно ожесточенных вторжений с короткими перерывами». — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 44.
- ¹⁶ То же слово употреблено ранее ханом Ислам-Гиреем в словосочетании «кәрдашлек арасында сууклык» = «охлаждение между Нами, братьями». — Послание хана царю Алексею Михайловичу, датированное «1064 год»ом (1653/1654). См.: *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы... С. 476. Отметим также, что в «Материалах» В.В. Вельяминова-Зернова и Х. Фаизханова вместо слова «бедәге» = «пробывающие у нас» (статья 35), ошибочно указано словосочетание «бер-даги» = «один также». — С. 485.
- ¹⁷ См.: *Abrahamowicz Z.* Comment // *Hadzy Mehmed Senai z Krymu.* Historia Chana Islam Gereja III. Warszawa, 1971. S. 150.
- ¹⁸ Как это было накануне эпохи конфронтации: «ве д-дуа ала ман иттаба аль-худа» = «и молитва за того, кто следует по правильному пути» — в концовке письма хана Ислам-Гирея к царю Алексею Михайловичу от шаввала 1061 г. (сентября/октября 1651 г.). — *Вельяминов-Зернов В.В., Фаизханов Х.* Материалы... С. 451. В начальном протоколе, соответственно, была употреблена «джбмлә». — Там же. С. 449.
- ¹⁹ *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция.... С. 35–39, 126–127, 130–134.
- ²⁰ О надбавках см.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 38, 42–43; *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом. (К вопросу о типологии связей.) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 52–53. О проблеме нового титулования Алексея Михайловича: *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция.... С. 42, 135; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 24–26, 35.
- ²¹ *Соловьев С.М.* История России... Кн. V. С. 632.
- ²² *Лукичев М.П.* Алмаз Иванов // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 101.
- ²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1654 г. Д. 11. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ См. об этом: *Соловьев С.М.* История России... Кн. VI. С. 219, 223, 232–236, 246–248, 260, 265; *Лукичев М.П.* Алмаз Иванов. С. 106.
- ²⁶ Отзыв барона Майерберга. Цит. по: *Лукичев М.П.* Алмаз Иванов... С. 94.
- ²⁷ Второй думный дьяк Ларион Лопухин находился во время визита Шабан-аги при царской ставке. С января 1655 г. в Посольском приказе числится дьяк Иван Исаков. — *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 111, 118. Кто из переводчиков осуществил перевод послания Мухаммед-Гирея остается невыясненным.

²⁸ Рассмотренный случай мистификации документа не единственное известное нам событие такого рода в деятельности Посольского приказа за третью четверть XVII ст. Ранее автор этих строк описывал аналогичный случай, когда аппарат приказа подготовил для царя мистифицированную версию русско-крымского договора 1670 г., чтобы создать видимость дипломатического поражения главы Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина и вполне преуспел в достижении своей цели. – См.: *Фаизов С.Ф.* Неизвестная страница из предыстории отставки А.Л. Ордина-Нащокина // Славянский сборник. Вып. 3. Саратов, 1985. С. 66–76.

S.F. Faizov
 (Moscow)

**KHAN MUCHAMMED GIREY'S LETTER TO TSAR
 ALEXEY MICHAILOVICH ON THE OCCASION OF
 KHAN'S INTRONIZATION IN THE CONTEXT OF
 THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CRIMEA
 IN 1654**

(Text, translation and commentaries)

Summary

Russian studies of the relations between Moscow and Crimean Khanate in the middle of the 17th century were usually based on the Russian-language sources either issued by Russian Foreign Office (Posol'sky Prikaz) or translated by the same Office from Tartar language. However numerous Tartar language originals of the letters by the first figures of Crimean Yurt to Russian Monarchs as well as of the mid-17th century treaties between Russia and Crimea are available at the Russian State Archives of Old Acts. Till now they have been neglected by Russian and foreign scholars.

The purpose of this paper was to compare the well known Russian version of the Muchammed-Girey IV's letter to tsar Alexey Michailovich, which was received in Moscow in December 1654, with its original text in order to flag out the differences. A precise translation made by the author of this paper was used as an instrument for this comparison.

As a result of this study, numerous disaccords between the original letter (*mochabbat-name*) and its Russian version were identified in such parts as *invocatio*, *promulgatio*, *inscriptio*, *salutatio*, *datum*, as well as several substantial disaccords in *narratio* and *sanctio*. These disaccords can be classified into three fields:

1. Occasional mistakes
2. Cliched (repeated) mistakes

3. Intentional corruption of original text

Occasional mistakes are relatively few and did not cause any serious damage to the text.

Clichéd mistakes are numerous. Their origin is proved to be in the Russian Foreign Office' attempts to compensate the imparity in written protocol and diplomatic procedures maintained in the relations between Russia and Crimea. Thus, in the middle of the 17th century Russia was still paying tribute to the Crimean Khanate, diplomatic correspondence between these two countries was maintained exclusively in Tartar language, Russian tsars were obliged to maintain correspondence not only with khans but with Crimean princes as well, they had to receive diplomatic representatives of Crimean princes and cover their costs without having symmetric obligations from the Crimean court. The same inequality of statuses was reflected in a written protocol used in a correspondence between the two countries.

Deliberate non-clichéd corruption of the text (interpolations, omissions and direct distortion) is considered to be caused by the efforts of the chief of the Foreign Office Ivan Almazov. After Pereyaslavkaya Rada (1654) and in the context of military success of joint Russian and Ukrainian troops in the summer of 1654 he wished to aggravate the relations between Russia and Crimean Khanate. His another purpose was to develop a mystified resource of information for further discredit of the alliance between Crimea and Rzecz Pospolita, which was taking shape in 1654. Among the other examples of the Russian translator's offence against immunity of the official letters from the Crimean monarchs are inclusion of «Malaya Rossiya» into the title of Russian tsars, insertion of improper remarks on the king of Poland Jan Kazimierz, transformation of the order to put down the Don Cossacks into an optional form and omission of khan's offer of joint campaign against the Cossacks. In his intrigue Almaz Ivanov also used the fact that Muchammed-Girey was well informed of the character of translations made by Russian Foreign office, while the tsar knew nothing of it. These attempts of Russian bureaucracy to influence foreign policy of the state using the informational control (through providing the government with corrupt information and creating an informational gap between the correspondents) is shown to have a negative effect on the performance of Russian diplomacy on a strategic level.

М.С. Мейер

(Москва)

ЕВРАЗИЙСТВО В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ СВОЕГО ПУТИ

Историю евразийства, как особого направления российской общественно-политической мысли, исследователи обычно начинают с 1921 г., когда в Софии вышел сборник «Исход к Востоку». На его страницах видные представители русской эмигрантской интеллигенции Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский¹ выступили с изложением своих взглядов на исторический путь, пройденный Россией, и на ее будущее. Эта книга отразила трагически острую реакцию авторов на последствия первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Один из них, географ и историк П.Н. Савицкий с горечью констатировал: «В мире как будто нет изменений ... Кроме того, что в благоустроенном культурном мире более нет России»². Еще раньше языковед и этнограф Н.С. Трубецкой писал о том же: «Мы были свидетелями как внезапно рухнуло то, что мы называли «русской культурой». Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось и многие задумались над причиной этого явления»³.

Статьи сборника можно рассматривать и как итог раздумий о прошедшем и как попытку определить ту путеводную «идею-правительницу», которая помогла бы обеспечить возрождение русской культуры и восстановление мирового значения России. В 1922 г. в Берлине выходит второй сборник «На путях», призванный дать дальнейшее обоснование исходной идеи евразийства о том, что Россия представляет собой особый мир, который в культурно-историческом плане нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку.

Согласно П.Н. Савицкому, этот мир занимает срединную часть Старого Света, примерно от Немана (точнее от линии нулевой изотермы января) и до границ Китая и горных хребтов Тибета. Существованию этносов, населяющих данную территорию и находящихся в постоянных контактах и взаимодействии, присущи общие социально-исторические закономер-

ности. Они не схожи ни с особенностями западной (европейской) цивилизации, ни с характерными чертами бытия народов Восточной Азии. Сложившуюся системную целостность, основой которой являлась Россия, авторы концепции назвали «Евразией». Данный термин был позаимствован ими у немецкого географа и путешественника XIX в. Александра Гумбольдта, который использовал его для обозначения всей территории Европы и Азии⁴. По их мнению, русский народ сыграл главную роль в процессе объединения разноязычных этносов в единую многонародную нацию — евразийцев, а русская культура вместила в себя культуры всех евразийских народов. Поэтому Россия=Евразия может рассматриваться как «месторазвитие» особого культурно-исторического типа.

Первые публикации евразийцев породили горячие споры в среде русской интеллигенции. Их начинание получило поддержку ряда видных ученых и публицистов, в том числе Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, П.М. Бицилли. Однако не менее авторитетными были и оппоненты, среди которых следует упомянуть П.Н. Милюкова, Н.А. Бердяева, А.А. Кизеветтера.

Широкий резонанс, вызванный выступлениями евразийцев, позволил им развернуть активную публицистическую и издательскую деятельность в Праге, Софии, Париже, Берлине, Белграде, Вене, Риме, Харбине. В 1923 г. основывается «Евразийское книгоиздательство», которое должно было публиковать работы, раскрывающие «органические основы культуры и государственности, разложение Европы, евразийско — русский культурный мир, Церковь и государство, смысл русской революции, будущее устройство России»⁵. К этому же времени относится начало издания «Евразийского временника» и «Евразийской хроники». Ведется активная лекционная деятельность, организуются многолюдные дискуссии и семинары. В 1932 г. была учреждена «Евразийская организация», в деятельности которой принимало участие более ста человек⁶.

В 1926 г. идеологи евразийства представили систематическое изложение своей концепции в работе «Евразийство. Опыт систематического изложения». Через год основные положения этого течения общественно-политической мысли были более четко повторены в брошюре «Евразийство. Формулировка 1927 года». По всей видимости именно эти издания положили начало расколу в рядах евразийцев. В число оппонентов переходят Г.В. Флоровский и П.М. Бицилли, прежде игравшие важнейшую роль в разработке философских основ евразийства.

Причиной кризиса и раскола стало все более заметное превращение евразийства в некое подобие политического движения. В публикациях евразийцев на первый план вышли идеи Л.П. Карсавина и Н.Н. Алексе-

ва об «идеократическом государстве», оттеснившие на задний план историсофские постулаты раннего евразийства. В том же 1926 г. наряду с пражским центром евразийства образовался новый центр в Париже, который явно стал ориентироваться на поиск третьего пути между «красными» и «белыми» и на политическое сближение с Советской Россией. Об этом свидетельствовали как тематика докладов в парижском семинаре под руководством Л.П. Карсавина, так и содержание издаваемой в Париже еженедельной газеты «Евразия». Идеиная направленность газеты стала причиной выхода из состава редколлегии одного из основателей евразийства Н.С. Трубецкого. Следом за ним ушли из газеты Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, В.Н. Ильин, протестовавшие против публикации статьи «Революция и власть». Ее текст, по мнению П.Н. Савицкого, был направлен «к апологии революционного марксизма и к обнаружению его утвержденности в процессах и актах новой России»⁷.

Попытки заигрывания с Москвой и установления контактов с зарубежной агентурой НКВД (через мужа М. Цветаевой С.Я. Эфрона) вызвали отрицательную реакцию русской эмиграции, ускорив угасание евразийского движения. К 1937 г. оно практически перестало существовать. Пролетарский курс «левых» евразийцев имел трагические последствия для его инициаторов и активистов. П.Н. Савицкий после освобождения Праги в 1945 г. был арестован и провел 12-летний срок в лагерях ГУЛАГа; трое из редакторов «Евразии» — Д.П. Святополк-Мирский, Л.П. Карсавин и С.Я. Эфрон погибли в застенках Лубянки и сибирских лагерях.

Попытки отдельных приверженцев евразийства возродить движение не удалось, но идеи евразийцев остались жить. Они развивались в исторических трудах Г.В. Вернадского, в работах современного историка и этнографа Л.Н. Гумилева. Многочисленные публикации научного наследия евразийцев и оживленные дискуссии вокруг него в среде российских ученых 90-х годов показывают, что эти идеи и поныне сохраняют свою эвристическую значимость⁸.

Прежде чем характеризовать важнейшие из них отметим, что, по признанию самих евразийцев, они во многом выступали «продолжателями мощной традиции русского философского и историсофского мышления». Своими непосредственными предшественниками они считали славянофилов 30-40-х гг. XIX в. В более широком смысле и славянофилы и евразийцы выступали наследниками идей, родившихся в России после падения Царьграда в конце XV — начале XVI вв.⁹ К числу «пролагателей путей» евразийства П.Н. Савицкий относил Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов), виднейшего идеолога славянофильства А.С. Хомякова, страстного защитника традиций «византизма» К.Н. Ле-

онтьева. Высоко оценивая значение трудов «великих предшественников», он вместе с тем полагал, что при общности идей по целому ряду вопросов «формулировки этих мыслей у евразийцев в некоторых отношениях точнее»¹⁰. Суть влияния предшественников очень точно раскрыл видный русский историк А.А. Кизеветтер в своем критическом обзоре работ евразийцев: «И географы, и историки, и экономисты, и историки литературы и искусства всегда учитывали тот факт, что Россия сложилась на рубеже Европы и Азии и что ввиду этого многого нельзя понять в русской жизни и в ходе русского исторического развития, не уделяя внимания роли азиатского элемента в жизненном процессе России. Сказав, что русская жизнь в своем историческом движении представляла некий *синтез* европейских и азиатских элементов, евразийцы не сказали бы ничего особенного и все их новшество состояло бы лишь в замене слова Россия книжно-лабораторным термином *Евразия*. Но все дело в том, что евразийцы в высшей степени своеобразно толкуют понятие синтеза»¹¹. Иными словами: можно считать, что евразийцы восприняли от своих предшественников убежденность в уникальности положения и пути России, но по-своему интерпретировали эти обстоятельства.

С самого начала евразийцев отличало резко негативное отношение к европоцентристским подходам в оценках истории России и состояния русской культуры. Восприятие западной (европейской) цивилизации как вершины в эволюции человечества, по мнению Н.С. Трубецкого, представляет собой заблуждение самих европейцев. Оно основано на подмене понятий, когда под «общечеловеческими ценностями» понимаются ценности западного мира, а более точно — ценности романо-германской культуры. «Посмотрим, — писал он, — какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины «цивилизация» и «цивилизационное человечество». Под «цивилизацией» они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и кельтские народы Европы ... Европейская цивилизация не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы. Германские и кельтские племена, подвергшиеся в разумной пропорции воздействию римской культуры и сильно перемешавшиеся между собой, создали известный общий уклад жизни из элементов своей национальной и римской культуры»¹².

Неудивительно, что евразийцы, подобно славянофилам, негативно оценивали реформы Петра I и его преемников, полагая, что они были нацелены на насильственную европеизацию российской культуры. Вот еще одна цитата из статьи П.Н. Савицкого «Евразийство»: «Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсот-летнего периода «европеизации». Его единомышленник Н.С. Трубецкий

резко упрекал русскую интеллигенцию за то, что она «в своей массе продолжает раболепно преклоняться перед европейской цивилизацией, смотреть на себя как на европейскую нацию, тянуться за природными романо-германцами и мечтать о том, чтобы Россия в культурном отношении во всем была подобна настоящим романо-германским странам»¹³. Из-за подобной позиции «русское национальное сознание подверглось коренному извращению»¹⁴. Чтобы избавиться от болезни, которую еще первый русский социолог Н.Я. Данилевский называл «европейничанием», евразийцы выдвинули в своем манифесте 1926 г. лозунг: «Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго»¹⁵.

Вместе с тем евразийцев нельзя считать верными последователями славянофилов, ибо они считали, что русская народность не может быть сведена к славянским корням, поскольку в ее образовании участвовали и другие народы, населявшие Россию. Так, в статье, опубликованной в сборнике «Исход к Востоку», Г.В. Флоровский констатировал: «Россия есть в высшей степени сложная историческая формация. Не трудно различить в русском быте разнородные слои — варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, Санкт-Петербургский и прочие»¹⁶. Эти бытовые отличия отражали разные этапы истории России, в ходе которой в состав единого государства включались и начинали взаимодействовать между собой разноязычные этносы, представители разных национальных культур. Формула «евразийства», — писал П.Н. Савицкий в 1925 г., — учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию «славянство»; она указывает как на источник такого своеобразия на сочетание в русской культуре «европейских» и «азиатско-азиатских элементов»¹⁷.

Мысль о том, что к формированию русской народности и развитию русской культуры причастны различные народы, входившие в состав России, была не нова. Она пользовалась популярностью в среде русской интеллигенции задолго до появления евразийства. При этом речь обычно шла о соединении двух основных начал — европейского и азиатского, славянского и «туранского», оседлости и кочевой степи. Для примера сошлемся на полемические замечания К.Н. Леонтьева по поводу книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», опубликованные в 1888 г. Высоко оценивая теорию смены историко-культурных типов, Леонтьев вместе с тем полагал ошибочной веру ученого в «само племя славянское». Он утверждал: «Нужна вера *не в само это отрицательное племя*, а в счастливое сочетание с ним всего того *получужого, преимущественно восточного*, (а кое в чем и западного), *которое заметнее в России, чем у других славян*.

Нужна вера в дальнейшее новое развитие византийского (*Восточного*) христианства (Православия), в плодотворности *туранской* примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в православное *intus — susceptio* (вливание) власти и твердой немецкой крови»¹⁸. По мнению этого консервативного мыслителя, «слияние и смешение с азиатцами поэтому или с иноверными и иноплеменными гораздо выгоднее уже по одному тому, что они еще не пропитались европеизмом»¹⁹.

Та же самая тема стабилизирующей роли иноверческих культур в противостоянии «либерализму», «эгалитаризму» и «демократизму» присутствует и в работах Ф.М. Достоевского, который писал: «Хоть и дико сказать, но четырехвековой гнет турок на Востоке с одной стороны был даже полезен там христианству и православию, — отрицательно, конечно, но однако же способствуя его укреплению, а главное, его единству, точно так же как двухвековая татарщина способствовала некогда укреплению церкви у нас в России»²⁰.

Интерес русской интеллигенции к теме Востока особенно остро стал ощущаться во второй половине XIX в. Тогда западный мир переживал время утверждения в общественном сознании идей национализма и левого радикализма, что воспринималось современниками как признак кризиса западной цивилизации. Именно в этот период начинается широкое знакомство российского общества с историей, культурой, духовными ценностями стран Востока, в качестве особой научной дисциплины бурно развивается востоковедение. Показательно внимание и уважительное отношение к нравственным ценностям восточного мира Л.Н. Толстого, что было связано, по мнению исследователей творчества писателя, с его неприятием современной буржуазной культуры и цивилизации. Тема Востока, «скифской стихии» стала одной из ведущих в творчестве многих деятелей русской культуры «серебряного века». Многим памятливы знаменитые строки А. Блока из стихотворения «Скифы», написанного в январе 1918 г.:²¹

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!*

В этом же ключе звучат и утверждения евразийцев о существенном влиянии на русскую народную жизнь восточного «туранского» элемента, наследия Чингисхана. Наиболее остро и полемично развивал указанную мысль П.Н. Савицкий: «Мы отнюдь не хотим отрицать определенных — и больших — культурных достижений Древней Руси XI и XII века; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не

отмечен процесс политического и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси ... Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому. Татары не изменили духовного существа России, но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно-организующей силы они несомненно повлияли на Русь». И как вывод: «Своею ролью наказания Божия татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества — в этом противоположении явлен двойственный лик России ... В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия»²².

Известный тезис Савицкого «без татарщины не было бы России» воспринимался критиками евразийства как отрицание всякого положительного влияния европейской культуры на Россию. На самом деле евразийцы признавали большое влияние Европы, особенно достижений науки и техники и необходимость их широкого использования для ускорения развития России-Евразии. Если обратиться к работам того же Савицкого, то в них можно найти четкую формулу специфического отношения евразийцев к достижениям Запада: «своя идеология и безразлично, свои или чужие — техника и эмпирические знания»²³.

Говоря о России и российском обществе, евразийцы уделяли основное внимание состоянию культуры и духовности русского народа, отодвигая на задний план проблемы экономики и материальных условий жизни. Такой подход позволяет увидеть в идеологах евразийства приверженцев теории цивилизаций, которая была разработана к тому времени в работах Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера. Ее использование предполагало отказ от известной гегелевской концепции восхождения человечества к мировому разуму, поскольку следование ей вело к принятию линейной, однонаправленной схемы исторического процесса. Выступая за мультилинейную схему, сторонники теории цивилизаций брали за основу изучение «локальной цивилизации» и отрицали возможность сравнительного анализа культурного состояния отдельных народов. Н.С. Трубецкой, наиболее последовательно развивавший подобные взгляды, считал, что в силу равноценности и качественной несоизмеримости культур и народов Земли «момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры»²⁴. Подобная позиция позволяла Трубецкому и его сподвижникам отрицать приоритет западной цивилизации и развивать идею о трех великих «евразийских» культурах. Раскрывая ее сущность, П.Н. Савицкий писал: «Из культур прошлого подлинно «евразийскими» были две из числа величайших и многостороннейших известных нам культур, а именно культура эллинистическая, сочетавшая в себе элементы эллинского «За-

пада» и древнего «Востока», и продолжавшая ее культура византийская, в смысле широкого восточно-средиземноморского культурного мира поздней античности и средневековья». Третьей «евразийской» культурой, по его мнению, является русская культура, унаследовавшая «основы и как бы крепящей скелет исторической культуры» Византии и воспринявшая достижения «азиатско-азиатской» и европейской культур²⁵.

Сопоставив исторический опыт империй «океанических» (примером которых была Великобритания) и континентальных (Россия=Евразия), евразийцы выявили наличие разных вариантов соотношения двух важнейших понятий — «нация» и «государство». В первом случае складывание империи происходило уже после того, как сформировалась господствующая нация. Во втором — эти два процесса шли одновременно, что позволяло говорить о своеобразии русского исторического опыта. Евразийцы подчеркивали ведущую роль в процессе складывания русской нации ее этнического субстрата — великорусской народности. Однако они не принимали славянофильской идеи этнического родства, полагая, что русская нация представляет собой сложное этническое и культурное целое. В программном документе евразийства 1926 г. провозглашалось: «Надо осознать факт: Мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские»²⁶.

Видный историк культуры П.М. Бицилли, ставший убежденным противником евразийства, тем не менее положительно оценивал изложенные выше идеи. Он видел в них ответ на «невежественную политику» царского правительства, отраженную в формуле «единая неделимая Россия». Для него было ясно, что прежние власти не желали считаться с «неустранимым фактом громадного множества *местных различий*, с переживаниями племенных и областных навыков, традиций, понятий и потребностей, с наличием, наконец, в Империи действительно отдельных народов, культур, языков и исповеданий». Против равнодушных и бесплодных идей «единой неделимой России» и «самоопределения народов» по диалектологическим признакам евразийцы выдвинули идею единства русской нации в сочетании с принципом федерации евразийских земель и евразийских народностей, что свидетельствует, по мнению критика евразийского движения, «об их чутье исторической реальности, а эта сторона евразийства заслуживает высочайшего внимания»²⁷.

История подтвердила правоту этих мыслей П.М. Бицилли, равно как и справедливость его негативного отношения к другим идеям и замыслам евразийцев.

Среди последних особого внимания заслуживает «идея-правительница», замысел которой состоял в превращении евразийского движения в еди-

ную партию, действующую на основе православия. Она призвана сменить большевиков, которые, выполнив основную задачу спасения целостности имперской Евразии, должны уйти с политической арены. Однако, выдвигая в качестве основного критерия единения принцип вероисповедания, евразийцы, по заключению Бицилли, оказывались в непреодолимом тупике, ибо «Православие» и «Евразия» представляли собой «несовпадающие сферы». Он справедливо отмечал: «В единую евразийскую партию, как ее себе рисуют евразийцы, не найдет себе доступа всякий сушущий в великой России язык; она будет закрыта не только для «ныне дикого тунгуса», но и для миллионов отнюдь не диких мусульман, буддистов и евреев. Это будет, стало быть, не столько партия Союза, сколько Союз Русского Народа»²⁸.

Неприятие подобной «идеи-правительницы» определялось в не меньшей степени отрицательным отношением автора к теме диктатуры партии, которая вытекала из планов евразийцев и явно напоминала ему диктатуру коммунистической партии в России. Переход к диктатуре партии будет, по мнению Бицилли, разрушать провозглашенное евразийцами единое пространство русского мира.

Сегодня мы можем лишь признать истинность этого исторического предвидения, что заставляет нас более критически относиться к идеям и практике евразийства.

¹ Биографические данные о видных ученых-евразийцах см.: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М., 1998. Приложение 3. С. 140–180.

² Савицкий П.Н. Поворот к Востоку. — Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 3.

³ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920. Цит. по: Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. М., 1993. С. 16.

⁴ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация... С. 17.

⁵ Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. Цит. по: Мир России-Евразии. Антология. Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995. С. 391.

⁶ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация... С. 95–97.

⁷ Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия»: газета «Евразия» не есть евразийский орган. Париж, 1928. С. 23.

⁸ См. публикации работ евразийцев: Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992; Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993; Мир России-Евразии. Антология. М., 1995. Изложение дискуссий по трудам евразийцев см.: Евразийство: за и против, вчера и сегодня // Вопросы философии. М., 1995. № 6; Евразийская перспектива. М., 1994. См. также материалы трех выпусков альманаха «Цивилизации и культуры». М., 1994–1996.

⁹ Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник, Берлин, 1925. Кн. 4. Цит. по: Мир России-Евразии... С. 86.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кизеветтер А.А. Евразийство // Русский экономический сборник. Прага, 1926. Вып. 3. Цит. по: Мир России-Евразии... С. 318.

-
- ¹² Трубецкой Н.С. Европа и человечество. Цит по: Глобальные проблемы... С. 17–18.
- ¹³ Трубецкой Н.С. «Русская проблема» // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. 2. С. 304.
- ¹⁴ Евразийство (опыт систематического изложения). Б.м., 1926. Цит. по: Мир России-Евразии... С. 268.
15. Там же. С. 257.
- ¹⁶ Флоровский Г.В. О народах неисторических. (Страна отцов и страна детей) // Исход к Востоку... С. 40–41.
- ¹⁷ Савицкий П.Н. Евразийство... С. 87.
- ¹⁸ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // К. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 483.
- ¹⁹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // К. Леонтьев. Восток... С. 112.
- ²⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Полное собр. соч. Т. 25. Л., 1984. С. 67.
- ²¹ Блок А. Скифы // Собр. соч. Т. III, М–Л., 1960. С. 361.
- ²² Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях... С. 59–61.
- ²³ Савицкий П.Н. Европа и Евразия // Глобальные проблемы... С. 61.
- ²⁴ Трубецкой Н.С. Европа и человечество... С. 36.
- ²⁵ Савицкий П.Н. Евразийство... С. 85.
- ²⁶ Евразийство... С. 256.
- ²⁷ Бицилли П.М. Два лика евразийства // Современные записки. 1927. Т. 31. Цит. по: Мир России-Евразии... С. 338.
- ²⁸ Там же. С. 339.

M.S. Meyer

(Moscow)

FROM THE HISTORY OF EURASIANISM

Summary

Eurasianism is a particular trend within the Russian socio-political thought of the XX-th century. It appeared during the early twenties as a reaction of the Russian emigrate intellectuals to the terrible results of the First World War and the Russian revolution of 1917. The authors of a new spiritual stream, namely N. Trubetskoy, P. Savitsky, G. Florovsky and others, wanted to find the general idea, which might ensure a revival of the Russian culture and a restoration of the Russia's role in the World politics.

They believed that Russia would be a special historical-cultural world, nothing like on the West or on the East, because Russia would have a central place in the Old World from Germany till China and it would unite many nations and tribes. On a whole a new territorial and political unity – Eurasia appeared and a new nation – the eurasians emerged. The supporters of Eurasianism made a speech against the eurocentrism. They asserted that the Russian culture would

be a result of a synthesis of the traditions of European and Asian spiritual life. Their motto was: «Russia could not be appeared without a Tartar's yoke».

The named authors saw in the World history three waves of the eurasian culture. Firstly, it is a Hellenistic culture, which was a synthesis of the achievements of the Hellenistic Europe and Ancient Orient. Secondly, it is a Byzantine culture, which was a synthesis of the Christian West and Muslim East. Thirdly, it is a Russian culture as a legacy of the Byzantine culture and Byzantine contacts with Europe and Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	4
Б.Н. Флоря (<i>Москва</i>)	9
50-е гг. XVII в. в истории международных отношений в Центральной части Евразии и задачи публикации материалов о деятельности русской и украинской дипломатии в эти годы	
Л.В. Заборовский (<i>Москва</i>)	24
Последний шанс умиротворения: переговоры Б.А. Репнина во Львове 1653 г.	
Искра Шварц (<i>Вена</i>)	31
Австро-русские дипломатические отношения в первые годы Северной войны	
Кристоф Аугустинович (<i>Вена</i>)	47
Русско-польская война 1654–1657 гг. и посредничество Габсбургской империи	
Е.И. Кобзарева (<i>Москва</i>)	53
Документы по истории русско-шведского конфликта в 50-х гг. XVII в. в фондах РГАДА	
Стеллан Далгрэн (<i>Уппсала</i>)	81
Швеция и страны Восточной Европы в пятидесятые годы XVII в.: историография и источники	
Ольга Иванова (<i>Аархус</i>)	92
Русско-датские переговоры в 50-е гг. XVII в. (история вопроса и источники)	

Л.Е. Семенова (<i>Москва</i>)	115
Дунайские княжества в международном контексте в 50-е гг. XVII в. (по материалам РГАДА)	
О.В. Хаванова (<i>Москва</i>)	133
Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е годы XVII в.	
В.Г. Ченцова (<i>Москва</i>)	151
Источники фонда «Сношения России с Грецией» Российского государственного архива древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в.	
С.Ф. Фаизов (<i>Москва</i>)	180
Послание хана Мухаммеда-Гирея царю Алексею Михайловичу о своем восшествии на крымский престол в контексте русско-крымских отношений 1654 г. (перевод и комментарии)	
М.С. Мейер (<i>Москва</i>)	208
Евразийство в начале и в конце своего пути	

CONTENTS

Introductory notes	4
B.N. Florea (<i>Moscow</i>)	9
5 th decade of the 17 th century in the history of international relations in the central part of eurasia and the problem of publication of sources on russian and ukrainian diplomatic activity of the time	
L.V. Zaborovsky (<i>Moscow</i>)	24
The last opportunity for peacemaking: B.A. Repnin's negotiations in Lvov in 1653	
Iskra Schawrcz (<i>Vienna</i>)	31
Diplomatic relations between Austria and Russia through the first years of Northern War	
Christoph Augustynowicz (<i>Vienna</i>)	47
The Polish-russian War 1654-1657 and the imperial mediation	
E.I. Kobzareva (<i>Moscow</i>)	53
Documents from Russian State archives of old acts on the conflict between Sweden and Russia in the 5 th decade of the 17 th century	
Stellan Dalgren (<i>Uppsala</i>)	81
Sweden's relations to Eastern Europe in the 1650s swedish historiography and source material in Sweden	
Olga Ivanova (<i>Aarhus</i>)	92
The russian-danish negotiations in the 50s of the 17 th century (the history and sources)	

L.E. Semenova (<i>Moscow</i>)	115
Danubian principalities in the context of international relations of the 5 th decade of the 17 th century. (Sources from Russian State archives of old acts)	
O.V. Khavanova (<i>Moscow</i>)	133
The foreign policy of the principality of Transylvania in the context of international relations in the middle of the 17 th century.	
V.G. Chentsova (<i>Moscow</i>)	151
Sources from the Greek collection of the Russian State archives of old acts on the international relations in eastern and south eastern Europe through the 5 th decade of the 17 th century.	
S.F. Faizov (<i>Moscow</i>)	180
Khan Muchammed Girey's letter to tsar Alexey Michailovich on the occasion of khan's intronization in the context of the relations between Russia and Crimea in 1654. (Text, translation and commentaries)	
M.S. Meyer (<i>Moscow</i>)	208
From the history of eurasianism	

Р 88 Русская и украинская дипломатия в Евразии:
50-е годы XVII века / Научное издание, М. Институт
славяноведения РАН, 2000. – 224 с.

В большинстве статей сборника дается характеристика документов, сохранившихся в различных фондах российских и зарубежных архивов, раскрывается их значение для исследования деятельности русской и украинской дипломатии в 50-е годы XVII в. в контексте международных отношений этого периода в Центральной Евразии. Для историков, преподавателей, студентов.

УДК 930.22

ББК 63.3(051)

Компьютерный набор, обработка авторских файлов,
подготовка к верстке — М.И. Леньшина

Перевод на английский язык и с английского на русский — Е.М. Ломизе.

Код 221. Серия ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 5.11.2000 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
14 п.л. Тираж 500 экз. Заказ №